

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

В.И.Томашпольский

ОБЩЕРОМАНСКИЙ ГЛАГОЛ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ОКОНЧАНИЙ

Свердловск

Издательство Уральского университета
1987

4 И
Т 56

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Издательства Уральского университета

Томашпольский В.И. Общероманский глагол: Реконструкция системы окончаний. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. 130 с.

Монография посвящена проблеме реконструкции истории и диалектных особенностей общероманской глагольной системы. Рассматриваются принципы применения метода реконструкции к материалу романских языков на морфологическом уровне. Обсуждаются результаты реконструкции общероманской системы глагольных окончаний и ее эволюция в прароманских диалектных областях. Монография рассчитана на специалистов по романскому и сравнительно-историческому языкознанию.

Научный редактор:
А.Б.Черняк, канд. филол. наук (Ин-т языкознания АН СССР, Ленинградское отделение)

Рецензенты:
кафедра романской филологии ЛГПИ им. А.И.Герцена (завкафедрой д-р филол. наук, проф. Л.М.Скрябина),
Е.А.Реферовская, д-р филол. наук, проф. (Ин-т языкознания АН СССР, Ленинградское отделение)

4602010000-37
Т 182(02)-87

© Издательство Уральского
университета, 1987

П р е д и с л о в и е

Хорошо известно, что латинские свидетельства, имеющие большое значение для изучения предистории романских языков, не отражают эволюцию праязыка с достаточной надежностью и полнотой. Они фрагментарно документируют изменения языка-источника во времени и почти ничего не дают для изучения его диалектных особенностей. Поэтому, когда для воссоздания общего источника романских языков (как бы его ни называли — вульгарной или народной латинью, общероманским или протороманским) используется исключительно или главным образом латинские свидетельства, он восстанавливается не как обычный естественный язык, имеющий свою историю, а как относительно однородная и устойчивая система, почти не поддающаяся воздействию факторов времени и расстояния.

Чтобы получить более реальное представление о предистории романских языков, т.е. восстановить их общий источник как изменяющуюся во времени и в пространстве, подверженную другим видам варьирования систему, нужно наряду с изучением латинских свидетельств встать на путь последовательного применения метода сравнительно-исторических реконструкций. По ряду причин исследования такого рода в романистике немногочисленны.

Автор этой работы ставит перед собой цель, используя метод реконструкции в его романском варианте, воссоздать с доступной степенью реализма предисторию изменяющихся во времени и в пространстве романских глагольных окончаний от эпохи формирования праязыка до первых романских текстов.

В силу особенностей развития романского исторического языкознания подобная задача до настоящего времени не ставилась, а потому в романистике нет специальных исследований, посвященных непосредственно истории общероманской глагольной системы окончаний. В подавляющем большинстве ученые берут за основу латинское спряжение, а попытки систематического восстановления общероманских прототипов предпринимаются крайне редко. Из таких исследований наиболее важны монографии Р.де Дарделя, Т.Маурера, Г.Лаусберга, Р.А.Холла (Derdel, 1958; Maurer, 1959; Lausberg, 1962-67, III; Hall, 1983). Однако по причине их неспециального характера эти

публикации затрагивают лишь часть проблем, связанных с реконструкцией общероманской глагольной системы.

Так, у Р. де Дарделя можно найти только окончания сильных перфектов, но и они рассматриваются не отдельно, а в связи с реконструкцией словоформ (Dardel, 1958). Т. Маурер восстанавливает достаточно полные парадигмы, но делает это, по его собственному признанию, приблизительно, получая в результате позднюю систему спряжения западнороманского типа (Maurer, 1958, § 70-74). Американский компаративист Р. А. Холл, автор недавно опубликованной "Протороманской морфологии", реконструируя фрагменты "протороманского" спряжения, постулирует по сути дела ранние общероманские прототипы без учета вариантов и территориальных разновидностей (Hall, 1983, с. 47-100). Только Г. Лаусберг пытается воссоздать ареальные источники глагольных систем, но в его исследовании реальные прототипы подменяются эвристическими схемами, призванными показать не вероятные незасвидетельствованные формы, а происхождение составных частей романских словоформ (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и др.); к тому же флексиям не придается особого значения, поэтому в одном и том же параграфе можно встретить несовпадающие варианты, например прототипы для испанского и португальского *vident*, но *venden*, *dormen* (ibid., § 869). Кроме того, романисты используют в первую очередь данные наиболее известных языков в их литературных разновидностях, не принимая в расчет свидетельства "малых" языков и диалектные факты, что, естественно, не может не сказаться на результатах реконструкций.

Автор настоящей работы не считает, что ему удалось преодолеть все трудности и решить все спорные вопросы исторической глагольной морфологии романских языков. Систематическое исследование литературного и диалектного материала выявило целый ряд новых проблем, которые казались решенными или не ставились вообще. Однако спорные вопросы и новые проблемы так же полезны, как и те результаты, которые уже сейчас можно считать достоверными. Все они способствуют решению основной задачи — продвинуться в изучении истории и диалектных особенностей общероманского праязыка, а значит, и грамматического строя отдельных романских языков.

Введение

ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕРОМАНСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ

Принято считать, что романская семья языков среди других индоевропейских семей занимает привилегированное положение. Связано это с тем, что известна латынь, которую обычно сближают с языком-основой (Вандриес, 1937, с.275; Vidov, 1959, с.19; Йордан, 1971, с.18; Сосскр, 1977, с.43, 248; СИИЯРС, 1982, с.116, 294). Действительно, романисты, ставящие перед собой - в качестве основной или второстепенной - цель восстановления общего источника романских языков, имеют, в отличие от германистов или славистов, две возможности: сравнительную реконструкцию и анализ латинских свидетельств. За более чем полуторавековую историю развития романского языкознания одни выдвигали на первое место изучение латинских текстов, другие предпочитали реконструкцию, третьи считали более надежным сочетание в той или иной пропорции этих двух приемов.

Идея о применении метода реконструкции к романскому материалу прошла в своем развитии три этапа, связанные отношениями исторической преемственности: 1) постановка задачи романской реконструкции; 2) разочарование в ее возможностях на методологическом уровне конца XIX - начала XX в.; 3) стремление вернуться к идее реконструкции на другом уровне с привлечением новых материалов, представлений и достижений лингвистики.

Впервые в явном и достаточно полном виде идея восстановления романского языка-источника на основе сопоставления романских языков сформулировал В.Мейер-Любке (Meyer-Lübke, 1884, с.205; 1888, с.359) ¹. Не избежав некоторых колебаний, он использовал метод реконструкции в течение всех сорока лет своей научной деятельности, хотя и не занимался теоретическим обоснованием его применения. В первом томе "Грамматики" и во втором издании "Очерков романской филологии" Г.Грөбера он действительно снял под напором критики некоторые вызывавшие раздражение формулировки, но делать отсюда выводы о практическом или теоретическом отказе от

реконструкции (Hall, 1950, с.6-7; Корлякову, 1974, с.127) неправомерно. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в конкретные исследования австрийского романиста, где практически всегда используется ретроспективная или проспективная реконструкция, теоретическое обоснование которой не только сохранено во "Введении в романское языкознание", но даже усилено и подчеркнуто в третьем его издании (Meyer-Lübke, 1901, с.84; 1920, с.121).

В.Мейер-Любке не считал, однако, восстановление праязыка основной задачей романского языкознания и не выделял учение о прароманском языке в отдельное направление (Meyer-Lübke, 1901, с.55). Поэтому в "Грамматике романских языков" и частных исторических грамматиках он прибегал к расположению материала в хронологическом порядке, исходя как бы из известного прароманского состояния. Нет нужды искать объяснение проспективному, а не ретроспективному расположению материала в работах австрийского романиста ни в отказе от реконструкции, ни в трудностях, связанных с последовательным применением метода и представлением результатов (Hall, 1950, с.7), ни в том, что известна латынь (Värrago, 1977, с.146). В.Мейер-Любке попросту следовал авторитетным компаративистским образцам своего времени (ср., например: Schleicher, 1861-62; 1876). Считая реконструкцию предварительной процедурой, он не обсуждал ее в своих работах, выводил ее за пределы исследований, а изложение начинал с ее результатов; если реконструкция давала близкие к латинским формы, он брал за основу эти последние ².

Позднее компаративисты, работавшие на романском материале, зачастую впадали в ошибки, которые возникали из-за упрощенного понимания метода. Выражалось это в излишне прямолинейном восстановлении прототипов для отдельных языков без учета данных других языков; в недооценке исторических и социальных факторов, нарушающих регулярность языковых изменений; в преувеличенном внимании к инвентарю единиц, недооценке значения связей и отношений между элементами в системе.

Такие просчеты подрывали авторитет метода реконструкции, а бурное развитие диалектологии, направления "Слова и вещи", лингвистической географии создали у многих иллюзию, что эволюция языка в принципе не регулярна, а потому любые реконструкции, опирающиеся на представление о регулярности языковых изменений, нео-

правданы. В результате романисты стали считать, что прямые латинские свидетельства значительно убедительнее косвенных романских (см., например: Pei, 1947, с.118). Они отказались от реконструкций и "отступили" к исследованию латинских свидетельств, предпочитая брать за основу, хотя и не всегда обладающие объяснительной силой, зато относительно единообразные, а потому внешне более надежные и менее уязвимые для критики, слова, формы и конструкции из латинских текстов ³.

В современной романистике сравнительно-историческое направление с акцентом на реконструкции романского праязыка представлено ограниченным числом исследований ⁴. В США идея воссоздания протороманского нашла отражение в трудах Дж.Л.Трейджера, Р.А.Холла, К.С.Леонарда (Traeger, 1946; Hall, 1950; 1960; 1969; 1974; 1976; 1983; Leonard, 1964; 1969; 1980). В Европе наиболее значительные работы связаны с именами А.Бюрже, Т.Маурера, Р.де Дарделя (Burger, 1943; 1949; Maurer, 1959; 1962; Dardel, 1958; 1963; 1965; 1978; 1983). В советской романистике о проблемах общероманского писали М.А.Бородина (1967), Л.М.Скрелина (1972, с.25; 1984), Г.В.Степанов (ГСРЯ, 1978, с.12-14), А.Б.Черняк (1975; 1979; 1981; 1984) и другие (СИИЯРС, 1982, с.126-129). Реконструкция общего источника в его диалектных разновидностях на фонологическом уровне предпринята в работах А.В.Пироковой (1978; 1979; 1981; 1982; см. рец.: Лопатина, Мамсурова, 1984).

Возможность реконструкции общего источника романских языков не вызывает сомнений у ученых, имеющих ясное представление о сравнительно-историческом методе (Мейе, 1938, с.80; Вандриес, 1937, с.275; Тронский, 1953, с.257). Сомнения высказываются по поводу целесообразности подобной реконструкции и ее места в романском языкознании. Кто-то отвергает этот метод вообще (см. выше); большинство же считает его второстепенным, вспомогательным приемом (Vidov, 1959, с.34; Väinänen, 1967, с.18-20; Корляню, 1974, с.127; Алисова и др., 1982, с.110; СИИЯРС, 1982, с.126-129). Ссылаются обычно на то, что сопоставление языков приводит к нереальным, т.е. абстрактным, схематичным, модернизированным, слишком однородным и тождественным результатам (см., например: СИИЯРС, 1982, с.128); или что реконструкция дает гипотетические результаты (Väinänen, 1967, с.19; Корляню, 1974, с.127; Алисова и др., 1982, с.110); или, наконец, что общий источник завы-

детельствован в латинских документах; при этом речь идет о классических свидетельствах (Mańczak, 1977; Foley, 1979) или чаще о вульгарных (Muller, 1929; Pei, 1947, с.118; Йордан, 1971, с.18). Чтобы ответить на вопрос о правомерности и необходимости романской реконструкции, рассмотрим эти и некоторые другие доводы.

Мнение о нереальности результатов реконструкции связано с неопределенными представлениями о лингвистической реальности и с неверным пониманием возможностей метода. А гипотетичность вообще не может рассматриваться как аргумент, поскольку этим признаком в лингвистике обладает любое теоретическое объяснение⁵.

Можно со всей определенностью утверждать, что латинские документы не отражают историю общего источника романских языков, а поэтому нет оснований отказываться от реконструкции в их пользу или отдавать им предпочтение. Конкретные исследования убеждают, что литературная латынь и общероманский – далеко не одно и то же, а значит, литературная латынь не может считаться общим источником романских языков. Если же говорить о вульгарнолатинских свидетельствах, то они не обладают ни необходимой надежностью, ни достаточной полнотой; поэтому было бы нереально толковать их в буквальном смысле, рассматривать как последовательные отражения прароманской речи и пытаться только по ним восстановить исходное состояние (см. с.15–16).

Исключительная или преимущественная ориентация на латинские документы приводит к неточностям и даже ошибкам. Основные из них состоят в том, что общий источник романских языков подменяют системой литературной латыни (Mańczak, 1977; Foley, 1979), совокупностью неклассических свидетельств (Väänänen, 1967; Корлэтану, 1974 и др.) или источником части романских языков (Pilgram, 1959, с.423; Шигаревская, 1974, с.19). Да и возможности латинских свидетельств практически исчерпаны. Нечитаемых или малочитаемых текстов почти не осталось, а новые открытия не дадут качественного изменения базы данных ни для восстановления языка-основы, ни для подтверждения реконструкций. Опирайтесь исключительно или преимущественно на латинские документы – значит признать общероманский праязык во всей его реальности непознаваемым, утраченным безвозвратно, отказаться от дальнейшего продвижения по пути его восстановления и изучения истории романских языков.

Без сопоставления романских языков и хотя бы приблизительной реконструкции невозможно обосновать наличие связи между ними и латынью, установить соотношение между романскими языками и различными разновидностями латинского языка (архаической, классической, вульгарной, поздней и т.п.). Даже те романисты, которые отождествляют общий источник романских языков с классической или вульгарной латынью и отрицают компаративный метод, волюн или неволюн, осознанно или неосознанно пользуются таким сопоставлением попросту из-за того, что другого способа нет.

Применение метода реконструкции позволяет по-настоящему разобратся во всей совокупности латинских свидетельств, отделить романские явления от нероманских, реальные от нереальных, разглядеть за нагромождением противоречивых фактов те, которые отражают систему общего источника романских языков⁶. Метод реконструкции значительно расширяет возможности датировки общего источника. Только на его основе устанавливается относительная хронология прароманских изменений и отбираются латинские свидетельства, позволяющие наметить абсолютную хронологию. Он остается главным средством для установления пространственных параметров, в первую очередь диалектного членения общероманского праязыка. Латинские документы в этом отношении, как известно, почти ничего не дают (Корлятану, 1974, с.247 и след.; Алисова и др., 1982, с.93-95).

Эти аргументы показывают, что применение метода реконструкции на романском материале не только возможно, целесообразно, но и необходимо. Именно метод реконструкции, а не латинские документы, должен стать основным средством восстановления общероманского праязыка, уточнения его датировки, социальной принадлежности, диалектного и хронологического членения, выявления его отношений со старой, классической и вульгарной латынью, конкретизации многих вопросов из истории отдельных романских языков. Сказанное не следует, однако, понимать как призыв отказаться от использования латинских документов: в рамках сравнительно-исторического направления они сохраняют свое значение, но представляют собой второй по важности источник для воссоздания романского языка-основы.

Вполне понятно, что реконструкция истории общероманского праязыка должна опираться на хорошо разработанные принципы. Это положение, по-видимому, не вызовет возражений само по себе, но может возникнуть вопрос о том, в какой мере необходимо писать о принципах, учитывая, что компаративистика в скором времени отме-

тит свой двухвековой юбилей. Не будет ли такое обсуждение повторением хорошо известных истин?

Необходимость обсуждения принципов в настоящее время существует. Применительно к романскому материалу в явном и достаточно развернутом виде они нигде не изложены, а высказываемые кое-где отдельные положения должны быть включены в общий контекст и не всегда могут быть приняты безоговорочно⁷. Опирайтесь же на принципы индоевропейского, славянского, германского или другого языкознания впрямую без их осмысления и приспособления нецелесообразно из-за заметного своеобразия истории романской группы языков. Кроме того, важно учесть и связать с романским материалом методологические достижения компаративистики последних десятилетий и сравнительно новую важную установку на реконструкцию праязыка как развивающейся динамической системы (СИИЯРС, 1981; 1982), ориентировать реконструкцию на воссоздание общероманского как изменяющегося во времени и в пространстве, подверженного другим видам варьирования реального языка.

Обобщение результатов восстановления истории прароманской глагольной морфологии позволяет сформулировать основные принципы романской реконструкции, которые не следует, однако, расценивать как чисто морфологические, потому что они в значительной мере приложимы к сравнительным исследованиям и на других уровнях. Их удельный вес непостоянен; он меняется в зависимости от того, каким видам реконструкции отдается предпочтение, какие другие приемы и методы сочетаются с реконструкцией и, наконец, от того насколько представлены, разработаны и используются те или иные материалы.

Основное направление исторической реконструкции обратно хронологическому — от романских свидетельств ко времени формирования праязыка. Это следует из ее главной цели восстановить исходное состояние и его эволюцию. Такую реконструкцию называют ретроспективной. Она предполагает поэтапное движение к цели, включающее в несколько идеализированном виде три ступени: а) восстановление прототипов (исходных, первичных состояний, протосостояний) отдельных языков или групп диалектов; предполагается накопление достаточно полных данных, изучение форм, их компонентов, парадигм и значений, внутренняя реконструкция, объяснение материальной, семантической и системной стороны явлений для отделения исходных единиц от производных; б) восстановление прототипов групп

языков (иберо-романского, галло-романского, ретороманского, итало-романского, балканороманского, сардороманского вариантов или диалектов праязыка) и их истории; исследователь переходит от более тесно связанных генетически к менее тесно связанным языкам (см. ниже); внешняя реконструкция сочетается с внутренней; в) восстановление общероманской системы и ее истории осуществляется на основе сопоставления всех языков с учетом результатов, полученных на предыдущих этапах. Ретроспективная поэтапная реконструкция дает возможность не только воссоздать общероманскую систему, но наметить временное, территориальное и другое варьирование языкоосновы, говорить о предистории, ранней, поздней истории и региональных вариантах (диалектах) праязыка.

Этапы реконструкции определяются в первую очередь степенью родства языков и диалектов. Решение вопроса о степени родства может быть представлено в виде классификации (см. табл. I).

Таблица I

Генетическая классификация романских языков (и диалектов).
Романская группа (семья) языков

Континентальные					Ос- тров- ные
западнороманские				восточно- романские	
иберо- романские	галло- романские	рето- романские	итало- романские	балканороманские	сардороманские
испан- ский	француз- ский	реторо- манский	итальян- ский	румын- ский	сардин- ский
порту- гальский	окситан- ский	(фриуль- ский)	далматин- ский	молдав- ский	
(гали- сийский)	каталан- ский			(истрору- мынский)	
(мосараб- ский)	(гаскон- ский)			(меглено- румынский)	
	(франко- прован- сальский)			(арумун- ский)	

В таблицу I включены все разновидности романской речи, которые необходимы для реконструкции и могут классифицироваться как языки независимо от времени их существования, поэтому ее не следует рассматривать как отражающую какое-либо синхронное состояние Романии. В круглых скобках поставлены языковые системы, статус которых не определен, т.е. одни относят их к языкам, другие к диалектам или вариантам. Мосарабский¹ включен в перечень как необходимая для реконструкции разновидность иберороманской речи. Каталонский может также входить в иберороманскую подгруппу (Васильева-Шведе, 1983). Самостоятельность ретороманской подгруппы не очевидна. Ретороманский² и фриульский могут относиться к галлороманским языкам или входить в италороманскую подгруппу (ср.: Алисова и др., 1982, с.36). Далматинский может быть связан с балканороманской подгруппой (обзор точек зрения см.: Репина, 1983). Сардинский³ выделяется в особую подгруппу на основании характерных лингвистических преобразований важных структурных элементов, заметного своеобразия (крайне архаически⁴ характер), изолированного, островного положения и других признаков, делающих его особенно важным для реконструкции общероманского праязыка (о сардинском см.: Алисова и др., 1982, с.37).

В компаративистике происходит переосмысление понятия о праязыке. Статический подход все более сменяется динамическим, а задача воссоздания исходных прототипов и протосостояния уступает место задаче восстановления истории и диалектных особенностей праязыка, рассматриваемого как реальная система, наделенная временными, территориальными и другими параметрами.

Установление временных параметров состоит в определении хронологии лингвистических объектов, т.е. времени протекания процессов или существования явлений. Оно может быть относительным (последовательность, одновременность, совмещение во времени) или абсолютным. Существует несколько методов, приемов и средств для определения хронологии: а) метод относительной хронологии, представляющий собой средство упорядочения по времени результатов реконструкции; б) внутренняя реконструкция как развитие предыдущего метода; в) установление хронологии на основании латинских свидетельств; г) использование латино-романских заимствований в германских, кельтских, баскском, берберском, греческом и албанском языках; д) привлечение культурно-исторических данных.

Определение территориальных параметров состоит в установлении пространственных границ процессов и явлений, границ праязыковой системы в целом, пространственного членения праязыка или границ диалектов праязыка. Для этого романистика располагает следующими средствами: а) сопоставление романских языков и диалектов по отдельным группам и областям, внутренняя и внешняя реконструкция; б) использование латинских свидетельств; в) привлечение культурно-исторических данных; г) применение ареальных приемов анализа.

Сравнительно-исторический метод пока не располагает специальными приемами для установления социальных и функциональных параметров праязыка, но отдельные наблюдения и выводы возможны уже сейчас.

Реконструкция опирается на древнейшие (первичные, исходные) романские данные, т.е. наиболее архаические из засвидетельствованных состояний языка, формы которого ближе к начальному романскому образцу. В то же время сопоставление строится с учетом диалектного, более позднего и современного литературного материала, необходимого потому, что он зачастую сохраняет архаические черты и тем самым проливает дополнительный свет на праязык там, где рассмотрение древнейших данных не дает исчерпывающей картины.

В процессе реконструкции сравниваются не любые элементы, а только те, которые имеют общее происхождение, т.е. факты, генетическое тождество которых установлено как в плане формальном (материальном), так и в плане семантическом (функциональном). Основой для реконструкции всегда остается генетическое родство, признаком которого может служить наличие между сопоставляемыми элементами закономерных соответствий (Семереньи, 1981, с.42-43; Журавлев, Нерознак, 1981, с.10). Неродственные элементы сопоставляются лишь типологически.

Типологические данные используются, по возможности, на всех этапах реконструкции, а не только в спорных случаях. Типологическая поддержка дает прежде всего параллели для обоснования или проверки гипотез о состоянии, функционировании и развитии праязыка; основания для выдвижения новых предположений; критерии для оценки и выбора гипотез в ситуации неединственности решений; в сочетании с другими приемами возможность реконструировать в праязыке такие явления, которые не зафиксированы, так как были утрачены во всех родственных языках (Журавлев, Нерознак, 1981, с.11).

Вместе с тем в привлечении типологических данных нужна мера.

Правы те исследователи, которые вводят определенные ограничения, утверждая, что данные типологии не следует переоценивать и ставить их выше результатов сопоставления языков. Типологические доводы в строго логическом смысле имеют только силу аналогии, которая подкрепляет выводы, но не доказывает и не опровергает, потому что аналогичные предпосылки могут давать разные результаты, а сходные результаты могут следовать из различных предпосылок. Отсутствие типологических параллелей не может быть решающим аргументом против реконструкции.

Значение метода реконструкции и латинских свидетельств, их место и возможности оцениваются по-разному: а) латинские свидетельства дополняют реконструкцию (Meyer-Lübke, 1920, § 98; Вандриес, 1937, с.275; Meffe, 1938, с.79-80; Dardel, 1958, с.27; Hall, 1974, с.16-17; Сосскр, 1977, с.248); б) реконструкция дополняет латинские свидетельства как вспомогательный прием (Vidos, 1959, с.34; Väänänen, 1967, с.14; Скрелина, 1972, с.26; Корлятану, 1974, с.124-127; Алисова и др., 1982, с.110); в) оба источника дополняют друг друга (СИИЯРС, 1982, с.126; некоторые из перечисленных выше авторов наряду с предыдущим утверждением); г) реконструкция не нужна, а, по мнению некоторых, даже вредна; латинские факты позволяют восстановить историю общего источника романских языков, не прибегая к сравнительному методу (Bartoli, 1925; Pei, 1947, с.118; Várvaro, 1977; Walsh, 1980).

Опираясь на опыт конкретных исследований, можно сформулировать условия привлечения латинских документов. Прежде всего, изучение свидетельств обычно следует за реконструкцией, но может ей предшествовать. В первом случае романист ищет подтверждение своим гипотезам, во втором — основания для предположений. Отсутствие латинского свидетельства — слабый аргумент против реконструкции, не снижающий ее вероятности, тогда как отсутствие соответствующего явления в реконструируемой системе — серьезный довод против латинского свидетельства. После изучения такое свидетельство может быть сохранено как отражение явления, не нашедшего продолжения в романских языках, учтено как косвенное свидетельство (описка, гиперкорректная форма, скрывающая романские процессы или их последствия) или, наконец, отброшено как ненужное и обманчивое.

Восстановление романского праязыка представляет собой не столько проблему техническую (последовательное применение определенных процедур, приемов и методов), сколько проблему историческую. Ре-

конструируя реальный общероманский праязык, мы должны рассматривать его в конкретных культурно-исторических связях с действительностью и реальными историческими носителями. Привлечение культурно-исторических данных (см. ниже) дает основания для подтверждения и выдвижения гипотез о протекании процессов, существовании и функционировании явлений и системы праязыка в целом, о временных и территориальных параметрах; основания для определения условий, причин, закономерностей развития и изменения системы.

Принцип системности имеет, как известно, общелингвистический характер. В нашем случае он предполагает восстановление не только субстанции и структуры, но и системы праязыка. От вопроса, существовал ли такой-то элемент в праязыке и как он выглядел, исследователь переходит к вопросу, мог ли реконструируемый элемент сосуществовать в праязыковой системе с другими уже восстановленными элементами и как эта система выглядела. Придерживаясь принципа системности, романист получает возможность упорядочить реконструируемые элементы, найти место отдельным явлениям в системе, установить связи и отношения между ними; воссоздать общероманский как развивающуюся, подверженную варьированию систему, предельно приблизиться к реальной истории праязыка; обнаружить такие явления, которые были утрачены всеми романскими языками, разумеется, при поддержке типологических данных и латинских свидетельств; наконец, выбрать одно из возможных решений, оценить результаты, избавиться от несущественных, нереальных или неверно реконструированных черт; в этом случае критерием становится сама система.

Для реконструкции необходим широкий круг источников, материалов, данных. Взяты в отдельности, они не могут служить достаточным основанием для достоверных суждений об истории общероманского. Только в совокупности они образуют необходимую и достаточную базу данных. Речь идет о следующих материалах:

I. Сведения о романских языках и диалектах. К ним относятся как результаты и выводы, полученные сравнительной грамматикой и историческими грамматиками романских языков, так и непосредственно романские свидетельства. Они рассматриваются как ближние и дальние следствия реконструируемых общероманских процессов. Среди романских свидетельств выделяются: древнейшие данные, отражающие наиболее архаическое из засвидетельствованных состояний языка, ближе других располагающиеся к исходному образцу независимо от датировки; диалектные материалы, среди которых часто обнаружива-

ются архаические явления; данные о новых и современных литературных языках. Романские свидетельства образуют основной источник для реконструкции истории общероманского праязыка.

2. Сведения о классической и неклассической латыни. К ним относятся результаты и выводы исторической грамматики латинского языка, исследований по вульгарной латыни и латинские свидетельства, подразделяющиеся на классические (литературные) и неклассические.

Классические свидетельства достаточно полно отражают систему литературного латинского языка, существовавшего параллельно с общероманским (они употреблялись или как два языка, или как две разновидности одного языка), а потому для прароманской реконструкции они имеют лишь силу аналогии как родственные образования. Те классические факты, которые совпадают с реконструкциями, подтверждают их на тех же основаниях, что и неклассические свидетельства.

Неклассические свидетельства не отражают непосредственно никакой системы. Разрозненные и противоречивые, они образуют простую совокупность, в которой романист находит слова, формы и конструкции, принадлежащие архаической латыни, различным спектрам нелитературного латинского узуса и общероманскому употреблению⁸. Неклассические свидетельства известны для всех периодов. Среди них выделяются ранние, или архаические, факты (до III—II вв. до н.э.), косвенно отражающие предысторию общероманского, и все прочие свидетельства, частично отражающие историю общероманского. Вторая группа, а иногда и все они называются вульгарнолатинскими, или народнолатинскими.

3. Выводы сравнительной грамматики индоевропейских языков, отражающие дальнюю предысторию общероманского, ранние тенденции развития.

4. Типологические данные, среди которых выделяются: данные "внешней" типологии (о неродственных языках) и "внутренней" типологии (о родственных, т.е. романских, индоевропейских языках); вторые особенно важны в силу общности тенденций и процессов; данные синхронной типологии (о состоянии и функционировании систем) и данные исторической типологии (о закономерностях эволюции систем, о константах развития).

5. Культурно-исторические данные, относящиеся к четырем условно выделяемым периодам: предыстория Романии, образование древней

Романии, Романия в поздний период истории Рима и после его падения вплоть до образования романских языков, внешняя история романских языков⁹.

Термин "реконструкция" имеет несколько значений. Под реконструкцией понимают, во-первых, основную процедуру сравнительно-исторического языкознания, состоящую в воссоздании незасвидетельствованных языковых состояний и их истории в первую очередь путем планомерного сравнения фактов родственных языков, отраженных в письменных памятниках или известных по живому употреблению в речи; во-вторых, результаты такого воссоздания, восстановленное языковое состояние или отдельные явления. Во многих случаях мы говорим о реконструкции в широком понимании, т.е. о воссоздании праязыка не только путем сопоставления романских языков, но и при помощи других материалов, методов, приемов и средств. В зависимости от конкретных целей исследователя те или иные принципы могут выдвигаться на первый план, и тогда говорят о различных видах реконструкции (СИИЯРС, 1982, с.293).

Материальная/структурная/системная реконструкция. Под материальной реконструкцией понимается воссоздание элементов, отдельных явлений, субстанции; под структурной – восстановление связей и отношений; под системной – воссоздание совокупности элементов, организованных связями и отношениями в единое целое.

Ретроспективная/проспективная реконструкция. Под ретроспективной реконструкцией понимается воссоздание исходного состояния на основании засвидетельствованных результатов его развития. Взгляд исследователя обращен в прошлое, против хода времени, от романских свидетельств к общероманскому. Проспективная реконструкция предполагает воссоздание последующих этапов на основании изучения известных предшествующих. Проспективная точка зрения пригодна главным образом для изучения истории общероманского праязыка и отдельных романских языков, для воссоздания процессов эволюции¹⁰.

Внешняя/внутренняя реконструкция. Внешней реконструкцией называют процедуру сопоставления генетически тождественных явлений, принадлежащих разным родственным языкам, для воссоздания прототипов этих явлений и праязыка накануне распада. Внутренняя реконструкция предполагает сопоставление вариантов явлений в рамках одного языка для установления существующих между ними отношений.

Статическая/динамическая реконструкция. Эти понятия возникли в результате нового осмысления праязыка. Статической стали назы-

вать внешнюю реконструкцию, дающую, без привлечения дополнительных материалов и приемов, бездиалектную, плоскостную картину праязыка. Современная компаративистика предъявляет к реконструкции требование динамизма; при этом под динамической реконструкцией понимается такое сочетание приемов и методов, которое дает возможность устанавливать вариационные параметры праязыка, восстанавливать его изменения во времени и пространстве (с.12-13).

Генетическая/типологическая реконструкция. Эти две разновидности признаются далеко не всеми. По мнению некоторых лингвистов, о первой правомерно говорить, имея в виду генетический⁸ аспект изучаемого явления, построение материальной стороны архетипа, о второй – имея в виду типологический аспект рассмотрения того же явления, определения его функционального содержания (Климов, 1980, с.3; ТОКМ, 1982, с.277).

Ближняя/дальняя реконструкция. Под ближней реконструкцией понимается восстановление праязыка накануне распада главным образом путем внешнего сопоставления родственных языков. Дальняя реконструкция предполагает восстановление ранних этапов эволюции праязыка и его предистории в первую очередь путем системного внутреннего анализа, а также путем поиска родственных связей (для общероманского – латинь и другие итальянские языки) (см. об этом: СИНИРС, 1982, с.296).

Фонологическая/морфологическая/синтаксическая/лексико-семантическая реконструкция. Имеется в виду восстановление соответствующего уровня, яруса или подсистемы праязыка.

Конкретная процедура реконструкции почти никогда не представлена одним видом, а сочетает несколько аспектов.

Последовательное сопоставление романских языков по отдельным областям (Иберия, Галлия, Ретия, Италия, Фелкани, Сардиния) и во всей романской перспективе с опорой на изложенные принципы дает возможность реконструировать историю и диалектные особенности общероманской глагольной системы. Для целей сравнительно-исторической реконструкции аффиксальные морфемы удобно подразделить на грамматические суффиксы, флексии и грамматические гласные элементы¹¹. Под суффиксами подразумеваются аффиксальные морфемы, следующие за основой контактно или дистантно (основа и грамматический суффикс могут быть разделены гласным элементом) и придающие словоформе главным образом значения времени и наклонения. Флексийными морфемами (окончаниями) считаются такие морфемы, взаимо-

замена которых в словоформах приводит к изменению морфологических значений прежде всего лица и числа, а в некоторых случаях времени и наклонения. К гласным относятся характерный (тематический) гласный, служащий в первую очередь показателем класса (спряжения, к которому относится глагол), и соединительный гласный, соединяющий основу или суффикс с флексией.

Глагольные окончания (флексии) представлены в общероманской перспективе тремя рядами: общие (флексии всех парадигм, кроме перфектной и императивной), перфектные (флексии перфектной парадигмы) и императивные (флексии императивной парадигмы). В отдельных случаях встречается перенос флексий из одной группы в другие.

Типы спряжения выделяются на основании следующих признаков: характерный гласный, грамматические суффиксы, место ударения (акцентная структура парадигмы), регулярность основ, активность и продуктивность класса глаголов. Все глаголы могут быть распределены, таким образом, между тремя регулярными и одним нерегулярным классом.

I спряжение: глаголы с характерным гласным -а-, среди которых различается бессуффиксальный подтип Ia (общером. *kantáre) и суффиксальный подтип Ib с суффиксом *-é(d)ǝ- (его рефлексy сохранялись на Балканах, в Далмации, Ретии и Италии); это спряжение в целом самый многочисленный, активный и продуктивный класс.

II спряжение: глаголы с характерным гласным -i-, среди которых различается бессуффиксальный подтип Pa (общером. *dormíre) и суффиксальный подтип Pb с суффиксом *-sk-; это спряжение - достаточно многочисленный активный и продуктивный класс.

III спряжение: глаголы с характерным гласным -e-, среди которых выделяется некорнеударный подтип IIIa (общером. *uidére) и корнеударный подтип IIIb (общером. *uéndere); этот тип спряжения - немногочисленный и непродуктивный класс глаголов.

Нерегулярное спряжение: глаголы, не входящие по каким-либо признакам ни в один из трех регулярных классов (общером. *éssere, *abére, *fákere и др.).

П р и м е ч а н и я

I Своими предшественниками В.Мейер-Любке считал Г.Шухардта и Г.Грёбера, применявших реконструкцию к романской фонетике и лексике (Meyer-Lübke, 1888, с.359).

2 Эта мысль находит подтверждение в пояснениях А.Мейе по поводу изложения материала в его "Введении" (Мейе, 1938, с.78-79). Кроме того, важно учесть замечание Ф.де Соссюра, считавшего, что методы ретроспекции и проспекции резко расходятся и применять их в одном изложении нецелесообразно (Соссюр, 1977, с.250). Ср. с.17.

3 В этом отношении показательны сопоставление I-го (1907) и 2-го (1921) изданий "Altspanisches Elementarbuch" А.Цаунера, одного из учеников В.Мейера-Любе. Если в 1907 г. А.Цаунер ставил перед собой задачу "описать состояние испанского языка до XVI в., а затем проследить его развитие в обратном направлении вплоть до латини", то в 1921 г., "в соответствии с многочисленными пожеланиями", он исходит из латини и рассматривает эволюцию языка в хронологическом порядке до новоиспанского (Zauner, 1921, с.УП-IX). Тем не менее он не отказывается от метода реконструкции, как показывает вышедшее в том же году 4-е издание его "Романского языкознания" (Zauner, 1921, I, с.27-28).

4 Ср. характерное утверждение в обзорной публикации начала 80-х годов: "В целом в романистике реконструкция протороманского не считается центральной проблемой" (СИИЯРС, 1982, с.129). Некоторые романисты, прибегая к реконструкции, считают нужным оправдаться: "Je demande aussi que le lecteur qui revête rêveur, sinon sceptique en face des hypothèses que nécessite ce regard projeté sur la nuit du proto-galloroman, veuille bien songer en même temps à la myriade d'astérisques qui miroite au ciel indo-européen" (Ort, 1966, с.380). Гиперкритическое отношение к сравнительно-исторической реконструкции является, по нашему мнению, запоздалым отражением агностических воззрений конца XIX - начала XX в.

5 См. подробнее: Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980, с.21 и др.; здесь же предшествующая литература.

6 Ср.: "Даже в романском языкознании только сравнительный метод позволит должным образом определять смысл и значение форм, обнаруживаемых в древних текстах. Как и индоевропейский язык, "вульгарная латинь", к которой восходят романские языки, проявляется лишь в результате изучения соответствий между позднейшими формами; латинские тексты различных эпох служат для уточнения и проверки, но только путем сравнения романских говоров возможно

построить системы и использовать данные рукописей или надписей и свидетельства грамматиков. Знание латыни помогает романистам, но один лишь сравнительный метод составляет основу их научных выкладок" (Мейе, 1938, с.79-80). Отметим, что А.Мейе отождествляет "вульгарную латынь" с "общероманским" праязыком (там же, с.73).

7 См. отдельные наблюдения у Burger (1943), Trager (1946), Hall (1950), Dardel (1958), Широковой (1982), Черняка (1984).

8 Неклассические свидетельства называют "скудными, фрагментарными, разрозненными, неискренними, обманчивыми, не заслуживающими доверия, путанными, неопределенными, противоречивыми, непригодными" и т.п. Кроме того, говорят, что они "дают неудовлетворительную картину... не дают системы... не создают верного отражения народной речи... не полно отражают народную латынь... имеют огромные пробелы... не могут адекватно передавать народную речь... не могут решить множества проблем... не фиксируют многие особенности разговорной латыни" и т.д. и т.п. Эти высказывания взяты у Meyer-Lübke (1884, с.205; 1888, с.359; 1901, с.82), Hall (1950, с.21; 1974, с.73), Dardel (1958, с.27-29), Maurer (1959, с.6), Väinänen (1967, с.14), Корлякову (1974, с.104), Соссира (1977, с.248), Алисовой и др. (1982, с.97). Противоположную оценку латинских свидетельств можно встретить, например, у Реи (1947, с.118), Йордана (1971, с.18).

9 Соответствующий круг вопросов очерчен Сергиевским (1954), Алисовой и др. (1982, с.6-136).

10 Прием проспективной реконструкции широко использовал В.Мейер-Любке (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 131, 142, 149, 254 и др.). Восстановленные таким путем формы он ставил в квадратные скобки.

11 Гласные элементы, в отличие от модально-временных показателей и флексий, среди морфологических компонентов структуры глагольных форм выделяются, например, в ССГРЯ (1972, с.270 и след.).

Глава первая

ИБЕРОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

В исторических исследованиях, посвященных глагольной морфологии, задача реконструкции протоиберороманской системы окончаний не ставится. В подавляющем большинстве работ за основу берется классическая латинская система, которая иногда дополняется отдельными реконструкциями и неклассическими свидетельствами¹. Причем главный объект таких реконструкций не флексии, а основы глаголов, грамматические суффиксы и характерные гласные. Попытку "этимологически спроецировать в вульгарную латынь" испанские и португальские глагольные формы, наряду с другими языками, предпринимает в своем известном "Романском языкознании" Г.Лаусберг (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и др.). Однако в его исследовании приводятся не реальные прототипы определенного периода, а объяснительные схемы ("проекции"), призванные показать происхождение составных частей словоформ, в которых флексиям не уделяется особого внимания².

В целом существующие исследования не отвечают на вопрос о том, как выглядела иберороманская глагольная система на различных этапах эволюции до начала письменного периода. Отдельные реконструкции в сочетании с классическими и неклассическими фактами дают противоречивую, хронологически неопределенную картину³. Сопоставление испанских, португальских, галисийских и мосарабских данных с учетом соответствующих латинских свидетельств позволяет реконструировать иберороманскую систему глагольных окончаний в двух состояниях (см. табл. 2): раннем (IY-Y вв.), до озвончения интервокального *-t-⁴, и позднем (УШ в.). В принципе для реконструкции доступна и еще более ранняя система окончаний, существовавшая до перехода заударного *-u- в *-o-, т.е. 4 *-tuis, 6 пф.инд. *-run(t), 3 пф.инд. *-u(t), но в силу консервативности иберороманского ареала все эти синхронные срезы мало отличаются друг от друга.

Изучение иберороманских данных⁵ показывает, что общая флексия I формы была *-ø⁶. Она засвидетельствована во всех соответствующих парадигмах: през.кон. cante, импф.инд. cantava, импф.кон. прт. cantasse, исп. cantas(se), совр.исп. cantase, ппф.инд. прт.

Таблица 2
Иберороманские флексии по итогам реконструкции ⁷

формы	Иберороманские прототипы		Иберороманские свидетельства	
	ранние (IY-Y вв.)	поздние (XIII в.)	исходные	производные
Общие флексии				
1	*Ø, (*o)	*Ø, (*o)	Ø, (o)	
2	*s	*s	s	
3	*(t)	*(t/d)	(t/d)	Ø
4	*nos	*nos	nos	no(s), nos, mus, muš
5	*tes	*des, (*tes)	des, (tes)	es, (i)s, š, ts
6	*n(t)	*n(t/d)	n(t/d)	~
Перфектные флексии				
1	*i _h , *i	*i _h , *i, *(e), *i, *é	i _h , i, (e), í, é	
2	*sti	*sti, *st(e)	sti, st(e)	stes, res, s
3	*o(t), *(t)	*o(t/d), *(t/d)	o(t/d), (t/d)	ó, u, Ø
4	*nos	*nos	nos	no(s), nos, mus, muš
5	*stes	*stes	stes	steis, ts, (i)s
6	*ron(t)	*ron(t/d)	ron(t/d)	ran, rā, ren, rin, n
Императивные флексии				
2	*Ø	*Ø	Ø	(s)
4	*nos	*nos	nos	no(s), nos, mus, muš
5	*te	*de, (*te)	de, (te, des?)	d, t, Ø, i _h , i

и исп. *cantara* и т.д. В презенсе индикатива было *-o⁸: *canto*, *parto*, *vendo*.

Исходная перфектная флексия слабых типов реконструируется в виде *-i⁹. Она уцелела в старопортугальском (*cantei*) и старолеонском (*cantei*), но объединилась с предыдущим гласным и оказалась под ударением во II-III спряжениях в старопортугальском (*partí*, *vendí*) и во всех спряжениях староиспанского (*canté*, *partí*, *vendí*). Исходный *-i сильных перфектов сохранялся до XIV в. в португальском (*fizi*, *dixi*, *quigi*) и в леонском (*fezi*). Эта флексия рано перешла в *-e в центре и на востоке полуострова, а в XIV в. и на западе. В долитературную эпоху была возможна утрата флексии, отразившаяся в обоих языках: старопрт. *quigi/quige/quis*, староисп. *pris(e)*, *vin(e)* и т.п.

Во 2 форме общая флексия *-s противопоставлялась перфектной *-sti/ste и императивной *-ø¹⁰. Общий и императивный показатели хорошо сохранились всюду: през.инд. *canta*, импер. *canta*. Исходная перфектная морфема *-sti засвидетельствована в португальском (*cantasti*) и леонском (*cantesti*). Она перешла в *-ste в центре и на востоке полуострова в долитературную эпоху, в XIV в. - на западе (ср. итальянский и общероманский). Утрата конечного гласного отмечается в испанском ареале: старопрт. *cantaste*, *partiste*, *vendeste*, староисп. *cantaste*, *cantest(e)*. Прочие варианты вторичны: араг. -ates (из 5 формы или из -ste и общей флексии -s); -res (-r- из 6 формы и общей флексии); -s (общая флексия в перфектной парадигме).

В 3 форме общая флексия была представлена вариантами *-t/d/ø или в другом условном написании *-(t/d)¹¹. Первый восходит к общером. *-t, два других отражают различные пути развития исходной морфемы: *-t > *-d в интервокальном положении перед гласным началом следующего слова; *-t > *-ø в паузе или перед согласным началом.

Сохранение согласной флексии отмечается в испанских текстах X-XIV вв.¹² Она употребляется почти всюду в глоссах X-XI вв., позднее встречается в отдельных случаях и полностью выходит из употребления на письме в течение XII в.: през.инд. *andat*, *facet* (Glosas 173), *sientet* (109); *puñet* (Juego de tres Reyes 7), *vinet* (10); *est* (Glosas 189; Maria Egipcíaca 1135; Berceo, S.Millan 84, 319; Milagros 626; Cid 3159 etc.); *yet* "es" (Glosas 178, 233, 237, 265); *sofret* (Fuero de Juzgo XIII); през.кон. *cogitet* (Glosas 184); *pectet* (Fuero de Avilés 61); *metet* (Fuero de Medinaceli 212); *perdat* (Fuero de Juzgo XII); *pected* (Fuero de Avilés 79).

Написания такого рода можно было бы рассматривать как латинизм¹³ или даже галлицизм, но их фонетическая реальность находит подтверждение в мосарабских свидетельствах, где морфема предстает в звонком варианте: *quéred* "quiere", *vínied* "vende", *éxid* "vale", *yed* "es", *tornarád* "tornara", *vernád*, *verád* "vera" (Zamora Vicente, 1960, с.41). Кроме того, издавший след флексии *-t, по мнению некоторых ученых, сохраняют испанские формы имперфекта индикатива типа *avié*, *partié*, *vendíé* потому, что они развиваются так же, как формы 2 *aviés*, 6 *avién* с согласным в исходе, в отличие от 1 *avía*, которая издавна оканчивалась гласным из-за умолкания -m (Lauberg, 1962-67, II, § 549)¹⁴.

Одновременно с дентальной морфемой с древнейших времен в староиспанском и во всех случаях в старопортугальском засвидетельствован показатель -ð: през.инд. *canta*, през.кон. *cante*, импф. инд. старопрт. *cantava*, староисп. *cantava/-be*. Его распространение и раннее появление на западе и в центре заставляет предположить в иберороманскую эпоху колебание *-t/ð, позднее с У в. *-t/d/ð, восходящее к общероманским прототипам. Сохранение флексии в мосарабском и в испанском может быть связано с усилиями школы и общей консервативной установкой иберороманского ареала (ср. сохранение -t во французском, сардинском и южноитальянских диалектах); ее утрата - с противоположной романской тенденцией к устранению дентального окончания.

Перфектная флексия слабых типов реконструируется в виде *-o(t/d) из *-o(t) < *-u(t)¹⁵. Элемент *-o- сохранился в староиспанском во II-III спр., но из-за передвижения акцента стал ударным (*durmió*, *temió*); прежнее место ударения засвидетельствовано в старолеон. *metéo*, *vendéo* и новых западнолеонских словоформах *partiu*, *gumpiu*. В I спр. флексия слилась с характерным гласным: исп. *cantó* из иберором. **kantáo(t)*. В португальском и леонском -o дало -u (в написании -o или -u: *cantou*, *vendeo/-eu*, *partio/iu*). В сильных словоформах было *- (t/d) из *- (t); гласные -e, -i в исходе старопортугальских форм (*foze*, *adueze*, *fui*, *doe* и т.п.) - рефлекс характерного гласного III спр. В долитературную эпоху перфекты получали флексию слабых типов, которая шире распространилась в испанском, чем в португальском.

Единичные староиспанские примеры сохраняют флексию *-t, которая в связи с удержанием дентального показателя в 3 форме других парадигм и в 6 форме может рассматриваться как рефлекс иберором.

*-t/d; duplicat (Glosas 80), betait ¹⁶ (266) <*uetait, cadiot (234), tolliot (38).

Для 4 формы во всех парадигмах реконструируется *-мов (из *-mus) ¹⁷: през.инд. старопрт. cantamov, dormimov, vendamov, пф.инд. старопрт. cantamov, partimov, vendamov, старо-исп. cantamov/-emos, partimov (леон.)/-iemov, vendimov (леон.)/-iemov. В староиспанском встречаются формы с утратой -в в особых синтаксических условиях перед местоимением *ello* пов (Cid 3522; Diez, 1882, с.529; Gassner, 1897, с.92-93; ср. нефонетическую утрату -в в других областях). В арагон. -мов (cantamov, partimov, vendamov) из -мов под влиянием личного местоимения I л.мн.ч. (Загора Vicente, 1960, с.196-197). Старопрт. -mus, совр.прт.-mus/миш, исп.диал. -mus (леонск. *fedemus, facemus*) не восходят к общером. *-mus, а развиваются вторично из *-мов.

Общая флексия 5 формы первоначально была *-des из *-tes ¹⁸. Морфема *-des отражена в староиспанском и в старопортугальском (cantades, partidien, vendeden), сохранилась до нового времени в леонском и иудеоиспанском диалектах (во П-III спр.), в некоторых словоформах современного португальского литературного языка (credes, ledes, vêdes, rides, ideas, vindes, tendes, pondez etc.) и в современных португальских диалектах (andaides, atãides, correndes, azebeides; Entre-Douro-e-Minho). В других случаях, в основном с XIII-XIV вв., произошла утрата интервокального зубного, приводшая к образованию вторичных вариантов -es/is/э/э. В арагонском наблюдается развитие галлороманского типа *-ten/des > -ta; cantaz, partiz (Загора Vicente, 1960, с.196-197). Аномальное сохранение общероманского и древнейшего иберороманского окончания *-tes отмечается в староиспанской словоформе *feytes* (Брафа Sagraда XLVIII, 236: Гарбастро, арагонская провинция Уэска).

Перфектная флексия была *-ates ¹⁹. Она засвидетельствована в староисп. cantastes, partistes (леон.)/-iestes, vendistes (леон.)/-iestes, старопрт. cantastes, partistes, vendestes. Прочие варианты вторичны: араг. -z, -(i)в (общая флексия), новоисп. -asteis (аналогия по формам настоящего времени типа *vendeis*о времен Сервантеса; Бурсье, 1952, § 362).

Императивный показатель отличался от общего и был *-de из *-te ²⁰. Он сохранился в староисп. *persade* (Alfonso Onceno 1684), *avede* (1491), *comede* (Cid 1028), *yde* (Alexandro 1449); в старо-прт. *cantade, partide, vendede*; в старом и современном леон.

dade, trayede, vade. Форма *sabete* (*Vida de S. Ildefonso* 526) отражает архаический этап *-te (параллельно общей флексии *-tes) или представляет собой книжное образование (Gaessner, 1897, § 137). Прочие формы вторичны: исп. -d/t/ð (утрата гласного); прт., исп. диал. -i (утрата согласного); леон. -di (скрещение вариантов *dade* X *dai* *dadi*).

В старопортугальском встречаются отдельные случаи употребления -des вместо -de: *ve(e)des*, *trevedes* (Huber, 1933, § 384). Статус таких форм требует дополнительного исследования в общероманской перспективе (ср. 2 форму).

В 6 форме общая флексия была *-nt/nd/n или *-n(t/d) ²¹. Дентальный исход засвидетельствован в староиспанских текстах до XIII и даже XIV в. Он широко распространен в глоссах X-XI вв. (наряду с -n), затем постепенно исчезает и полностью выходит из употребления в XIII в. повсюду, кроме леонских текстов, где его можно встретить еще в XIV в. ²²: през.инд. *simulant* (Glosas 225), *puedent* (Cid 555), *sunt* (Fuero de Avilés 1), *aesmant*, *tiennent*, *facent*, *tiement* (Fuero de Juzgo VIII), *devent* (II), *perdent* (XIII), *discurrent* (Fuero de Brañovera XVI), *dant* (Alexandro 1456), *sont* (Rimado de Palacio 811; España Sagrada XLVIII, 236), *prendent* (Cid 656), *rogand* (Cid 1755); през.кон. *dent* (Fuero de Avilés 120), *establescent* (Fuero de Juzgo IX), *escomunguent* (XI), *ayant* (XII), *ministrent* (Glosas 47), *perdant* (Fuero de Oviedo 97), *serant* (España Sagrada XXXIX, 342); импф.инд. *nenbravant*, *otorgavant* (Fuero de Juzgo X); ппф.инд. *tomarant* (Fuero de Juzgo I). Вариант -n засвидетельствован всюду с древнейших времен: през. инд. старопрт. *cantam*, *partem*, *vendem*, староисп. *cantan*, *parten*, *venden* и т.п. Вся совокупность свидетельств вынуждает постулировать в иберороманскую эпоху колебание *-nt/n, позднее *-nt/nd/n, восходящее к общероманскому прототипу. Конечно, написание -nt можно было бы рассматривать как латинизм или галлицизм (с.24-25), но его фонетическая реальность находит подтверждение во французском, южноитальянском, сардинском материале, в продолжительном употреблении окончания в текстах (до XIV в.) и, наконец, в словоформам с озвончением зубного.

Перфектная флексия с учетом 3 формы и общей флексии 6 формы восстанавливается в виде *-ront/rond/ron или *-ron(t/d) из *-ron(t) < *-run(t) ²³; ср.: *erraront*, *perdieront* (Fuero Juzgo IX). В прочих случаях -ron: старопрт. *cantarom*, *partiom*, *venderom*,

староисп. *cantaron, partiron, venderon*. Вместо *-o-* встречается гласный *-a/e/i-* *-ram/rã* (прт. I спр.; может быть, под влиянием презенса, имперфекта и футура *cantam, cantavam, cantarã*); *-ren* (исп.; может быть, по *venden*); *-rin* (западноисп.: Эстремадура; фонетическим или аналогическим путем из *-ren/gen*). Эти варианты могут быть связаны с аналогичными образованиями в других областях, но независимое параллельное развитие вполне вероятно. Проблема требует дополнительного изучения. Перфектный показатель кое-где уступает место общему *-n* (западноисп.: Эстремадура).

Таким образом, на основании анализа достаточно полного иберо-романского материала реконструируется ареальная история системы глагольных окончаний в виде последовательных синхронных срезов до начала письменной традиции (см. табл. 2) и выявляется своеобразие ее развития в общероманской перспективе. Сопоставление показывает, что среди западных континентальных систем Иберия выделяется сохранением архаических романских черт. Она приняла лишь некоторые западнороманские инновации главным образом фонетического свойства, такие как преобразование заударных **u, *i, *e* в **o, *e* (с сохранением 2 пф.инд. **-eti*), утрата лабиальных в перфекте (с сохранением следов **-u-* в 3 пф.инд.), озвончение интервокального **-t-*. В целом здесь преобладают архаизмы, среди которых сохранение дентальных и сигматических показателей, удержание заударных гласных, сигматические 4-5 формы с употреблением особого окончания в императиве (следы неразличения общих и императивных показателей встречаются на западе Иберии), сохранение своеобразия перфектных показателей по сравнению с общими и императивными.

П р и м е ч а н и я

¹ См., например: Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.137-369; Zamenhof, 1897; Zauner, 1921, I, с.141-160; 1921, § 104-133; Huber, 1933, § 354-419; Menéndez Pidal, 1926; Бурсье, 1952, § 353-365; Сергиевский, 1954, § 168-175; Ляввиненко, 1983, § 84-97 и др.

² Далее "проекции" Г.Лаусберга сопоставляются с реконструируемыми прототипами. Гипотезы этого и других авторов приводятся для того, чтобы показать флексии. Реконструкция основ, суффиксов, характерных гласных не обсуждается.

3 Ср. у Г.Лаусберга праформы для испанского и португальского *vident*, но *cantan*, *venden*, *dormen* (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869). В "Истории испанского языка" Е.В.Литвиненко для "испанской латыни" предполагаются, с одной стороны, окончания с сохранением заударных, долготы/краткости, зубного в 6 форме (през.инд. *partio*, *ŭv*, *-ŭt*, *-ŭmus*, *-ŭtŭs*, *-ent*), с другой - более поздние окончания (пф.инд. *partii*, *-iste*, *-iut*, *-imov*, *-isteo*, *-ieron*) (Литвиненко, 1983, с.146-148). См. ниже примечания к отдельным окончаниям.

4 По некоторым данным, озвончение интервокального *-t- получило широкое распространение только в конце У в., хотя отдельные следы этого явления встречаются и раньше; ср. *amatus* "amatus" (CIL VI, 12944: Рим, Бурсье, 1952, § 171).

5 Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: Gassner, 1897; García de Diego, 1906; Zauner, 1921; Huber, 1933; Zamora Vicente, 1960; Poerck, Mourin, 1961; Leite de Vasconcellos, 1970.

6 Ср. исходные общие флексии у других авторов: през.кон. *-em*, *-em*, *-am*, *-iam*, импф.инд. *-ēba(m)*, *-ēba(m)*, *-ība(m)* (Gassner, 1897, с.80, 126); през.кон. *cāntem*, импф.инд. *-āva*, импф.кон. *-ārem*, пф.кон. *-ārim* (*-aro*), ппф.инд. *-āram*, ппф.кон. *-āsse* (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 809, 827, 829); през.кон. *amem*, импф.инд. *amābam* (Литвиненко, 1983, с.143, 157 и др.).

7 Здесь и в последующих таблицах в I форме в скобках заключено окончание презенса индикатива, в других случаях - факультативные варианты. Свидетельства условно поделены на исходные, непосредственно связанные с прототипами, и производные, образовавшиеся вследствие изменения или аналогической замены исходных.

8 В презенсе индикатива у всех авторов -o.

9 Ср.: *-ai*, *-ŭi*, *-ei* (Gassner, 1897, с.153, 159, 161); *cantai*, *partii*, **timei* (Zauner, 1921, § III); *-ái*, *-ŭi*, *-ŭi* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); *amāvi*, *amai*, *partii* (Литвиненко, 1983, с.143, 148 и др.).

10 В старопортугальском отмечаются отдельные случаи употребления индикатива вместо императива во 2 и 5 формах: *ve(e)s* вместо *ve(e)*; *ve(e)des*, *treydes* вместо *ve(e)de*, *treyde* (Huber, 1933, § 384). Ср. 5 форму.

11 Исходным обычно считают лат. -t (Gassner, 1897, с.67 и др.; Lausberg, 1962-67, III, § 797, 807 и др.; Литвиненко, 1983, с.142).

12 О сохранении флексии 3 л. упоминают Diez (1882, с.526), Gassner (1897, с.67, 92), Menéndez Pidal (1968, § 70), Zamora Vicente (1960, с.41). Р.А.Холл тем не менее реконструирует для иберороманского середины IX в. *-Ø (ср. 3 през.инд. da, 3 през. кон. faga) (Hall, 1974, с.116), не учитывая упомянутые свидетельства или отвергая их как латинизм.

13 "Lateinische Reminiscenz" (Gassner, 1897, с.70).

14 Утрата -m засвидетельствована традицией римского стихосложения и надписями с середины III в. до н.э. (Тронский, 1960, § 219). В общероманских многосложных словах конечный -m не реконструируется (Hall, 1976, с.81-82).

15 Ср.: -aut, *-fūt, -eut (Gassner, 1897, с.153, 159, 161); *-eut (Zauner, 1921, § III); -áut, *vendéu>vendió, -fūt (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 895, 937); -it, amaut, partiut, tīmiut (Литвиненко, 1983, с.147-149).

16 По поводу betait А.Гасснер замечает: "Ein halber Latinismus" (Gassner, 1897, с.154), имея в виду, что рефлексy *-i(t) в Иберии не сохранились.

17 Ср.: -tus (Gassner, 1897, с.70, 82, 126 и др.); -etus (Zauner, 1921, § III); -tus (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869 и др.); пф.инд. -amtus (ibid., § 824 и др.); -tīms, amamos, partimos (Литвиненко, 1983, с.147-148).

18 Ср.: -tis (Gassner, 1897, с.71, 82 и др.; Литвиненко, 1983, с.142); cantátis, vidétis, vendétis, dormítis (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869 и др.).

19 Ср.: -astis, -ístis, -estis (Gassner, 1897, с.153, 159, 161); *-estis, *-estes (Zauner, 1921, § III); -ástis, vendístis, -ístis (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 893, 937); amastes, partistes (Литвиненко, 1983, с.148).

20 Ср.: -te, *-de (Gassner, 1897, с.76-77); cantáte, videte, véndite, dormíte (Lausberg, 1962-67, III, § 872, 886, 930); amátē, timētē, partītē (Литвиненко, 1983, с.159).

21 Ср.: -nt (Gassner, 1897, с.69); cantan, vident, vident, dormen (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869); импф.инд. -avau (ibid., § 807); -nt, amant, amabant, debebant, ament, amabant, debent, partunt (Литвиненко, 1983, с.142-146).

22 О написаниях -nt, -nd см.: Diez, 1882, с.526; Gassner, 1897, с.70, 81, 126, 155; Menéndez Pidal, 1968, § 70.

23 Ср.: -arunt, -irunt (Gassner, 1897, с.153-159); *-erunt, *-eron (Zauner, 1921, § III); -árun, -áran, vendéerunt, -irant -erunt (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); -ērunt, aparon, partieron (Литвиненко, 1983, с.147-148).

Глава вторая

ГАЛЛОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Истории глагольной морфологии галлороманских языков посвящены сотни общих и специальных исследований. Общую перспективу дают многочисленные работы по исторической грамматике французского и других галлороманских языков, в которых часто суммируются существующие теории, гипотезы и точки зрения¹. Среди специальных исследований выделяются труды, охватывающие глагольные системы отдельных языков в целом², и специальные исследования частных проблем, среди которых для нашей работы наиболее существенны исследования глагольных окончаний³. Кроме того, в известных сравнительных грамматиках⁴ галлороманские системы спряжения рассматриваются наряду с соответствующими системами других языков.

Во всех публикациях для объяснения глагольных окончаний за исходное состояние принимается латинская классическая система, дополняемая в отдельных случаях неклассическими формами. В целом задача реконструкции протогаллороманской системы спряжения не ставится, а потому невозможно получить ответ на вопрос о том, как выглядела ареальная система глагольных окончаний на различных этапах развития до начала литературной традиции и чем она отличалась от других ареальных систем. Сказанное не следует понимать в том смысле, что сравнительно-исторический метод к гал-

лороманским языкам вообще не применялся. В перечисленных выше и других работах можно встретить отдельные реконструкции, но в сочетании с классическими и неклассическими фактами они дают неоднородную, противоречивую в системном отношении и с хронологической точки зрения картину (см. примечания к отдельным флексиям). В этой связи выделяется "Романское языкознание" Г.Лаусберга (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и др.), в котором, наряду с обычными латинскими прототипами, приводятся "этимологические проекции" романских глагольных словоформ в вульгарную латынь (см. с. 22).

Сравнительно-исторический анализ каталанских, окситанских, гасконских, франкопровансальских и французских данных с учетом соответствующих латинских свидетельств позволяет реконструировать галлороманскую систему глагольных окончаний в двух основных состояниях (см. табл. 3): раннем (IY-Y вв.) и позднем (УШ в.), включающем утрату заударных гласных⁵. Как и в Иберии, для реконструкции в принципе доступна более ранняя система флексий, бывшая в употреблении до перехода заударного *-u- в *-o- и имевшая, в отличие от системы IY-Y вв., 4 *-tu(s), 4 пф.инд. *(t)tu(s), 6 пф.инд. *-run(t).

Изучение галлороманских данных⁶ показывает, что общая флексия I формы была *-o⁷. Отсутствие флексии засвидетельствовано во всех языках: през.кон. старокат., староокс. cant, старофр. chant, импф.инд. старокат., староокс. cantava, старофр. chanteve (вост.); импф.кон. старокат. cantas, староокс. cantes, старофр. chantasse и т.д. В презенсе индикатива вначале было *-o⁸. Из-за утраты конечных гласных, проходившей в Галлии с УШ в. и распространившейся на все кельтские области (на Каталонию, северную Италию и Ретию к XII-XIII вв.), оно отпало или удержалось в виде опорного гласного в отдельных словоформах (Бурсье, 1952, § 164, 268, 513). Флексия сохранилась после сочетаний согласного с плавным, в общероманских пропарокситонах и в некоторых других условиях с тембром -o/u/e/ə. Гласный -o засвидетельствован в средневековых текстах (Livres des privilèges de Manosque, 1169-1315 гг.; Ludus sancti Jacobi, конец XV - начало XVI в.), отмечается во франкопровансальской зоне и в северной Италии; -u из -o - в части современных говоров южной Галлии и северной Италии (Ronjat, 1930-41, II, § 554; Rohlf, 1949-54, II, с.287-288; Бурсье, 1952, § 164, 268, 287); -e, -ə - во всех остальных областях. Флексия -o> -u в каталанском не этимологическая; она была заимствована из испанского в середине XV в. (Badia Margarit, 1951, § 156).

Таблица 3
Галлороманские флексии по итогам реконструкции

Формы	Галлороманские прототипы		Галлороманские свидетельства	
	ранние (IY-Y вв.)	поздние (VII в.)	исходные	производные
Общие флексии				
1	*ø, (*o)	*ø, (*o)	ø, (o)	u, e, ə, i, ø
2	*s	*s	s	ø, i, i
3	*(t)	*(t)	(t)	t, ð, ø
4	*mo(s)	*mæ(s), *m(s)	mæ(s), m(s)	mps, n(s), ~, smæs
5	*te(s)	*tæ(s), *t(s)	tæ(s), t(s)	d, s, u, ø
6	*n(t)	*n(t)	n(t)	t, ø
Перфектные флексии				
1	*i; *i	*i, ø	i, ø	é, i, k, s, ð
2	*sté	*st, *s	st, s	ø
3	*(t)	*(t)	(t)	t, ð, ø, k, t
4	*(m)mo(s)	*(m)mæ(s) *m(s)	mæ(s), m(s)	n(s), ~, smæs
5	*stes	*stæs, ts	stæs, st, ts	s, t, d, u, ø
6	*ron(t)	*ræn(t), *ron(t)	ræn(t), ron	ret, r(e), ro(n), ru(n) ró(nt), o, ran, ren n(t)
Императивные флексии				
2	*ø	*ø	ø	s
4	*mo(s)	*mæ(s), *m(s)	mæ(s), m(s)	mps, n(s), ~
5	*te(s)	*tæ(s), *t(s)	tæ(s), t(s)	d, s, u, ø

Вследствие утраты *-o- многие словоформы получили в исходе -i. Такая флексия отмечается в старокаталанском (*venti, doni*, с XV в. в текстах, но реально древнее, до перехода -e в -a; Fouché, 1924, с.104), в староокситанском (*cambi, arropi* из **kámbio, *aróbroio*, с XIII в.; там же), а также в ретороманском (фриуль. *quarti*) и в североитальянских диалектах (*dorni, canti*). Происхождение -i не ясно, но в любом случае речь идет о поздней региональной инновации.

Стремление сохранить цельность основы, многообразие исходов, неравносложность корнеударных словоформ, совпадение I формы с 3-й - все это вело к вторичному наращению гласного, поиску универсальной флексии. Происходило обобщение -*ǝ*, опорных гласных или, редко, согласных основы в разных языках не вполне одинаково и в различное время.

Перфектная флексия первоначально была *-i/i⁹. Первый вариант сохранился в I и III спряжениях в староокситанском (*cantei, vendei*) и в старофранцузском (*chantai, parai, corui, crechui*). В других случаях он мог исчезать или объединяться с предшествующим характерным гласным: -*ǝ* из -(ǝ)_i в результате утраты -i фонетическим путем или по аналогии с 3 формой (старокат., валенс. *cantá*); -*é* из -(ǝ)_i (старокат. *canté, новофр. chanté*); -*i* из -(i)_i (старокат., староокс., старофр. *dorni*; ср., однако, *servii* у Бозция; Schütz-Gora, 1906, § 132); -*i* из -(ǝ)_i (старокат. *temí, старофр. vendí*).

Сильные корнеударные перфекты обычно утрачивали флексию; лишь кое-где в аномальных словоформах она сохранилась в виде -i: старокат., староокс., старофр. *fini*. Утрата флексии или ее взаимодействие с основой приводило к образованию специфических исходов основы (-k, -a, -ǝ и т.п.), которые воспринимались как особые признаки перфекта или первой формы и переносились на другие формы и парадигмы.

По свидетельству всех языков очевидно, что общая флексия 2 формы была *-a¹⁰, перфектная *-at (из *-ate)¹¹, императивная *-ǝ¹². В истории отдельных языков прослеживается унификация морфем глагольным образом в пользу общего показателя или в других направлениях. Во французском (с XII по XIV в.) и во многих окситанских диалектах (с XIII по XVII в.) наблюдается фонетическая утрата общей флексии: старофр. *avalese, vueffre, plore tu, repne tu* (Fouché, 1967, § 92); окс. *santa* (Овернь, Лимузен, Марш),

parle, bate, parte (Виваре; Ronjat, 1930-41, I, § 374-380). Кое-где появляется даже новое окончание итало-балканского типа *-i/ɨ*: през.инд. *véndi, párt(iss)i* (Амбер, Веле), *véndeɨ* (Овернь), *pár-leɨ(s), báteɨ(s), pártéɨ(s), unisseɨ(s)* (Дром; *ibid.*, § 605, 608, 610-612).

Первичная флексия **-st* засвидетельствована в древнейших состояниях каталанского и окситанского: старокат. *donest, trobest*, староокс. *cantest, partist, vendest/-iest*. Во французском *-st* не встречается; здесь с древнейших времен неэтимологическое *-s*, появившееся в долитературную эпоху (ср. **oste, *pristu* > старофр. *ost, past*). Невозможно ответить на вопрос, имела ли место утрата конечного согласного или произошла замена перфектного показателя на общий. В романских языках встречаются оба пути развития.

На основании древнейших словоформ императива в галлороманском восстанавливается флексия **-z*: старокат., староокс. *canta, dorm, ven*, старофр. *chante, quier, pren*. Общая флексия проникает в императив по аналогии или с формами индикатива и конъюнктива, но это происходит в истории отдельных языков (Томашпольский, 1983; Черняк, 1984).

Во всех парадигмах, включая перфект, флексия 3 формы была представлена вариантом **-t*¹³ на севере Галлии и нулем в остальных областях. Такое положение подтверждается романскими свидетельствами – сохранением **-t* во французском (после гласного в словах *aimet, recleimet, reset* и т.п. до начала XII в., по-видимому, в качестве межзубного спиранта; после согласного в словоформах типа *dort, vent* до XVI-XVII вв. перед консонантным началом и в паузе, до настоящего времени перед вокальным началом; см. Fouché, 1967, § 93; Bourciez, 1971, § 150-152) и отсутствием следов согласного показателя в других языках Галлоромании.

Окончание *-t* в окситанском неэтимологическое¹⁴ (ср. ретороманский). Оно было восстановлено в перфекте по аналогии с формой *estet* из общером. **istétit*. Предполагают, что вначале по *estet* образовалось *det*, затем аналогия захватила *vendet*, глаголы III спр., а потом I и II спр. (Thomas, 1897, с. 91-98, Schultz-Gora, 1906, § 74, 132; обсуждение других предположений: Grafström, 1968, § 64). Начало процесса восходит к VIII в. – времени падения конечных гласных в Галлии, без которого невозможна словоформа *estet*. Старокаталанские перфекты на *-t* в I спр. (*membret, probet, donet*), встречающиеся в текстах наряду с регулярными *cantá, partí, vené*,

тические и новые асигматические (см. общероманскую 4 форму). Борьба между ними в литературный период привела к постепенному закреплению сигматических показателей, которые вытеснили асигматические варианты.

Наличие -э- во флексии -тэв имеет несколько объяснений. Обычно этот гласный считают аналогическим. Наиболее распространено представление, в соответствии с которым -тэв сформировалось по аналогии с формой *вопес*, которая в свою очередь возникла из *вопэ* по аналогии с *еспес*, а та образовалась из незасвидетельствованных **есэпес* или **есэпэс*, перестроенных по *эв*, *эстис* (Darmesteter, 1891-97, II, § 222; Fouché, 1931; 1967, § 95; Zosson, 1970, § 78; Шишмарев, 1952, с.139-141)¹⁸. Сложный ряд допущений, призванный объяснить взаимовлияния и взаимопереходы, делает все предположение в целом маловероятным. Иногда исследователи, наряду с первым объяснением или независимо от него, предполагают совместное развитие 4 и 5 форм с влиянием последней на первую (Nygrop, 1899-1930, II, § 54; Pore, 1934, § 895; Шишмарев, 1952, с.139-141; Moignet, 1973, с.71 и др.). Однако здесь сложность того же характера, что и в предыдущем случае. Если возможность совместного развития 4-5 форм сама по себе не вызывает возражений (ср. такое развитие в других романских областях), то нет оснований говорить именно о влиянии 5 формы на 4, а не наоборот. Дело в том, что развитие 5 формы тоже нерегулярно, а потому ценность всего предположения невысока. Некоторые ученые считают, что гласный появился во флексии 4 формы по фонетическим причинам как разъединительный, играющий между -т и -э ту же роль, что и эпентетическое -р- в словоформах типа *деветре*, *сантомре*, *сантимре* (Léger I, 3, 6; Roerck, 1903, с.24-26; Городина, 1965, с.177).

В формах перфекта -э- часто считают этимологическим. Э.Бурсье (1952, § 295) предполагает сохранение этого гласного в качестве опорного, а другие исследователи для объяснения его удержания вопреки регулярному фонетическому развитию предполагают в основе французских, а также итальянских, окситанских, испанских и португальских форм прототипы с геминатой **кэнтáммос*, **дормíммос* (см. общероманский). Эти прототипы восстанавливаются прежде всего исходя из ит. *cantanno*, *dormimmo*¹⁹. Их допущение в Галлоромании позволяет объяснить сохранение характерных гласных -á-, -í-, назализацию в старофранцузских формах, а может быть, и сохранение гласного флексии (Fouché, 1967, § 126; Lausberg, 1962-67, II,

§ 824). Однако нужно отметить, что после групп носовых согласных -*nn-*, *nn-* опорный гласный сохраняется далеко не всегда (ср. **dónnus*/**dénnus* > *danz*, **dónnu*/**dánnu* > *dan*, **iakónnu* > *eschame*, **zónnu*/**zúnnu* > *somme*, **ónne* > (h)*onne*/(h)*ome*/(h)*onne*/*homme*). По-видимому, **kantánnos*, **dormánnos* могли давать два рефлекса: **chantáns*, **dormáns* перед паузой или следующим словом на гласный и **chantámes*, **dormámes* перед следующим словом на согласный; ср. старые северо-восточные формы перфекта *departesins* (Froissart, Meliador 21382), *desins* (22312), *mesins*, *fesins* (Гиппарев, 1952, с.217; Fouché, 1966-69, II, с.504); III, с.640).

В целом французский путь развития можно представить следующим образом: галлороманская морфема *-(*m*)*no*(*s*) дала после утраты заударных и геминат рефлексы *-(*m*)*nə*(*s*), *-(*m*)*s*), откуда старофр. -*nəz*, -*n*(*s*), -*n*(*s*), -*n*z. Флексии -*nəz*, -*n*z характеризовали большинство парадигм, асимметрические показатели быстро вышли из употребления, а морфема -*nəz* появлялась в особых фонетических условиях - в пропарокситональных словоформах презенса индикатива (*di-mes*, *fai-mes*, *es-mes* из **díkimus*, **fákimus*, **éssimus*) в сочетаниях со следующим словом на согласный (*vo-mes* и формы перфекта индикатива, образовывавшие скопление согласных). Флексия -*nəz* распространилась позднее и на другие словоформы, особенно на северо-востоке не без влияния 5 -*təz* (см. пикардские примеры: Gossen, 1970, § 78). Для флексии -*n*z можно предполагать эпентезу или сравнительно редкую для X-XI вв. латинизирующую гиперкоррекцию; ср. *tempz* (Léger 5, 13), *corpz* (10) и т.п.

Старофранцузский графический вариант -*ntes* вторичен. Он образовался в XIII в. в перфекте из -*nəz* параллельно 5 -*ntes* (Nugor, 1899-1930, II, § 165). Он встречается не только в перфекте, но в имперфекте и кондиционале: старопикард. *clameemes*, *aviesmes*, *voliesmes*, *diriesmes*, *feriesmes*, *iriesmes* (см.: Gossen, 1970, § 79, с.137-138; ср. перенос перфектных показателей в парадигму имперфекта в Сардинии).

В 5 форме общие и императивные флексии не различались и были до утраты гласного элемента в VIII в. *-*tes* с сохранением следов *-*te* ²⁰. Рядом с ними, как в Иберии и Ретии, после озвончения интервокальных ²¹ могли употребляться звонкие варианты *-*de*(*s*). Флексия *-*tes/dez* во всей Галлоромании отразилась в регулярном рефлексе -*ts*, засвидетельствованном в древнейших состояниях соответствующих языков: старокат. *cantats*, *tenits*, *havets*, староокс.

cantatz, partetz, vendetz, старофр. chantez, dormez, vendez. Рядом с -ta во французском встречается -taz; именно этот вариант в основном и позволяет предполагать в галлороманском гласный элемент *-e-. Морфема -taz засвидетельствована в старофранцузском для пяти глагольных основ: estes (Alexis 417), dites (Roland 760), faites/feites/fetes (Alexis 501 и др.), traitez/treites (Erec 4006 и др.), desquites (Rouché, 1967, с.4); в современных франко-провансальских диалектах от Альп до Вогез, включая говоры французской Швейцарии, распространены парокситональные формы типа prentes, mettes, voites (Martin, 1888, с.40-44; Darmesteter, 1891-97, II, с.165 прим.1; Нурор, 1899-1930, II, с.41-42; Бородина, 1965, с.179). Если некоторые из форм образовались аналогическим путем, то нет серьезных оснований, чтобы отрицать регулярность развития dites и faites, т.е. хотя бы в этом случае мы вправе говорить о сохранении в старофранцузском следов гласного компонента флексии *-tes.

Окончание *-te в галлороманских диалектах в исходном виде не сохранилось²², но его рефлекс -t, образовавшийся после утраты гласного, обнаруживается в нескольких языках. Речь идет прежде всего об окситанских, гасконских и французских свидетельствах (полный перечень примеров и обсуждение см.: Томашпольский, 1984). Окситанские и гасконские свидетельства достаточно хорошо известны романистам. Они отмечаются в период с XII в. до настоящего времени в Лимузене, Перигоре, Керси, Лангедоке, Жеводане, Дофине, Провансе и некоторых других областях, например: староокс. fazat, sabet, peret, amat, creat (1У-е Evan. XIII, 15, 17, 19); оовр.окс. parlat, battet, partet (Жеводан). Французские словоформы, напротив, романистам практически неизвестны. Исследование показывает, что они встречаются в рукописях X-XIV вв., происходящих из Англии, Лотарингии, Турени, Лимузена, Оверни в написаниях -t (сокращенно -*), -d, -th, например: querent (Pavillon 134), prendet (144), crement (403), requeret (404); oiet (Эрнаназ 11), eiset (12), atendet (13, 15, 26), dormet (14, 19, 23, 27), queret (63, 69, 70), auret (64), alet (64, 71), veet (65), prelat (72) etc.

Реальность существования показателя -t в Галлоромании можно считать доказанной, но его происхождение объясняется по-разному. Наиболее правдоподобно предположение, в соответствии с которым флексия -t является рефлексом общероманских вариантов *-te/ti. Основной довод в пользу этой гипотезы - распространение показате-

ля -t в ряде романских диалектов в качестве как императивного, так и общего. Кроме того, асимметрическая флексия хорошо вписывается в историю романских окончаний 2 л.мн.ч. (подробнее см.: То-машпольский, 1984).

Перфектная флексия была *-stes/ts из более раннего *-stes ²³. Реконструкция опирается на французские свидетельства, в которых она отразилась в виде -stes, и не противоречит данным других языков. Все исследователи приходят к выводу, что французское окончание не вполне регулярно. Общером. *kantástis, *dormístis должны были бы дать старофр. *tšantáts, *dormíts (ср. *óstis, *fústis, *prepósitus > ots/oz, fuz, prevoz). Однако в действие вступили системные факторы: сохраняющая аналогия по 2 форме (2 *tšantást 5 *tšantáts) и стремление воспрепятствовать диссимиляции -sts в -ts привели к сохранению гласного компонента (Pore, 1934, с.373; Fouché, 1967, с.250). Оно имело место при поддержке форм презенса индикатива типа faites, dites, faimes, dimes и т.п. (Шимарев, 1952, с.217) и не без влияния "рифмующихся" словоформ перфекта на -tēs и 6 пф.инд. -rēnt. В результате формы множественного числа сохранили равносложность, а флексии общий гласный (ср. сходное явление в сардинском и румынском).

В старокатааланском и староокситанском в результате фонетического развития перфектная флексия 5 формы совпадала с перфектной флексией 2 формы или с общим показателем 5 формы, т.е. -stes > -sts > -st/ts: старокат. cantast/-ats/as, partist/-its/is; староокс. cantetz, partitz, vendetz; parlet/-at, batout.

В 6 форме первоначально было два варианта общей флексии: *-nt на севере Галлии и -n ²⁴ в остальных областях. Морфема *-nt засвидетельствована во французском во всех парадигмах, кроме перфектной. Древнейшие состояния других языков не сохраняют *-t, продолжая тем самым галлороманское *-n: старокат. canten, venen, староокс. cantan, vendon, то же в других парадигмах.

Перфектная флексия была *-ront на севере Галлии и *-ron в остальных областях (из общером. *-run(t)) ²⁵. Первый вариант засвидетельствован во французском ареале: chanterent, partirent, furent, второй в староокситанском и современных окситанских диалектах: canteron, partiron, venderon.

Прочие показатели вторичны. Новофранцузские -ret/rə/r (chanteret/re/r) - рефлексы -ront из-за последовательной утраты -n- в XIII-XIV вв.; -t появляется перед согласным и в паузе

к XVI в., -ə - в конечном положении. Гаск. -rən (parlērən, Бордо) - ослабление гласного флексии; староокситанские и диалектные варианты -run (canterun/-roun, Лангедок и др.), -ro/ru (cantero/-ru) - последствия перехода -o- в -u- и утраты -n; -o (ago, со-лого, disso вместо agron, conogron, disron) - итог ассимиляции или аналогического развития (Anglade, 1921, с.310; Brunel, 1926, с.XLV; Hoepfner, 1926, с.144; Grandgent, 1905, § 180; Schultz-Gora, 1906, § 141; Pellegrini, 1962, с.237). Старолангедок. -rô (donerô), восточнофр. -rônt (menerônt, XVI в.) - результаты перемещения ударения во флексии по аналогии с футуром и глаголом "иметь" из-за совпадения окончаний I л.ед.ч. или даже 1-3 форм.

Окситанское диалектное и франкопровансальское -ran (chantéran, part(igu)éran, batéran; замена флексии по 6 през.инд. chantan?), каталанское, гасконское, окситанское диалектное -ren (canteren; фонетическое ослабление гласного? ²⁶) могут быть связаны с аналогичными образованиями в Иберии, южной Италии и на Балканах и восходить вместе с ними к древним прототипам *-ran(t)/ren(t), но независимое параллельное развитие не исключено. Проблема требует дополнительного изучения (см. общероманский).

Перфектный показатель кое-где уступает место общему: старопикард. -n(t) в формах missent (Aucassin 18), fisent (34,36), mis-сен (28), fissen (38) - результат диссимиляции -r- (ср. выше окс. -o и сходное явление в итальянском) из-за отсутствия в Пикардии вставного элемента (mierent > missent) и при аналогическом влиянии 3 формы типа mist (Pope, 1934, с.377; Шишмарев, 1952, с.225; Gossen, 1970, с.135); то же в формах entrônt (Job 301.30), menônt (353.13), entrúnt. (301.34, navrúnt (301.34) под влиянием футура и глагола "иметь" из-за совпадения форм I л.ед.ч. и 1-3 форм (Meuser-Lübke, 1890-1902, II, § 272; Nyrop, 1899-1930, II, § 165; Pope, 1934, с.436; Шишмарев, 1952, с.218; Боролина, 1965, с.185; Fouché, 1967, с.253-255); окс.диал. и гаск. -n в формах типа cantén, audín, perdoún (Bendel, 1934, § 171-173; Rohlf, 1970, с.215-216; Ronjat, 1930-41, III).

Итак, сравнительно-историческое изучение галлороманских языков позволяет восстановить ареальную историю системы глагольных флексий в виде последовательности синхронных срезов до начала письменной традиции (см. табл. 3), установить особенности ее эволюции в общероманской перспективе, уточнить существующие представления о происхождении и развитии многих глагольных окончаний. Результа-

ты реконструкции показывают, что в сравнении с соседними западными и восточными областями галлороманские глагольные окончания образовывали систему переходного типа. В Галлоромании так же, как в Италоромании, рано утратившей территориальное единство, отмечались значительные расхождения между севером и югом (главным образом сохранение дентальных и сигматических элементов на севере и их утрата на юге). На раннем этапе развития галлороманские окончания напоминали иберороманскую систему, хотя и получали отдельные своеобразные признаки. В отличие от Иберии для Галлии были характерны 4-5 формы с неустойчивым конечным *-в и неразличение императивного и общего показателей в 5 форме (однако с сохранением следов императива в виде асимметрической морфемы *-те и др.). Более существенные различия возникли после VIII в. в связи с умолканием в Галлии заударных гласных, но к этому времени галлороманский ареал уже распадался на отдельные зоны.

П р и м е ч а н и я

1 Наиболее информативны следующие исследования по истории французского языка: Nuyor, 1890-1930, II; Pore, 1934; Шипмарев, 1952; Rheinfelder, 1963-67, II; Moignet, 1973; по истории окситанского, гасконского и франкопровансальского: Anglade, 1921; 1965; Ronjat, 1930-41, III; по каталанскому языку: Badia Margarit, 1951; 1981; Griera, 1965.

2 О французском глаголе: Chabaneau, 1878; Fouché, 1967; Lantzy, 1977; Monvonoégo, Tomassone, 1979; Andrieux, Baumgartner, 1983; об окситанском, гасконском, франкопровансальском глаголе: Hentschke, 1883; Steinmüller, 1887; Zauner, 1896; Keller, 1928; о каталанском спряжении: Barnils, 1914; Montoliu, 1916; Allcover, Moll, 1928-34; Renat, 1933.

3 См., например: Chabaneau, 1882; Schmidt, 1837; Thomas, 1897; Ulrich, 1898; Mohl, 1900; Meyer-Lübke, 1916; Müller, 1955; Alliéres, 1967; Corbett, 1969; Mayerthaler, 1972; Gulsoy, 1967; Kok, Spa, 1980; Gregory, 1981.

4 Meyer-Lübke, 1890-1902, II; Zauner, 1921, I; Бурсье, 1952; Сергиевский, 1954; Lausberg, 1962-67, III.

5 Об утрате заударных гласных в Каталонии, Галлии и прилегающих областях см., например: Бурсье, 1952, § 164, 268, 513.

6 Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: Schultz-Gora, 1906; Fouché, 1924; 1967; Ronjat, 1930-41; Bendel, 1934; Badia Margarit 1951; Пишмарев, 1952; Rohlf, 1970.

7 Ср. у Г.Лаусберга -м/ø: през.кон. cántem, импф.инд. -áva, ппф.инд. -áram, ппф.кон. -áese (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 828, 829); през.кон. -е(м), -ам, -iam, -eam (Fouché, 1967, § 99, 101).

8 У всех авторов за основу берется лат. -о.

9 Ср. галлороманские прототипы пф.инд. I спр. для фр. -ái, для староокс. -ái, для кат. -íi; II спр. -ii; III спр. *vendéi (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 895, 937); cantai, dormí, *vendédi, *-íi (Fouché, 1967, с.249, 264).

10 У всех авторов за основу берется лат. -а.

11 Ср. предполагаемые праформы пф.инд. I спр. для фр. -áv, для кат. -áras, для староокс. -íisti> -ésti; II спр. для окс. -ísti, для фр. -ís, для кат. -íras; III спр. vendísti (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 937); cantásti, dormísti, *vendedísti, *-íste (Fouché, 1967, с.248, 264).

12 Все авторы исходят из латинских форм императива без окончания.

13 Во всех публикациях за основу берется лат. -t, например: през.инд. cántat, vídet, véndet, dórmet; през.кон. cántet, vídeat, véndat, dórmíat; пф.инд. cantát, -et, vendéit, dormíit (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869, 802, 824, 871, 884, 894, 930, 937).

14 Ф.Дип, не давая никаких разъяснений, называет око. -t этимологическим (Diez, 1882, с.546).

15 Ср.: cantámu, cant-úmus, cantému, vídému, vídúmus, vendému, vendúmus, dormímu, dorm-ému, dorm-úmus (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869); -amus, -émus, -ímus (Fouché, 1967, с.189).

16 Ср.: пф.инд. cantámmus, -arámus, -éimus -émmus; vendéimus; dormímmus, -íramus (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); *cantammus, *dormímmus, *vendedímmos, *vendímmos (Fouché, 1967, с.264).

17 Изолированные следы -в обнаруживаются в каталанском, но их объясняют испанским влиянием (Me yer-Lübke, 1890-1902, II, § 137).

18 В.Ф.Гипшарев указывает дополнительно на то, что *воmes* образовалось из *воm* для отличения от *cont.* Ф.Брюно выводит *воmes* прямо из *вуm*, не учитывая фонетической стороны вопроса (Brunot, 1899, § 370. с.411).

19 Многочисленные примеры глагольных форм на -*ommes* (през.инд., фут.), -*iemmes* (импф.инд. и кон., кнд.) встречаются в пикардских и валлонских документах XII-XIV вв. (Gosse, 1970, § 78-79; ср. Fouché, 1967, § 95). Гемината объясняется в них как графический прием для обозначения назализации гласного перед носовым согласным (Нурор, 1899-1930, I, § 211; Bourciez, 1971, § 194). Процесс упрощения геминат для французского датируют концом дописменного - началом старофранцузского периода (Нурор, 1899-1930, I, § 316; Роге, 1934, § 366).

20 Ср.: през.инд. *cantátis, cantete, vid-átis, vid-+-estis, vidéte, vend-átis, vend-estis, vendéte, dorm-átis, dorm-estis, dormíte*; импер. *cantatis, cantates, cantete*; импф.инд. *cantavátis, -ávate* (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 805, 807, 869); -*átis, -ētis, -itis* (Fouché, 1967, с.192).

21 Озвончение интервокального *-t- получило распространение в конце V в., хотя отдельные следы этого явления встречаются и раньше (Бурсье, 1952, § 171).

22 В позднем старофранцузском встречаются явно вторичные асимметрические формы типа *eate, faite, dite*, образовавшиеся из сигматических после утраты -s.

23 Ср.: *cantástis, -áratís, -eístís -éstís, vendístis, dormístis, -éstís, -íratís* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); *cantantís, dormistís, *vendédístes, vendístes* (Fouché, 1967, с.248, 264).

24 Ср.: през.инд. *cántan, cántun, cántunt, vident, vídunt, víden, vídun, véndunt, vénden, véndun, dormunt, dormen, dormun* (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869); -*ant, -ent, -unt* (Fouché, 1967, с.194).

25 Ср.: *cantárant, -áran, -éeran -érun, vendéerunt, dormí-runt, -írant* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); *cantarunt, *dormí-runt, *vendéeront, *vendéront* (Fouché, 1967, с.248, 264).

26 Каталанскую флексию *-ron* обычно считают регулярной из **-ron* (Badia Margarit, 1951, с.314-315). Г.Лаусберг возводит ее, однако, вместе с румынским и португальским окончаниями к прототипу **-(d)ran* (Lausberg, 1962-67, III, § 824).

Глава третья

РЕТОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

В отличие от Иберии, Галлии и Италии первые ретороманские тексты датируются XVI в., а от предшествующих столетий (X-XV вв.) остались лишь отдельные слова в глоссариях и несколько скудных фрагментов¹. Понятно, что глагольные системы ретороманских диалектов засвидетельствованы в поздних состояниях, но и для этой области задача реконструкции проторетороманской морфологии не ставилась. В исторических исследованиях как общего, так и специального характера основные усилия авторов направлены на описание диалектных особенностей и установление связей местных систем спряжения с латинской в ее классическом варианте, которая иногда дополняется неклассическими свидетельствами и отдельными гипотетическими допущениями по поводу промежуточных состояний глагольных форм². В результате существующие исследования не дают ответа на вопрос, как выглядела проторетороманская система на различных этапах развития и чем она отличалась от других ареальных систем до начала письменной традиции. Отдельные реконструкции в сочетании с латинскими формами создают хронологически и системно противоречивое представление. Только в "Романском языкознании" Г.Лаусберга можно найти, наряду с обычными латинскими прототипами, "этимологические проекции" ретороманских словоформ в вульгарную латынь (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и след.)³.

Историческое сопоставление граубюнденских, тирольских, фриульских данных с учетом галлороманских, италороманских и латинских свидетельств позволяет реконструировать ретороманскую систему глагольных окончаний в двух основных состояниях (см. табл. 4): раннем (IY-Y вв.) и позднем (XII-XIII вв.), предполагающем утрату заударных гласных⁴. Как в Иберии и Галлии, для реконструкции в

принципе доступно более раннее состояние, бывшее в употреблении до перехода заударного *-u- в *-o- и имевшее, вероятно, в отличие от системы IV-V вв., 4 *-mu(s), 6 *-n(t), 3 пф.инд. *-u(t), 6 пф.инд. *run(t).

Общая флексия I форм, как и во всей Романии, была *-ø⁵. Это положение подтверждается первоначальным отсутствием специальных показателей лица-числа во всех ретороманских областях⁶. Презенто индикатива вначале отличался особой флексией *-o⁷, а затем сравнился по показателю с соответствующими формами большинства других парадигм. В письменную эпоху презентная флексия не засвидетельствована из-за отпадения конечных гласных (XII-XIII вв.; Бурсье, 1952, § 513).

Относительное разнообразие исходов словоформ, совпадение I и 3 форм почти во всех временах, неравносложность I, 3, 6 и 2, 4, 5 форм в некоторых парадигмах – все это вело к поиску достаточно универсальной флексии I л.ед.ч. Энгадинские диалекты обобщили отсутствие окончания: chant, chantaiva и т.д. В сельвских признаком I формы индикатива с середины XVII в. стал вторичный показатель -(e)l: сурсельв. през.инд. cantel, dormel, vendel, импф.инд. cantavel, sentavel, vendevel. Его происхождение объясняют обобщением финали таких словоформ, как сурсельв. affel из *afflo (Бурсье, 1952, § 524; Бородин, 1969, с.65-66)⁸, либо присоединением к глаголу личного или указательного местоимения el для установления равносложности в парадигме (Lausberg, 1962-67, II, § 798; Stimm, 1980)⁹. Во фриульском широкое распространение получила вторичная финаль -i/₁, которая обозначает I форму почти всех времен (кроме през.инд. II-III спр., импф.кон. и кнд.): през.инд. cianti, импф.инд. ciantavi, пф.инд. ciantai, фут. ciantarei, през.кон. cianti. Она находит поддержку в других формах большинства парадигм, где -i- употребляется перед флексией в качестве соединительного гласного или элемента различных суффиксов. Ее происхождение требует дальнейшего изучения с учетом сходных явлений в Иберии, Галлии, Италии и других областях.

Перфектная флексия первоначально была *-i¹⁰. Она удержалась во фриуль. ciantai, partii, tasei, ciolei. Сохранение -i объясняется его распространением в I формах почти всех парадигм¹¹. В других областях этимологический показатель утратился из-за аналогической перестройки: старосельв. luda, верхне- и нижнеэнг. chantét, sentít, vendét, avét, füt, det и т.д.¹²

Таблица 4
Ретороманские флексии по итогам реконструкции

Формы	Ретороманские прототипы		Ретороманские свидетельства	
	ранние (IУ-У вв.)	поздние (XII-XIII вв.)	исходные	производные
Общие флексии				
1	*ø, (*o)	*ø	ø	l, i, ð
2	*s	*s, *ð	s, ð	st, ðt
3	*(t)	*ø	ø, (t)	
4	*mo	*m, *n	n	ø, m, ns, nts, nza
5	*te(s)	*t(s), *d(z)	t(s), d(z)	dt, s, ø, va(t), ða(t) ð(s), o
6	*n	*n	n	nn, ø, m
Перфектные флексии				
1	*i	*i, *ø	i, ø	
2	*ste	*s(t), *ð(t)	s(t), ð(t)	rið
3	*(t), *o(t)	*ø, *ó, *t	ø, ó, t	
4	*mo	*m, *n	n	ø, m, ns, nts, nza
5	*stes	*st(e)s, *s(e)s *ðt(e)s, *ð(e)s *t(s), *d(z)	ðes, t(s) d(z)	s, ø
6	*ro(n)	*ro(n)	r	rin, n, ø
Императивные флексии				
2	*ø	*ø	ø	a, i, e, s, ð, st, ðt
4	*mo	*m, *n	n	ø, m, ns, nts, nza
5	*te, (*tes)	*t, *d (*ts, *dz)	t, d (ts, dz)	dt, s, ø, ts, tsan

Общая флексия 2 формы вначале была *-a/ä¹³. Морфема *-a сохранила свое качество в старосурсельвском и в современных сурсельвских говорах, в старосутсельвском, северной и западной частях современной Сутсельвы, например: старосельв. *vay/wäy* "is", *fas* "facis" (Bonifaci, Nauli, L.Gabriel, Caduff); совр.сурсельв. през.инд. *san-/contas*, импф.инд. *santavay*, през.кон. *san-/conties*, импф.кон. *santavies/-essies/-vies* и т.д.

В других областях она удержалась с некоторыми изменениями: -ä во фриульском, минстерском, старых и новых нижнеэнгадинских говорах; -st в старом и новом сурмиранском диалекте и прилегающей к нему юго-восточной части Сутсельвы; -ät в верхнеэнгадинских говорах и обоих энгадинских вариантах литературного языка. Вариант -ä возник фонетическим путем из *-a. Датировка этого перехода неопределенна, но ясно, что он начался до возникновения письменной традиции и продолжался несколько веков (Бурсье, 1952, § 516). Разновидности -st, -ät появились в середине XVI в. (през.кон. *glaiast*, *Bifrun*) в результате слияния флексии с инвертированным местоимением -t (Lausberg, 1962-67, III, § 798;ородина, 1973, с.21).

Перфектная флексия засвидетельствована в старых текстах единичными примерами: нижнеэнг. *dschesch*, *udisch* (Chiampel); верхнеэнг. *ruguetast* (Bifrun; Gartner, 1883, с.136, 142, 146). В современном языке она не отличается от общей вследствие свойственного ретороманским говорам аналогического выравнивания показателей и парадигм: энг. *chantettast*, *sentittast*, *taschettast*, фриуль. *ciantaris*, *partiris*, *taseris*, *cioleris*; более старые формы без -ri: *ciantas*, *partis* (Gartner, 1883, с.117-118)¹⁴.

Для областей распространения флексии -a/ä мы вправе предположить прототипы *-a/ä, совпадающие с общими (ср. то же в итальянском, французском, румынском и др.). Там же, где употребляются флексии -st, -ät, можно допустить как *-a/ä, так и *-st/ät (из *-ste)¹⁵, поскольку любой прототип дал бы в процессе эволюции на ретороманской почве засвидетельствованные рефлексy.

Императивная флексия была *-ø¹⁶. Словоформы оканчивались неударными характерными гласными гласными -a/i/e, которые в разное время в различных областях подверглись аналогическим заменам в результате обобщения, редуцировались или отпали. Таким образом кое-где сформировались новые региональные вокальные флексии. Общее окончание проникало в императив с формами конъюнктива: сурсельв. *seigies* "sis, es", *hegies* "habeas, habe", верхнеэнг. *vajast*, *hegiast* и т.п.

В 3 форме общая флексия восходит к прототипу *- \emptyset 17. Она отражена всюду во всех парадигмах: сурсельв. през.инд. *can-/conta, dorma, venda, ha, va, di, fa*, импф.инд. *cantava, senteva, vendeva*, през.кон. *can-/conti, porti, vendi* и т.д. Следы общероманского показателя *-t сохранились только в односложных словоформах *dat, stat* (сурсельв.), так что для раннего ретороманского можно предположить колебание *-t/ \emptyset или *-(t).

Перфектная флексия сохранилась в старых текстах в трех вариантах - \emptyset / ϕ /t с достаточно последовательным их распределением по типам спряжения: староверхнеэнг. I спр. *cumando, dumando, lascho*, мно/мнет; II спр. *fūgit, murit, udit, durmit, partit*; III спр. *bat-tet, mettet, vendet*; нерегулярные глаголы *det, stēt/stet, giet, voulet/vous/vuot, havet* (Bifrun); старосурсельв. I спр. *mangia, cummanda, lava, lascha/lai*; II спр. *scribe, more, ude, survange/vangit*; III спр. *curret, vendet, mettet/metta, pudet, savet*; нерегулярные глаголы *det, stet, fo, crei, fa/figet* (J. urin, 1964, с.107-115, 252-261). Более поздние свидетельства показывают, что в энгадинском происходит постепенное обобщение показателя -t, который проникает в I спр. (ср. окончания словоформ, собранных Т.Гартнером до 80-х гг. XIX в.: I спр. -a/o/e/ia/io/ie, -a(a)t/et(t)/iet; II спр. -i, it/id/et(t)/iet(t); III спр. -e, -et(t)/ed; Gartner, 1883, с.136, 142, 146) и распространяется на все 3 формы в современных энгадинских вариантах: *chantet, sentit, vendet, füt, det, gnit, avet* и т.п. Более того, из окончания 3 л.ед.ч. здесь формируется парадигматический показатель перфекта -t(t)- (ср. итальянский). В сельвских диалектах простой перфект вытесняется сложным романским, а во фриульском всюду закрепляется - ϕ : *cianté, partí, tasé, ciolé*.

Происхождение показателя - ϕ не вызывает сомнений. Подобно общей флексии он возник в результате окончательной утраты общероманского и раннего ретороманского *-(t). Исход - ϕ в верхнеэнгадинском I спр. образовался в долитературное время из *- $\acute{a}\mu$ (t) (о развитии *- $\acute{a}\mu$ в Ретии см.: Бурсье, 1952, § 512). Это означает, что в позднем ретороманском был в ходу вариант флексии *- ϕ , восходящий к раннему *-o(t) и общероманскому *- μ (t). Окончание -t этимологически не связано с ранним ретором. и общером. *-(t). Подобно окситанскому; оно сформировалось вторично в результате обобщения согласного основы перфектов типа *ded(it), stet(it)*, ставшего конечным после утраты этимологической флексии и характерного

гласного, т.е. не ранее XII-XIII вв., но до начала литературной традиции¹⁸.

Таким образом, ретороманские окончания восходят к ранним прототипам *-(t)* во всех спряжениях и **-o(t)*¹⁹ в I спр. наряду с предыдущим. Они дали позднее **-Ø*, **-b*, а затем после утраты ударных гласных к ним присоединилось вторичное **-t* в III спр. Эти варианты подверглись в отдельных областях аналогическому выравниванию. Во Фриули распространился нулевой показатель, в Граубюндене, наоборот, преобладание получило **-t*, очевидно, из-за региональной активности перфектов типа *dedit*, *stetit*. Рефлекс *-b* как явный архаизм с началом литературной традиции встречался только в I спряжении в верхнеэнгадинском, а затем был оттеснен более активными *-Ø* и *-t*.

Общая флексия 4 формы восстанавливается в виде **-n* (из **-m* < **-mo*)²⁰. С начала письменной традиции **-n* засвидетельствовано практически во всех областях, например: през.инд. старосурсельв. *mein* "imus", *figiein* "facimus" (L.Gabriel); старосутсельв. *amnein*, *figein* (Bonifazi, Mauli); староверхнеэнг. *fæschain(s)/fain(s)* (Bifrun); стронинжеэнг. *gäin*, *fain(s)* (Chiampel); тирол. *porton/purtun*; фриул. *ciantin*; та же флексия во всех парадигмах.

На юге Сутсельвы отмечаются формы на *-m*: *izvem*, *dovem*, *vchem*, *cartem*, *rozvem* (Catechismi 1707-88). Поскольку они появляются не ранее XVII-XVIII вв., вполне очевидно, что *-m* развивается из *-n* вторично, в силу особенностей местной фонетической эволюции (Descartine, 1958, с.177). В старых сутсельвских и сурмиранских текстах кое-где встречается написание *-gn*, а в современных сутсельвских, сурмиранских, нижнеэнгадинских, тирольских, фриульских говорах флексия передается транскрипционными знаками *-ñ/ъ/ñ*. Во всех случаях речь идет не об особом окончании, а о фонетических вариантах.

Флексия **-n* находит соответствие в каталанском, окситанском, французском, северо-западном итальянском ареалах. В Ретии она сформировалась не позднее XII-XIII вв. из общером. **-m* после утраты конечного согласного и гласного элементов. Датировка опирается на свидетельства "Эйзидельнского фрагмента" (Граубюнден, начало XII в.), где мы находим *timmo*²¹ (4 през.кон. или инд.), *ueniamo* (4 през.кон.), *auem* (4 през.инд.) наряду с латинизмом *prendemus* (4 през.кон.). Из этих примеров следует, что к началу XII в., по крайней мере, на западе ретороманской области были в ходу формы без *-v* и шла утрата ставшего конечным гласного. Данные соседних

областей (Каталонии, Галлии, северной Италии) показывают, что исчезновение конечного -а произошло в IY-III вв. нефонетическим путем (см. общероманскую 4 форму).

Наряду с *-n и ее разновидностями в Ретии встречается несколько вариантов с сигматическим элементом: -ns, -nts, засвидетельствованные с середины XVI в. в сурсельв. *leins* "voluntas" (Bonifaci), *eschans*/ischan "sumus" (Hauli); сурмир. *delegns* "debemus" (Da Sale), *delagns* (Catechismi 1768); нижнеэнг. *lascains* "laxamus", *fain(e)* "facimus", *dschains* "dicimus", *wachins* "videmus" (Chiampel); верхнеэнг. *daintz* "debemus" (Travers); *fascain(s)/fain(s)* "facimus", *dschain(s)* "dicimus" (Bifrun); -nza в разных написаниях в старых текстах и изолированных ареалах центрального Граубюндена, например, старосурсельв. *stainza* "statum" (Calvenzano); старосурм. *denza* "debemus", *gninea* "venimus" (Catechismi 1707-88); совр. диал. *gainza* "dicimus", *fagainza* "facimus", *tirainza/tragainza* "trahimus" (Beiva). Такая же флексия употребляется в современных верхнеэнгадинских литературных формах императива наряду с асигматическими вариантами (см. ниже).

Сигматические флексии не следует считать прямыми продолжателями общероманского *-nus. Вне всякого сомнения, они вторичны, так как возникли не раньше XVI в. в результате слияния первичной флексии *-n с инвертированным безударным местоимением *nus* (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 133; Бурсье, 1952, § 524; Lausberg, 1962-67, III, с. 188; Бородина, 1973, с. 21).

Перфектная флексия с самых ранних времен не отличалась от общей, а потому обе морфемы имеют одинаковую историю²². Императивный показатель сначала тоже совпадал с общим, но особенности местного развития привели в некоторых областях к образованию особых окончаний. Так, современный верхнеэнгадинский литературный вариант имеет два ряда форм в императиве: *chantain*, *sentin*, *vendaïn* или *chantainsa*, *sentinsa*, *vendainsa* (ср. 4 през. инд. и кон. *chantains* и т.д.). Они возникли вследствие действия двух противоположных тенденций. Формы на -n - результат сохранения первоначальной флексии *-n в период формирования верхнеэнгадинского показателя -ns, так как романский императив 4 формы не требует инверсии субъектного местоимения. Императив отличался от индикатива вначале синтаксически, а затем это различие закрепилось во флексии (4 импер. **chantain* 4 през. инд. **uossa chantain nus* "nunc cantamus nos", затем 4 импер. *chantain* 4 през. инд. (*nus*) *chan-*

tains). Форма на -nza возникла позднее в результате переноса на императив инвертированного построения с субъектным местоимением по типу *singen wir* ²³ - *chantain nus*. Местоимение объединилось с флексией уже в новой энклитической форме -*na/za*, которая встречается также в вопросительной последовательности (ср.: Бородина, 1973, с.72).

Исходя из засвидетельствованных словоформ можно предположить, что первоначальными окончаниями 5 формы в ретороманской области были **-te(s)* > **-de(s)* ²⁴; второе производно от первого. В таком виде они не сохранились, но на них указывают согласные флексий в диалектах, звонкий **-d-* из **-t-* в интервокальном положении, подтверждающий существование заударных гласных, региональные варианты соседних областей и перспективная реконструкция от общероманского к ретороманскому. После утраты заударных первоначальные варианты преобразовались в консонантные показатели **-t(s)/d(z)*. Позднее сигматические разновидности могли переходить в -*s* в результате деаффрикации и оглушения конечных согласных. Все показатели могли полностью утрачиваться.

Сигматические флексии -*ts/dz/s* (в написаниях -*ts/tz/ds/z/s*) засвидетельствованы в сельском, сурмиранском, верхнеэнгадинском, тирольском, фриульском, например: старосурсельв. *veits/-tz* "habetis", *doveits*, *esveis* "estis (Alig)", *gleis* "dicitis" (Wendenzen), *fieis* "facitis", *vignis* "venitis" (Cuduff).

Асигматические окончания сохранились в Нижнем Энгадине и Мюнстерской долине в написаниях -*t/d/dt*: старонижнеэнг. *didt* "dicitis", *stuaît* "statis", *eschet* "estis", *nzyd* "venitis" (Chiampel); рядом с ними словоформы на -*w(s)/s/ð* типа *uws* "itis", *dyw* "dicitis", *faia* "facitis", *hwai* "habetis" (Chiampel), *geat* "estis", *rowvvet* "rovvitis", *hagiat* "habetis" (Chiampel); совр.нижнеэнг. *yaiwat* "itis", *faiva(t)/favat* "facitis", *laivat/levat* "vultis", *yavivet/vai(va)* "habetis" (Tschin, Scuol, Tarasp, Zampalun и др.). Употребление асигматических флексий объясняют тем, что в Энгадине императив вытеснил индикатив под влиянием 4 формы без -*s* (см., например: Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 133). Романские данные показывают, что проникновение асигматических (императивных) показателей в сферу сигматических (общих) началось в общероманский период (Томашпольский, 1983; 1984; Черняк, 1984).

Варианты флексий -*w(s)/va(t)/ua(t)/wa(t)* образовались вследствие присоединения инвертированного местоимения ²⁵. Сходное яв-

ление наблюдается в других формах ретороманского языка и в североитальянских диалектах.

Перфектная флексия засвидетельствована в старых текстах единичными примерами: *parnesches* (I. Gabriel), *prandisches*, *navisches* (Bifrun) (Mourin, 1964, с. 107-109). Если верить этим примерам, в XVI-XVII вв. окончание перфекта индикатива было *-ées*. Оно хорошо согласуется с предположениями на основе перспективной реконструкции от общероманского к ретороманскому: **-atis* > **-stes* > **-âtes* > **-â(e)s* или **-stes* > **-sts* > **-âts* > **-âs* ²⁶. Эти данные и факты других языков показывают, что ранней ретороманской флексией до утраты заударных нужно считать **-stes*.

В силу действующей в Ретии тенденции к выравниванию показателей и парадигм этимологическая флексия всюду уступила место новым показателям перфекта *-t(t)-* (в энгадинском) и *-r-* (во Фриульском) с присоединением общей флексии, развивавшейся в дальнейшем, как в других парадигмах.

Императивная флексия во всей ретороманской области отличалась от общей и перфектной. Изучение собранных данных показывает, что сначала она была **-te* **-de*, после утраты заударных **-t/d* ²⁷ в написаниях *-t/d/dt*, а еще позднее всюду, кроме Фриули, *-ð*. В старых текстах преобладает согласное окончание: сурсельв. *figeit*, *carteit*, *vangit*, *steit/stei* (L. Gabriel), *fieit/figeit*, *deit/dei*, *cartei*, *meita* (Alig), *cartei* (Wendenzen), *fiei*, *vigni* (Caduff); сурсельв. *fageed/faged/fad*, *vegnid/veni* (Bonifaci), *fad*, *geid* (Calvenzano), *amnad/nad*, *fad*, *scheid*, *veseid* (Nauli), *dad* (Bargandun); сурм. *sched/scheid*, *gni*, *tiro*, *laschio* (Catechismi 1707-88); *dat*, *stat*, *gé*, *dzé* (Da Sale); нижнеэнг. *laschad*, *fad*, *ngyd*, *dad*, *stad*, *y/d/ydt*, *dydt* (Chiampel).

Утрата согласного ранее всего произошла в верхнеэнгадинском, а потом распространилась на другие области: верхнеэнг. *daed*, *stêd* /*steda*, *gni* (Hiob, Papa), *avé*, *daché*, *fascché*, *traié*, *lastho* (Bifrun). Нулевой показатель преобладает в современных диалектах и литературных вариантах: сурсельв. диал. *targei/tariei/traï*, *mei/mai*, *dei/ai/âtei*; сурсельв. лит. *santei*, *durmi*, *uni*, *temei*, *vendei* и т.п. Согласный сохранился в отдельных областях Граубюндена, в отдельных словоформах и во Фриули, где 5 импер. *ciantait*, *partit*, *taveit*, *ciolit/cioleit*.

Редкие случаи *-ts/dz* в старых текстах, вероятно, связаны с общероманским *узусом*. Они могут также объясняться употреблением

индикатива или конъюнктива вместо императива, а в современных диалектах присоединением местоимения, как, например, *ite "ite"* в Граубюндене, происходящее из сочетания **it(e vo)s*. Ср. в старых текстах *izen* (Bifrun), *iden* (у других авторов), в современных говорах Энгадина *itsan*, объясняемые из *ite vos inde* (Descurtius, 1958, с.14).

В 6 форме общая флексия была **-n*²⁸. Она проявила удивительную устойчивость и сохранилась в старое и новое время в диалектном и литературном языке всюду, кроме Тироля. В отдельных областях встречаются вторичные фонетические варианты, передаваемые написаниями *-nn/m/ng/gn* и транскрипционными знаками *-p/ñ/ñ/m*.

История перфектных флексий затемнена, поскольку этимологические формы почти везде были рано вытеснены аналогическими, а простые перфекты в Сурсельве, Сутсельве, Сурмейре и Тироле уступали место сложным. Следы этимологических флексий обнаруживаются во Фриули, где засвидетельствованы 6 пф.инд. на *-r/rin*: старофриул. *aiudar, arecevir, adorarin, portarin, rivarin, poderin, sentirin* (Gartner, 1883, с.112, 118, 136, 142, 146), совр.фриул. *ciantarin, partirin, taserin* (Gregor, 1975, с.98-103). Согласный элемент *-r-* здесь может быть этимологическим. В таком случае, сопоставляя фриульские данные с историей флексий в соседних областях, мы вправе предположить, что после умолкания заударных в ретороманской области употреблялся показатель **-r* из **-ro(n)*²⁹. Ясно, что **-r* — результат утраты носового и гласного элементов. Флексия *-rin* могла образоваться из **-ron* путем замены гласного по аналогии с другими формами, из **-r* вследствие распространения 6 *-in* других парадигм или из 4 формы прочих времен для установления равносложности во множественном числе (ср. сходный путь развития в староитальянском, где *furo + no*; окончание *-rin* встречается в других областях).

В Тироле эволюция флексии пошла дальше, чем во Фриули. В старое времена здесь 6 пф.инд. совпадала с 3 пф.инд. из-за утраты всех согласных элементов, т.е. полного исчезновения флексии: 3 = 6 пф.инд. *portá* (ср. итальянский, румынский, новофранцузский). В других областях формы перфекта подверглись аналогическим преобразованиям. В Энгадине они получали окончания *-n/en/tən/tan*: *den, sten, purten/-taun, metenn, purtaten, rascitettan, manetten, passeten, provetan, havenn* (Gartner, 1883, с.136, 142, 146).

Современные литературные варианты преобразовали согласный *-t-* в показатель перфекта, присутствующий во всей парадигме, например: верхнеинг. *chantet, chantettast, chantet, chantettans, chantettas, chantettan, sentit, sentittast, sentit* и т.д. Опираясь на такие факты, Г.Лаусберг проецирует энгадинские формы в вульгарную латынь: 1 **-étūi* (аналогия по **stétūi*), 2 **-étūisti/étūis tu* 3 **-étūit*, 4 **-étūimus*, 5 **-étūitis*, 6 **-étūin* (Lausberg, 1962-67, III, § 824). Эта реконструкция должна быть отклонена, поскольку она не соответствует никакой реальности и может рассматриваться только как чисто эвристическое построение. Кроме того, для объяснения *-t(t)-* вовсе не обязательно предполагать, как в итальянском, прототип **-étūi-*. Старые факты показывают, что признак перфекта сформировался не фонетическим, а аналогическим путем, и довольно поздно, в VIII-XIII вв.; то же относится к окончанию 2 формы. Понятно, что для проторетороманского периода реконструкции ("проекции") Г.Лаусберга будут фонетическим и морфологическим анахронизмом.

Таким образом, анализ ретороманского литературного и диалектного материала позволяет реконструировать ареальную историю системы глагольных окончаний в виде синхронных срезов до начала письменной традиции (см. табл. 4), показать своеобразие ее развития в общероманском аспекте, уточнить существующие представления и гипотезы о происхождении некоторых окончаний. Результаты реконструкции дают возможность сделать ряд выводов. Во-первых, ретороманская система глагольных окончаний относится к западнороманскому типу, но в сравнении с Иберией, Галлией и Италией еще в долитературное время она дальше всех отошла от первоначального романского образца. В Ретии отмечаются отдельные архаические черты (сохранение асимметрических показателей во 2 и 5 формах, противопоставления императивных и общих флексий во 2 л.мн.ч.), но преобладают здесь инновации: утрата дентальных согласных, озвончение интервокального **-t-*, преобразование или умолкание заударных гласных, устранение лабиальных элементов в перфекте (с сохранением следов **-o* из **-ū* в 3 пф.инд.), асимметрические 4-е формы, потеря своеобразия перфектных показателей и некоторые другие менее значительные аналогические перестройки. Во-вторых, ретороманская система в целом по своему характеру (но не по форме) сближается с балканской. Так же, как и эта последняя, она развивается в долитературное время в направлении частичной унификации типов спряжения, парадигм и глагольных окончаний.

П р и м е ч а н и я

¹ Бурсье, 1952, § 511; Бородина, 1969, с.17-18; Tagliavini, 1977, § 83; Алисова и др., 1982, § 62.

² См., например, сравнительно-исторические грамматики: Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.137-369; Zauner, 1921, I, § 64; Бурсье, 1952, § 523-525; Lausberg, 1962-67, III, § 787-948; описательно-исторические грамматики ретороманских диалектов: Alton, 1879 (позднейшая переработка Vittur, Plangg, 1968; Gartner, 1883; Velleman, 1915-24, II; Cahannes, 1924; Marchetti, 1952; Iliescu, 1972; исследования ретороманских систем спряжения: Pallioppi, 1868; Stürzinger, 1879; Decurtins, 1958 и статьи по отдельным вопросам глагольной морфологии.

³ Далее в тексте "проекции" Г.Лаусберга сопоставляются с реконструируемыми проторетороманскими окончаниями. Прототипы из других публикаций не приводятся, так как они в основном соответствуют классическим латинским формам.

⁴ Утрата заударных в Ретии произошла позднее, чем в Галлии. Хотя точная датировка не известна, можно предполагать, что процесс завершился в XII-XIII вв. (Бурсье, 1952, § 513).

⁵ Ср. у Г.Лаусберга -ø/m: през.кон. cántem, импф.инд. cantáva illu, -éva, ппф.кон. cantásse (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 829).

⁶ Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: Alton, 1879; Gartner, 1883; Decurtins, 1953; Mourin, 1964; Бородина, 1969; 1973; Iliescu, 1972; Gregor, 1975.

⁷ В през.инд. за основу обычно берется лат. -o; ср.: cánto, cánto illu, vídio, vídio illu, véndo, véndo illu, dórho, dórho illu (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869).

⁸ Ср. лотар. и вал. I през.инд. montér "montre", rantér "rentre", dobél "double", trübél "trouble" (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 136).

⁹ Случаи аглютинации местоимений, стоящих в постпозиции, в ретороманской области и за ее пределами не редки. Ср. ниже происхождение флексий других форм в энгадинском и североитальянских диалектах.

10 Ср.: cantái, (stétui>) -étui, vendéi, dormíi, -ítui (nach stetui) (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

11 По мнению некоторых ученых, флексия I пф.инд. -ai заимствована из итальянского (Gartner, 1883, § 146).

12 Формы типа luda вышли из употребления в начале XIX в. (Бородина, 1969, с 74, прим.4).

13 Ср.: през.инд. cántas, cántas tu, vídi-es, vídi-es tu, véndes, véndes tu, dórmes, dórmes tu; през.кон. cántes; импф.инд. cantávas, -évas tu (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 802, 807, 869).

14 В современном сурсельском варианте литературного языка парадигма простого перфекта не употребляется, а в старых текстах 2 форма не обнаружена.

15 Ср.: cantásti, -etúisti -étuis tu, vendísti, dormísti, -ituísti>-ítus tu (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

16 Все авторы берут за основу латинскую форму без окончания; ср.: cánta, víde, vénde, dórmi (ibid., § 805, 872, 886, 932).

17 Исходным обычно считают лат. -t; ср.: cántat и т.д. (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и след.).

18 См. различные гипотезы: Gartner, 1883, с.117-118; Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.302-304; Бурсье, 1952, § 523; Lausberg, 1962-67, III, § 824, 825, 896, 901.

19 Ср.: cant-étuit, vendéit, dorm-ítuit (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

20 Ср.: през.инд. cantémus, -éму, vídi-émus, víd-émus, vendé-mus, -éму, dormímus, -íму; през.кон. cantémus, videamus, vendamus, dormiamus; импф.инд. cantávamu, -évamus, -évamu, videbámus, vendebámus, dormiebámus (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 802, 807, 869, 871, 873, 884, 887, 930, 934).

21 В рукописи стоит timino. Э.Бурсье читает timino (1952, § 524), что вполне допустимо и по палеографическим и по лингвистическим соображениям. При более критическом отношении к тексту, который среди ретороманских свидетельств стоит изолированно, мы могли бы допустить, что timino/timino, ueniamo - итальянизмы, а ueniet - галлицизм, которые вместе с латинизмом prendamus вообще ничего не дают для истории 4 формы в ретороманском, но сходные

написания находят поддержку в текстах ХУП-ХУШ вв.: *vezaino* (Pit-schen 1662), *schem*, *cartem*, *possem* и т.д. (Catechismi 1707-88). См. также Decurtius, 1958, с.54, 95, 115, 128.

22 Ср., однако, *cant-étuimus*, *-étuimu*, *vendéimus*, *dorm-ítuimu*, (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

23 Широкое распространение инвертированной последовательности "наречие - глагол - местоимение" в ретороманских диалектах и в близлежащих областях, а значит и образование новых флексий 1-2, 4-5 форм в результате слияния с инвертированным местоимением, связано с влиянием немецкого языка.

24 Ср.: *cantétis*, *vidi-étis*, *vendétis*, *dormítis* (ibid., § 797, 869 и след.).

25 По мнению некоторых ученых, такие окончания могли возникнуть фонетическим путем из **-áte(s) > *-áde(s)/áde(s)* (IX-X вв.) **-áwde(s)*, *áwe(s)*, *áw(s)* (XIII в.) аналогично **prátu > prádu*, *prádu*, *prawdu*, *prawu*, *prau* (XIII в.) (Бурсье, 1952, § 512).

26 В.Мейер-Любке предполагал первичную флексию **-áe*. Его реконструкция не учитывает возможность сохранения заударного гласного (ср. фр. *-stea*) и соответствует позднему состоянию ретороманского, включающему переход *at > ét*. Флексию *-áe* он объяснял из **-áe* введением разделительного гласного (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 268). У Г.Лаусберга *cant-étuítis*, *-étuíte*, *vendéítis*, *dorm-ítuítis*, *-ítuíte* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

27 Ср.: *cantete* и т.д. (ibid., 1962-67, III, § 805, 872 и др.).

28 Ср.: през.инд. *cántan*, *vidi-en*, *véndun*, *dórmun*, импф.инд. *cantávan*, *-évan* и т.д. (ibid., § 797, 809, 869 и след.)

29 Ср.: *cant-étuun*, *vendéerunt*, *dorm-ítuunt* (ibid., § 824, 894, 937).

Глава четвертая

ИТАЛОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Специальных исследований галлороманской глагольной морфологии мало ¹, но широкий круг соответствующих проблем рассматривается в многочисленных исторических грамматиках ² и сравнительных грамм-

тиках романских языков ³. В этих книгах усилия авторов направлены на то, чтобы дать исчерпывающее описание литературных и диалектных систем спряжения, объяснить их исхода из латинского состояния. Задача систематической реконструкции протоиталороманской морфологии не ставится, и, хотя отдельные гипотезы встречаются, получить полное представление об италороманской системе глагольных окончаний на разных этапах развития до начала письменной традиции невозможно ⁴.

Сравнительно-исторический анализ итальянских и далматинских данных с учетом балканских, сардинских и латинских свидетельств позволяет реконструировать италороманскую систему глагольных окончаний в двух основных состояниях (см. табл. 5): раннем (III вв.), восходящем к общероманским временам, и позднем (IV-V вв.), обусловленном развитием конечных *-e, *-t и заударных гласных ⁵. Реконструкция более поздних общих состояний для Италоромании в целом не имеет смысла, так как после IV-V вв. даже относительное языковое единство было утрачено.

Сопоставление показывает ⁶, что общая флексия I формы, как и всюду, первоначально была *-ø ⁷. Презенс индикатива обозначался особым показателем *-o ⁸. Он сохранился в центральной Италии, кое-где на севере (Венеция) и в Далмации среди других вариантов: ит. *santo, dormo, finisco*, венец. *vendegeio, averzo*, дм. *sper-aio, stimaio, studiaio* (рядом с -o распространено окончание -a, встречается -i). Исходное *-o могло подвергаться ослаблению и качественным изменениям, переходя в -u/e/э на юге Италии, в Далмации (среди прочих вариантов) или утрачиваться в северных и отдельных южных диалектах. Падение окончания привело к образованию этимологически неясной флексии -i в Ломбардии (*lavi, senti, regordi*), Истрии (*turni, movi, veni*) и Далмации (*dichi, fasi*; Рагузы/Дубровник). Этот показатель необходимо рассматривать в связи с аналогичными явлениями в каталанском, гасконском, окситанском и ре-тороманском языках.

Перфектная флексия первоначально была *-(v)i/i ⁹. Варианты *-i/i засвидетельствованы с древнейших времен всюду в Италии: *cantai, partii, credei, fui, vidi* (ср. дм. *sprandai*; перфект отражен в Далмации неудовлетворительно, для I пф. инд. надежных свидетельств нет; Bartoli, 1906, § 479). Рядом с ними в старом и современном итальянском употребляется окончание с -v-. В староитальянском формы типа *partivi* встречаются у древнейших лирических

Таблица 5
Италороманские флексии по итогам реконструкции

формы	Италороманские прототипы		Италороманские свидетельства	
	ранние (II-III вв.)	поздние (IV-V вв.)	исходные	производные
О б щ и е ф л е к с и и				
1	* \emptyset , (*o)	* \emptyset , (*o)	\emptyset , (o)	o, e, i, (u, e, a, i, \emptyset)
2	*s	*(s/i), *i	s, i, i, \emptyset	š, si, sē, e, a, ti, tu, ta, t, ri
3	*(t)	*(t)	ti, tē, \emptyset	di, dē, $\tilde{d}i$, $\tilde{d}e$
4	*mu	*mu, *mo	mu, mo	me, mē, mi, m(a), mmo, mmu, mme no, n(e), mas, mio
5	*tes, *tis	*te(s/i) *ti(s/i)	ti(sē), si tē(sē), tē	di, dē, tēē, dze, sē, zē, i, f, é v, u, o, vu, vo
6	*n(t)	*n(t)	n(t)	ɲ, \emptyset , (n)no, (n)nu, nē, ne, o, u
П е р ф е к т н ы е ф л е к с и и				
1	*(v)i	*(v)i, *i	(v)i, i	v(o), \tilde{b} (e), va, vu, i, e, a, é, f \emptyset , a, á, o, ó
2	*sti	*sti, (*ste?)	sti, (ste?)	šti, stē, štē, (s)si, sse, t, ri (š)šī, (s)s, (š)š, sto, stu
3	*vi(t), *(t)	*vi(t), *u(t) *i(t), *(t)	vi(tī), i(tī) u, (tē)	(v)idi, (v)etē, (v)etē, $\tilde{d}e$, (š)etē, (š)etē, (v)o, d, i, f e, é, iē, \emptyset
4	*(v)imu, *mu	*umu, *(m)mu *umo, *(m)mo	umē, (m)mu (m)mo	mme, mme, mti, m(a), no, n(e)
5	*stis *stes	*sti(s/i) *ste(s/i)	sti(sī), ste stese	stē, štē, štē, šī, š(e), (s)si (s)se, sē, vu, vo
6	*run(t)	*ru(n) *ro(n)	ru, ro(n)	r(a), rono, rene, rinī, ra, rno rne, (n)no, nu, n(e)
И м п е р а т и в н ы е ф л е к с и и				
2	* \emptyset	* \emptyset	\emptyset	i, e, a
4	*mu	*mu, *mo	mu, mo	me, mē, mi, m(a), mmo, mmu, mme no, n(e), mas, mio
5	*te, *ti	*te(s/i) *ti(s/i)	tē(sē), tē tī(sē)	di, dē, tēē, dze, sē, zē

поэтов, Латини, Данте. В современных диалектах они засвидетельствованы на юге в Абруцци и Моллизе (*candavə, parlavə, partivə, campobassovə; parlivə*, I-П спр. на *-ivə*, Teramo, Chieti, Gessopalena), в Лукании (*sparti6/-tiv/-teib, faci6, 6əbi6/voviv, perdivi*), в Калабрии (*mangiavi, partivi, perdivi, finiva, rumpiva*), в Сицилии (*cantavi, partivi/-ivu*, Lausberg, 1939, § 335, 362, 365; Meyer-Lübke, 1890-1902, П, § 269; Rohlf, 1949-54, П, § 565-576). Реконструкция перфектной флексии связана с общероманской проблемой согласного элемента *-v/ç-* (то же для 3-4 форм), суть которой состоит в определении первоначальных романских окончаний перфекта (см. общероманский).

Исходные флексии дали начало производным вариантам *-və/6ə, -v/6* из **-vi* вследствие ослабления или утраты заударного гласного и фонетического варьирования губного элемента (примеры выше); *-ə/ə/é/í/ø* из **-i/í* в результате ослабления конечного гласного, его слияния с предшествующим характерным гласным или его бесследной утратой. Во многих случаях возникли аналогические показатели, перенесенные из I формы других парадигм или из 3 формы собственной парадигмы: *-ə, -və* в результате замены *-i* показателями I импф. инд. из-за семантического сближения или нейтрализации перфекта и имперфекта; *-vu* из *-vi* с заменой гласного *-i* региональной флексией през.инд. *-u, -ia* из *-i/í* с прибавлением местной флексии I през.инд. *-ə; -i6* вместо *-ái* по аналогии с **di6* из **diedi; -í* у глаголов I и III спр. в результате замены *-ái, -ái* показателем II спр., образовавшимся из *-íi; -o, -6, -á* вследствие переноса флексии 3 пф.инд.

Происхождение и развитие флексий 2 формы в Италии и на Балканах — один из наиболее сложных и запутанных вопросов романской исторической морфологии. Дело прежде всего в том, что для его решения отсутствуют надежные данные: исходное состояние не отражено с достаточной ясностью в латинских свидетельствах; фонетические процессы затемнены аналогическими; системные перестройки не могут быть выявлены, поскольку не проведены границы фонетических преобразований; временные и территориальные рамки фонетических и морфологических трансформаций не установлены. Наиболее надежной опорой могут считаться только романские (итало- и балканороманские) свидетельства, поэтому на них и следует опираться.

Сопоставительный анализ показывает, что ранней общей флексией нужно считать **-ə*¹⁰. Этот показатель сохранился в отдельных се-

верных, центральных и южных диалектах: староломб. през.инд. *as, vos, vas, vas* (Uguçon, только в односложных словах), пьемонт. през.инд. *portes, perdes, tenes* (Saluzzo), *trövis* (Villafalletto), през.кон. *trövis* (ibid.), фут. *truvras, purtras, sentiras* (Torino), *vendras* (пров. Кунео), кнд. *truvrias* (Ала ди Стура), старовенет. през.инд. *castiges, comences, entendes* (Cato, Exempelbuch), *as, vas, mentis, digis* (Триест), кнд. *voravis* (Fra Paolino), тоскан. през.инд. *ses, eras* (пров. Козенца). Различные рефлексy **-a* удержались на севере Италии в трентинском диалекте (*-ä* из *-a*: през.инд. *cantaä, vedaä, vaä*, импф.инд. *cantaä*) и на юге в архаической калабро-луканской области (*-si/sä* из *-a* с паратогическим наращением: през.инд. *mangiasi, venisi, vivisi, Camerota, cantasi, tenisi, Maratea*, импф.инд. *vuliasi, aviasi, Morano*, кж. Лукания, през.инд. *cantase, dormese, импф.инд. cantavase, jergese*, сев. Калабрия).

В большинстве итало- и балканороманских областей первоначальный показатель был утрачен в силу сложных фонетических и морфологических перестроек. Анализ материала и обобщение наблюдений различных исследователей позволяет предположить, что *-a* после характерного или суффиксального гласного фонетическим путем преобразовалось в *-i*, т.е. **-as, *-is, *-es* > **-ah, *-ih, *-eh* > **-ai, *-ii, *-ei*. В зависимости от предшествующего гласного, места ударения (на характерном гласном или на основе) и фразофонетических условий *-i* сохраняется в виде флексии *-i/i*, утрачивается, преобразуя предшествующий гласный, или бесследно исчезает, оставляя в исходе словоформ характерный или суффиксальный гласный, т.е. **-as* > **-ai/-e/-a, *-is* > **-ii/-i, *-es* > **-ei/-i/-e* (ср. окситанские диалектные формы на *-i/ei*, с.35) ¹¹. Все предполагаемые варианты, кроме **-ii*, обнаруживаются в италороманском ареале:

-a (из **-as*): североит. през.инд. *santa, lava* (ломбард.: Тичино), през.кон. *dibia, voia, desplaça* (ломбард.); центральноит. през.инд. *santa, menda* (тоскан.: Луниджана), през.кон. *viva, vade/vadia* (лит. и диал.), импф.инд. *lavava* (тоскан.: Мальяно); южноит. импф.инд. *trovava* (калабр.: Акри), кнд., соответствующий латинскому ппф.инд. *habera* (староабруц.), *acsettera, canter(r)a, facerra* (калабр.: Бельсито); дм. през.инд. и кон., импф.инд. *favlua, kantaia, dekaia(a), dormai(a)* ¹²;

-e (из **-ai, *-as*): центральноит. през.инд. *gride, fide, pense, note* (Латини, Данте), *pense, lasse, mostre* (староумбр.);

през.кон. *sie, abbie, posse* (*Piori e Vita di Filosofi*), *sappie, vasse, fasse, aprende* (*Tesoretto*), *vegne, solve, posse* (*Данте*), импф.инд. *santave, ere* (старотоскан.), *santave, partive* (умбр.: *Ассизи*); североит. през.инд. *ame, renne, guverne, porte* (*Пьяченца, Верона*), импф.инд. *faveve* (*Uguçon*), *coreve* (*Giascomino*), фут. *pruvare* (*Диньяно*); южноит. през.кон. *crede, abbie* (старые лирические поэты), *fasse, vaghe* (*неаполитан.*), импф.инд. *santave, avie, venie, serie, ere* (пров. *Козенца*) ¹³;

-ai (из *-as): в лит. и диал. ит. през.инд. *dai, stai, vai, hai, фут. canterai, dormirai, venderai*; южнолукан. през.инд. *day, stay, (h)ay, bay, fay* и т.д., дм. през.инд. *vai, iai* "ав";

-i (из *-is): ит. през.инд. *dormi, veni, senti*;

-ei (из *-es): встречается в рефлексх през.инд. глагола "быть" типа *ei* (староверон., старомилан., старогенуэз., совр.эмилиан.), *siei* (ст. и совр.тоскан.), *sei* (совр.тоскан. и лит.ит.), дм. *eu* (*Рагузи*), *sei/vai/sant/vante* (*Велля*). Ниже приводятся рефлекс, появившиеся по другим путям развития;

-i (из *-ei < *-es). Это фонетическое преобразование сильно затемнено аналогическими перестройками. Действие фонетических и морфологических факторов в большинстве случаев различить невозможно. Центральноит. през.инд. *temi, vedi, vendi*, през.кон. *andi, rechi, parli, trovi* (*Норча*), импф.кон. *santassi, dormissi* (лит.), *andassi, dassi* (тоскан.: *Ареццо*); североит. през.инд. *perdi* (староломб.: *Пьяченца*), през.кон. *imbrati* (пьемонтск.: *Эмилия*), *parli, castigi* (староломб.: *Бергамо*); южноит. през.инд. *vi/ve* "vei" (кж. *Лукания*), импф.кон. *arriassi* (старонеаполитан.); плм. през.инд. *vi/ву* "vei" (*Рагузи* наряду с другими вариантами);

-e (из *-ei < *-es): североит. през.инд. *se* "vei" (*Венеция*), през.кон. *valve, lavve* (старые ломб., *венет.*, *лигур.*, *формы*), *tröve* (совр.лигур.: *Брогомаро*); центральноит. през.инд. *combatte, corre*, през.кон. *sale, sante, favelle* (старотоскан.: *Данте*); южноит. през.кон. *porte* (старосицил. у лирических поэтов), кнд. *santarrivve* (*Неаполь*); дм. през.инд. *bule* "vuoi", рефлекс, лат. ппф.инд., пф.кон., фут. *avare, blare, dormire, duore/dure, fure, kantuare/kanture/kantura*.

В некоторых северных областях Италии и в Далмации произошла утрата не только флексии и ее рефлексов, но и предшествующего гласного: през.кон. *tröf* (эмилиан.), импф.кон. *avis, varis* (эмилиан.), *trües* (ломб.), дм. през.инд. *vi/viä* (по аналогии с *I viä*,

где -*ŋ* из -*dī-*, **vādīo*), импф.кон. *fuas, kantes, duarmis*.

Утрата первоначального сигматического показателя вызвала преобразования в парадигмах. Потеряв отчетливую единообразную флексию, 2 форма получила взамен разнообразие исходны в виде -*ī*, характерных гласных -*a/i/e*, реже согласных основы. Морфологическая неясность привела к заметной активизации системных взаимодействий в рамках 2 формы между парадигмами времен, наклонений, типов спряжений и между формами лица-числа в пределах своей парадигмы. Наибольшее распространение получил показатель -*i* (иногда -*ī*). В през.инд. он распространился на I спр. по аналогии со II-III спр., а возможно и по типу I спр. през.кон. ¹⁴ Этот процесс не имеет определенной датировки. Если учесть, что романская волна исчезновения конечного -*a* засвидетельствована в Италии и на Балканах с конца I в.н.э. (*filiu*, CIL, III, 835; *germanu*, CIL, III, 7484: Дунайские провинции; *valia* (=valeas), CIL, IV, 2260: Помпеи; *cunere* (=co(n)heres "сонаследник"), CIL, VI, 3282: Рим; *pube* (=pubes "возмужалый"), CIL, VI, 19055: Рим; *sui* (=suis), CIL, VI, 16809: Рим; *benemerentibu* (=benemerentibus "достойным"), CIL, VI, 28512: Рим; *iudicii* (=iudiciis), CIL, XIV, 2165: древний Лацио; *maritu* (=maritus), CIL, VII, 3613: Ламбесис, Нумидия), а аналогичский перенос -*i* совпадает территориально с этими изменениями, то можно предположить, что рассматриваемый процесс начался вслед за утратой -*a*, т.е. в период между II-IV вв. н.э. ¹⁵

Наряду с аналогическим обобщением -*i* в тосканских диалектах встречается перенос -*e/a*. В старосиенском 2 през.инд. получает -*e* вместо этимологического -*i* (*serve, viene, dorme*). В пизанском в през.кон. наблюдается чередование -*i/a* во всех спряжениях, т.е. в диалекте произошло встречное обобщение обоих типов: -*a* из II-III спр. на I, -*i* из I спр. на II-III спр. В некоторых случаях морфологическая неясность компенсируется присоединением инвертированного местоимения *tu* или его вариантов. В италороманской зоне этот прием встречается главным образом в ломбардском и сицилийском диалектах: *manget, vendet, dormet* (ломбард.).

Перфектная флексия первоначально была *-*sti* ¹⁶. Она засвидетельствована в парадигмах перфекта и кондиционала с начала литературной традиции и встречается во всех диалектных областях Италии: старорит. кнд. *potresti*, пф.инд. *passasti, trabagliasti* (Cielo d'Alcamo; первая половина XIII в.). результате фонетических изменений гласного или согласного компонентов первоначальной по-

казатель преобразуется в различных областях в производные варианты: *-ste* на юге Италии; *-sti* в центральных диалектах; *-ste* на юге; *-ssi* из *-sti* в результате регрессивной ассимиляции (Rohlf, 1949-54, П, § 569) или вследствие диссимиляции под влиянием постпозитивного местоимения (Meyer-Lübke, 1890-1902, П, § 269) в центральных, северных и южных диалектах; *-si* из *-ssi* на северо-востоке Италии; *-sse* из *-ssi* на юго-востоке; *-ssi* из *-ssi* в центре; *-si* из *-ssi* на севере Лацио, в Умбрии и на юге Тосканы. В ряде областей первоначальная морфема потеряла конечный гласный и претерпела дальнейшие преобразования: *-e* из *-ss* *-st* ¹⁷ в северных диалектах; *-ss* из *-ss* в умбромаркском; *-s* из *-ss* на севере Италии.

Кое-где произошла замена конечного гласного элемента флексии (ср. выше колебания *-i/ə/ø*): *-ste* в центре и на севере Италии фонетическим путем или по аналогии с 5 формой (Гарда, Оссоло, Тичино и др.); *-sto* в провинции Лукка в результате присоединения местоимения *-to* из *-tu*? (ср.: Meyer-Lübke, 1890-1902, П, § 269). Как и в случае общего окончания, встречается присоединение постпозитивного субъектного местоимения *-tu*, *-t*.

Императивная флексия сначала была **-ø* ¹⁸. Словоформы оканчивались заударными характерными гласными *-a/i/e*. Позднее фонетические изменения, утрата гласных и их аналогический перенос из одного спряжения в другое и из парадигмы настоящего времени внесли существенные коррективы, которые, однако, малосущественны для реконструкции исходных показателей.

В 3 форме общая флексия первоначально была **-t/ø* или **-(t)* ¹⁹. Морфема **-t* сохранилась в отдельных областях на юге Италии (ср. ее эквиваленты в Иберии, Галлии, Сардинии). В пограничной калабрийско-луканской зоне она удержалась в виде *-ti/tə* с присоединением парадигматического гласного: през.инд. *caditi*, *piaciti*, *trovati*, *viditi* и др. (AIS, к.1622, 1678, 1683, 1693), импф.инд. *cusiati*, инд. *caperati* "capirebbe", през.инд. *kandete*, *kustete* "costa", *venete* "vende", импф.инд. *mannabete/-avate*, *spartiiete/-iyete*, *yabete/yiyete*. В результате озвончения и спонантизации согласного флексия могла принимать вид *-di/də/ði/dē* (Lausberg, 1939, с.145-146, 152-174; Rohlf, 1949-54, П, § 529, 553; 1982, с.547).

На существование морфемы **-t* указывает также встречающееся на юге Италии (в Лукании и северной Калабрии) особое фразефонетическое явление. Если за глагольной формой следует тесно связанное с ней синтаксически слово с начальным согласным, флексия *-ti/tə* и

другие вследствие ассимиляции утрачиваются, вызывая удлинение согласного: *ténate káva* - *téne kkáva* (Lausberg, 1939, с.145-146; Rohlf, 1982).

В остальных областях произошла утрата исходной флексии, так что к началу литературной традиции 3 форма употреблялась в двух основных разновидностях: архаизм *-ti/tə* и т.п. и инновация *-ð*.

Перфектная флексия была представлена вариантами **-vi(t)/u(t)/i(t)/(t)*²⁰. Согласный элемент **-t* засвидетельствован в пограничной калабро-луканской зоне на юге Италии параллельно общей флексии с паратогическим наращением в виде *-ti/tə/di/də/ði/də*. На его существование указывает также удлинение начального согласного в следующем за глагольной формой слове. Утрата этого согласного наблюдается во всех остальных областях. Реконструкция отдельных вариантов опирается на следующие свидетельства (о сохранении *-v* см. общероманский): **-vit/it* нашли продолжение в Калабрии и Лукании в рефlekсах *-(v)iti* (с паратогой), *-(v)idi* (с озвончением зубного), *-(v)etə/(v)əðə* (с ослаблением паратогического гласного), *-(ð)etə/(ð)əðə* (с переходом *v*, *i* в *ð*, *ə*) (Lausberg, 1939, § 314, 334); **-ut* засвидетельствован только после утраты *-ti*; **-t* отразился в рефlekсах *-tə/ðə*: *fécetə*, *bóvetə* "volle", *díseetə* "disse" (Colobraro), *víppetə* "bevve" (Turri), *ðíðəðə* (Lausberg, 1939, с.166, 167, 169, 170).

Варианты без дентального согласного засвидетельствованы значительно шире: **-vi* сохраняется в староитальянских текстах (древнейшие лирические поэты, Латини, Данте); **-u* нашел продолжение в исходах *-(á)u/(í)u*, где *-á/i-* - характерные гласные (Сицилия, Калабрия, Апулия); *-á/o/ió/éo* (в результате развития *-u* в *-o* у древнейших лирических поэтов, Латини, в клоних и примикающих к ним центральных диалектах), а также в новой флексии *-ó* (из *-áo* **-áú* в центральных диалектах и литературном языке). В кампанском встречается окончание *-ávo*, образовавшееся, вероятно, из *-áo* в результате развития переходного согласного *-v*: *arriuvivo* "arriuvo", *risponnivo* "rispose" (Avellino, Rohlf, 1949-54, II, § 570).

Утрата флексии, широко распространенная во всех спряжениях, приводила к тому, что формы перфекта получали разнообразие исходов и теряли морфологическую определенность. Они оканчивались на характерный гласный *-á/i/é/e*, а на севере была возможность утраты и этих гласных. Морфологическая неясность компенсировалась в отдельных областях аналогическими заменами: *-iə* из *-i* + *e* образу-

ется в результате выравнивания показателей по I пф.инд. или общей флексии 3 формы на юге Италии (cantare, lavare, fuire, neapolitan., лукан., североапул., абруц.); -i/i из II спр. проникает в другие, давая saltí "salto", saví "серре" (Pugna), parlí, aví (Abruzzo), áppi (Sicilia); -é из III спр. переносится на другие (parlé, canté, тоскан., пьемонт., калабр. и др.) (Rohlf, 1949-54, II, § 569-574, 583).

В 4 форме общая и императивная флексии первоначально были *-mi/-mo²¹. Оба варианта широко засвидетельствованы в Италоромании: *-mi на юге, в корсиканских и отдельных лигурских говорах, *-mo в центре и на севере Италии. Оба варианта встречаются в далматинском. Они образовались из общером. *-mus в результате утраты конечного согласного и преобразования гласного элемента. Формы на -mas (Ливиньо в зоне контакта с ретороманским, през.кон. fomas "facciamo", gömas "andiamo", компромас "compriamo", Rohlf, 1949-54, II, § 558) вторичны. Они встречаются только в конъюнктиве в значении приглашения к совместному действию и содержит неэтимологический гласный элемент -a- (ср. ниже -ma и срд. -mas)²².

Первоначальные флексии дали ряд производных вариантов в результате преобразования гласного и согласного элементов: -mio из -mo - перенос -i- в формах импф.инд., например, рим. arrivatio из arrivatio (Rohlf, 1949-54, II, § 552) или присоединение местоимения io; ср. вопросительные формы dove vemio? dove andemio? (венец., у Гольдони); -me, -ne из -mo - ослабление гласного в южноитальянских областях (iereme, AIS, п.745: Ориоло) и в далматинском (blaine); -ma - аналогический -a на севере Италии (lavoma, лигур.: Оссола); -mi - аналогический гласный -i, вероятно, по местной 5 форме на -iávi (truvárišmi, AIS, к.1685: Романья, Падуя); -m из -mi/-mo - утрата гласного в североитальянских диалектах (эмилиан. lavom); -mmo/-mmi/-mme - перфектное окончание с геминатой вместо общей флексии в корсиканском, неаполитанском и кампанском диалектах (сассар. cilchemmu "cerchiamo"); -no из элидированных форм типа vedian(cí), andian(cene), andian(ne) в результате их обобщения (Rohlf, 1949-54, II, § 530; Façon, 1964, с.109-110): fasciano (Dante, De vulg.eloqu. 14); ridiano, intendiano (старосиен.); piglieno, facieno (аретин.); -ne ослабление гласного на юге Италии: candavene (Ischia); -n - обобщение элидированных форм в центре и на севере Италии или утрата конечного гласного в Далмации: andián, laschián, sián у старых тосканских поэтов.

Реконструкция перфектной флексии связана со значительными трудностями. Можно предполагать, что италороманская область имела сначала варианты *-цти/цто и *-(м)ти/(м)то из более ранних *-(v)itu/mi²³. Они отразились в следующих рефlekсах: -цте (жюно-лук. *vartéwte/-tíwte*, *facéwte/-cítwte*, *babéwte/báppíwte*, *Colobrago*, *Lausberg*, 1939, с.153, 166, 167); -ти (Апулия, Лукания, Калабрия, Сицилия, например, сицил. *appímu*, *vappímu*, *pottímu*); -то (Тоскана, Умбрия, отдельные говоры Эмилии, Ломбардии, Венеции, а также Далмация: *foíto*, *furíto*, *furto* "fumto", *Bartoli*, 1906, § 479); -тти (сицил. *durtéwtti*, *partéwtti*, *Rohlf*, 1949-54, П, § 573); -тто (центральные диалекты и литературный язык, например, старорит. *parlámto*, *credémto*, *partímto*).

Фонетические и аналогические преобразования привели к формированию вторичных разновидностей: -тэ (Лукания, Калабрия, Абруцци, южные говоры Умбрии: *mapplawéte* "pandáwto", *bowéte* "volewto"); -т (Пьемонт, Ломбардия: *haver* "awewto", *troverut* "trovawto", *Rohlf*, 1949-54, П, с.376, 378); -тте (юг и южные говоры центра, южнолукан. *mapplawéte*, *báppíwte*); -тте, -тти - обобщение конечных гласных в парадигме (апул. *awettti*, *salent.* *awítte*).

Происхождение геминаты не поддается однозначному определению, так как процесс затемнен аналогическими преобразованиями. Ясно только, что удлинение согласного возникло или под влиянием какого-либо утраченного элемента (компенсирующее удлинение) или в результате регрессивной контактной ассимиляции предшествующего согласного или полугласного. Окончание -тто могло образоваться из *-tто (< *-itu/titu/kitu/ditu) или из *-цто (< *-citu), *-кто (< *-kitu), *-дто (< *-ditu)²⁴. Существование промежуточного варианта *-цто подтверждается архаическими южнолуканскими словоформами типа *vartéwte* (см. выше).

В 5 форме общая флексия первоначально была *-tes/tis, позднее *-te(s/i)/ti(s/i)²⁵. На существование конечного *-е указывают южнолуканские-северокалабрские говоры. Здесь оба ситматических варианта вначале слились в одном -тее, который возник в результате паратагического наращивания и распространенного на юге ослабления гласных элементов, а затем дали производные рефlekсы -тсе/dze/se/ze (*Lausberg*, 1939, § 319, 334, 335; *Rohlf*, 1949-54, П, с.297-298).

Значительно сложнее проблема гласного элемента (-е-/и-?). Итальянские данные в целом так же, как и свидетельства других язы-

ков, указывают на первоначальный *-е-. Вопрос осложняется еще и тем, что в общероманском заударный *-i- рано переходит в *-е- (ранние примеры в помпейских надписях). Тем не менее некоторые италороманские факты показывают, что в отдельных областях в основе флексий 5 формы лежат прототипы с гласным элементом *-i-. К ним относятся сицилийские, корсиканские, салентинские и венецкие словоформы на -ti/di типа през.инд. *aviti*, *putiti*, *vuliti* (сицил.), фут. *puvaređi* (пров. Геллуно)²⁶; калабро-луканские формы с парогой -i *santasi*, *avisi*, *fasceni* из **kantátisi*, **avítisi*, **fascétisi*; диалектные образования с перегласовкой -é- в -i- под влиянием гласного элемента флексии *-tis; ср. сицил. *aviti*, калабро-лукан. *avisi*, неаполитан. *avite*, староломб. *aví* и др., для которых можно предполагать развитие типа **abétis* > **avítisi* > *avísi* или **abétis* > **avéti* > *avíti/avíte*, или *avíti* > **avíi* > *aví* (ср. ниже 5 импер.).

В целом италороманским областям свойственно не сохранение, а утрата конечного *-a, т.е. его переход в *-i/ø (см. с.62). Оно привело к образованию асимметрических вариантов *-ti(i)/te(i). Нотированные разновидности должны были давать *-ti. Вариант *-ti засвидетельствован в отдельных говорах (см. выше). По фонетическим причинам он рано сошел с *-te, который распространен в Италии с древнейших времен и преобладает в Далмации. Асимметрические варианты дали -di/de (венет. фут. *puvaređi*, южнорим. през.инд. *vennide* "ven te"); -tə (Умбрия, Абруцци, Кампания). Там, где произошло выпадение согласного элемента, образовались варианты -(á)í (староломб. *nascoltí* "nascoltate"); -é, -í (Пьемонт, Лигурия, Ломбардия, Венеция, Истрия, северо-западная Тоскана; староломб. през.инд. *santé*, *porté*, *lavé*, *volí*, *vaví*, *deví*). В ряде случаев из-за утраты морфологического показателя, совпадения форм или по другим причинам 5 форма присоединяла инвертированное личное местоимение *vos/voi* в энклитических разновидностях (север Италии и отдельные южные говоры, Rohlf, 1949-54, II, § 531, 551, 552, 558).

Перфектная флексия первоначально была представлена вариантами *-atis/ate²⁷. Конечный согласный засвидетельствован не вполне надежно в небольшом архаическом ареале северной Калабрии в формах типа *ivistisi* "andate", *mannastese* "mandate" (Lausberg, 1939, с.148; Rohlf, 1949-54, II, § 565). Гласный *-i- встречается в формах на -*etisi* (северокалбр.), -*eti* (у некоторых старотосканских писателей), -*ei/vi/íi* (в центре и на севере Италии). Утрата

конечного *-в приводила аналогично общей флексии к появлению асигматических разновидностей *-sti(*i*)/ste(*i*). Вариант *-ste наиболее характерен для Италии и Далмации; *-sti встречается у старых тосканских писателей и в современных тосканских говорах (Rohlfs, 1949-54, II, § 565, 566, 599).

Асигматические варианты дали ряд рефлексов, образовавшихся в результате развития согласных или гласного компонентов флексии. Изменение согласных могло идти двумя путями: -st- > -št- (переход -s- в -š- перед -t-) > -šš- (ассимиляция) > -š- (потеря длительности) или -st- > -ss- (ассимиляция) > -s- (потеря длительности). Развитие гласного состояло в частичной или полной его редукции: -i/e > -э/ø. Италороманские вторичные показатели образовались в результате сочетания разных вариантов эволюции: -šte (Умбрия), -šte (Умбрия, Абрुцци, северная Апулия), -šš/š/š*i* (Эмилия, возможно присоединение местоимения), -ste (Кампания, южная Лукания, Апулия, с присоединением местоимения), -sse, -se (Эмилия, Ломбардия, Трентино, Венеция, Неаполь), -ss (Ломбардия, с присоединением местоимения), -ssi, -si (Эмилия, Ломбардия, Венеция, Тоскана, Умбрия, Марке, Калабрия). Кроме того, в северных диалектах и отдельных южных говорах встречаются случаи присоединения инвертированного личного местоимения в энклитических формах -vo/vu/ve/vi/ve/bə/u/v/f (Lausberg, 1939, с.152, 153, 166, 169, 170, 173; Rohlfs, 1949-54, II, с.362-363, 394).

История императивных показателей 5 формы сближается с соответствующей историей общих флексий. На основании италороманских данных можно предполагать, что вначале императивные показатели в отличие от общих были *-te/ti. Позднее имело место совпадение общих и императивных флексий. Образовались сигматические варианты *-tes/tis, а после утраты конечного *-в асигматические разновидности *-te(*i*)/ti(*i*)²⁸. Италороманские данные позволяют проследить эти преобразования. Во-первых, здесь отражено древнейшее латинско-романское состояние, в котором формы императива отличались от форм других наклонений, например жнолукан. импер. mannate през.инд. mannase (Нова Сири), mannét : mannase (Колобарро), mannāat : mannatese (Нозполи) (Lausberg, 1939, § 334). Во-вторых, здесь засвидетельствовано обобщение флексий императива и показателей других наклонений (всюду в Италии и Далмации). В-третьих, неразличение флексий указывает на употребление сигматических и асигматических вариантов как в императиве, так и в других парадигмах.

Сигматические флексии в императиве отмечаются в отдельных говорах южной Лукании: *mannave/mannateva* (наряду с асигматическими) (Lausberg, 1939, с.152-153). На гласный компонент *-i- указывают южноит. формы типа *mettite, vedite, viditi, caditi* (Сицилия, Калабрия), в которых характерный -é- переходит в -í- под влиянием гласного -i- флексии (Rohlf, 1949-54, II, § 607).

Общая флексия 6 формы была *-n(t)²⁹. Вариант с дентальным согласным сохранился в маргинальных областях Италоромании: *sant sono* (Велля), *sont/eunt* (Пагузы), *suntu* (Апулия), *truvriunt* (AIS, к.1685: Ала ди Ступа, пьемонт.). В целом для Италоромании характерна утрата *-t, который не сохранился даже в зонах удержания конечных *-v и *-t. Непосредственные рефлексы первоначальной флексии - носовые варианты -n/ɤ, имеющие раннее происхождение³⁰ и засвидетельствованные на всем севере, а также в старых текстах тосканского происхождения, например: *canten/-an, pluran, venden* (Ломбардия). В долитературный период могла происходить утрата ставшего конечным -n, т.е. полная потеря флексии. Это явление отмечается во многих севернит. диалектах, проникает в центр (Марке), отчасти на юг (Абруцци) и регулярно отмечается в Далмации.

Значительные трудности для объяснения создает общая флексия с конечным гласным элементом -no/ni/ne/ve. Ясно, что она возникла или в результате сохранения архаического гласного, или из-за его аналогического присоединения, или вследствие совокупного действия обоих процессов. Для объяснения выдвигают следующие предположения: а) -no продолжает архаическую латинскую флексию -nunt (Foerster, 1898; см. об этом: Hall, 1950, с.8, прим.12); б) -no образовалось по аналогии с *sono* (Rohlf, 1949-54, II, с.298; Façon, 1964, с.110; Tekavčić, 1972, II, с.359); в) -no было прибавлено к формам после полной утраты флексии *-nt для различения 3 и 6 форм (Politzer, 1958; Tekavčić, 1972, II, с.360); г) -no образовалось из -n в силу стремления избежать окончания на согласный (Zauner, 1921, I, с.142; Бурье, 1952, § 204) или для закрепления назального элемента (Meyer-Lübke, 1927, с.181).

Анализ фактов позволяет думать, что италороманские варианты типа -no вторичны. Путь развития 6 формы связан не с -nunt, а с *-nt, которое давало -n/ɤ (**kantan/kanta*). Вариант -n получал эпентетическое наращение -o, -u (возможно также и *-a, *-i, -e; ср. сардинский) в силу овойотвенной италороманским диалектам тенденции избегать окончания на согласный. Оказавшись в граммати-

чески значимой позиции, гласный рано подвергся обобщению в отдельных областях, образовав новые варианты флексии *-no/nu/ne*, а также редуцированный рефлекс *-нэ*, который может восходить к любому из этих трех или к незасвидетельствованным **-nə/nɪ* (ср. гласные исходы перфектной флексии). Преимущественное обобщение пазвук *-o/u/ə* и вытеснение других может быть связано с установлением соответствия с перфектной флексией, где *-ron* должно было получить парагогическое наращение *-o*, давшее с соответствующими фонетическими изменениями *-u/ə*. Все эти рефлексy могли быть распространены на словоформы с нулевой морфемой, т.е. *kanta + no/nu/ne/nə*, для сохранения противопоставления 3 л.ед.ч. 3 л.мн.ч. (ср. Tekavčić, 1972, II, с.369).

Вариант *-no* широко известен в Италии; *-nu* встречается на юге в Сицилии, Калабрии, Апулии, Лукании и Умбрии, а также спорадически в Далмации; *-ne* употребляется в Апулии, а *-нэ* в Умбрии, Кампании, Лукании и Калабрии, там, где наблюдается редукция заударных конечных гласных. Окончания с долгим *-nn-* возникли из предыдущих в силу действующей в итальянских диалектах тенденции к удлинению заударных согласных (Бурсье, 1952, § 408); отсюда 6 през.инд. *hanno, vanno, stanno; hanno* и т.д.

Перфектная флексия (употребляющаяся в пф.инд., кнд. и импф. кон.) вначале была представлена вариантами **-ru(n)/ro(n)* из общесломом. **-run(t)* ³¹ аналогично общим окончаниям. Варьирование связано с утратой дентального и носового согласных в отдельных областях. Вариант **-ron* ³² засвидетельствован в староит. *foron(o)* (Данте, Тассо), *canteron, porteron* (старопьемонт.); **-ro* встречается со староитальянских времен в центре и примыкающих к центру говорах юга: староит. *venero, battero, uscìro, partìro*, кампан. *dézero, stézero* (старонеаполит.), *ritruvéro "ritrovarono"* ³³ (совр.); **-ru* отмечается на юге в Сицилии, Калабрии, Апулии, Кампании, Марке: *canteru* и т.п.

В результате частичной или полной редукции гласного эти разновидности дали *-rə* (Абруцци, Кампания, Апулия), *-r* (староит. *menor, incolinçior, rivoltor, Tressino, Sofonisba*); *-ø* (Ломбардия, Венеция, Абруцци). В последнем случае наблюдается совпадение 6 формы с 3-й и аналогическое обобщение 3-й немаркированной формы. Прочие варианты вторичны. Флексия *-rono* образовалась из *-ron* вследствие прибавления парагогического *-o*. Группа *-no* была затем перенесена на *-ro*, в результате чего оба варианта слились в одном

-rono, известном со староитальянских времен. Этой флексии соответствуют рефлексы с парагогическим повторением других гласных: -rone (Умбрия), -rini (Апулия, ср. здесь 1 -ivi, 2 -isti, 3 -ii, 4 -emii, 5 -istivi). В ряде областей с периода средних веков известна утрата первого гласного компонента флексии: -rno (Тоскана, Умбрия), -rne (Абруцци, Апулия).

Широко распространено совпадающее с общим окончание -no и его фонетические варианты. Оно присоединяется главным образом к корнеударным перфектам и может быть объяснено как результат синкопы неударного слога (<disserono> disseno/-ono) или как следствие аналогической замены перфектной флексии на общую. Флексия -no отмечается со средних веков в Тоскане, Умбрии, Марке, Эмилии, Венеции и в галлосицилийских говорах, например: dissono, corsono, tracettono (Воссассио, Decamerone); с ударением на характерном гласном: cantáno, portáno (старолукск.), portáno, manáno (галлосицил.). В других областях встречаются его фонетические разновидности: -nu (ж. Лукания, Корсика), -ne (ж. Лукания, Кампания, сев. Апулия, Абруцци); -n (старые и новые североит. диалекты).

Определенные трудности для объяснения создают варианты с долгим -nn- (ср. подобные разновидности общей флексии). Они встречаются со староитальянских времен главным образом в центре, в Тоскане и Умбрии, но проникают в отдельные северные (Болонья) и южные говоры (Калабрия), например: andonno, trovonno, principionno (флорент. просторечие), lavonno, andonno (пизан.), lavonno/-orno (ливорн.), arrivonno, andonno (Эльба), finénn "finirono", fonn, denn (болон.). Считают, что они образовались из -rno <-rono в результате утраты гласного и ассимиляции -r- (Rohlfе, 1949-54, II, с.364-367)³⁴ или возникли аналогично общей флексии в результате удлинения -n- после ударного гласного.

В салентинском диалекте (Апулия) встречается флексия -ra (sal-léra "salirono", stabeléra, esséra "uscirono"), которая может быть древней. Существует предположение, что она продолжает окончание латинского ппф.инд. -ran(t) (Rohlfе, 1949-54, II, с.357, 367; Текавџиџ, 1972, I, с.306-307; II, с.394-395). Проблема требует дополнительного изучения в связи со сходными образованиями в португальском, окситанском и румынском языках (ср. общероманский).

Анализ италороманского литературного и диалектного материала дает возможность реконструировать ареальную историю системы глагольных флексий в виде синхронных срезов до начала письменной

традиции (см. табл. 5), установить особенности ее эволюции в общероманском аспекте, уточнить представления о происхождении и развитии некоторых окончаний. Исходя из результатов реконструкции можно заключить, что италороманские флексии по отношению к другим ареалам с давних пор занимали переходное положение, а сама система носила контрастный характер. В этом регионе, рано утратившем языковое единство и диалектно расчлененном с давних времен, сохранились, с одной стороны, древнейшие черты сардинского типа, засвидетельствованные в архаических областях, реликтовых зонах и объединяющие Италию с Сардинией; с другой, на большей части территории распространялись нововведения западного и восточного типа, объединяющие ареал с Балканами, Ретией, Галлией и Иберией.

Архаические черты Италоромании совпадают с соответствующими чертами сардинского ареала, исключая 4-е формы на *-v (даже в зонах сохранения конечного *-v сигматические 4-е формы не засвидетельствованы; ср. Ретию и Галлию). Поздний италороманский этап развития отражает такие инновации, как полная утрата дентальных показателей, устранение сигматических элементов с образованием *-i/ɪ во 2 л. (как на Балканах), преобразование заударных *-u, *-i, *-e в *-o, *-e (как на западе), утрата лабиальных в перфекте, употребление асигматической 4 формы, унификация императивного показателя 2 л.мн.ч. по общему (как на Балканах и на западе).

П р и м е ч а н и я

¹ Ср., например: Nannucci, 1843; Ageo, 1964.

Наиболее существенны для нашего исследования монографии: Meyer-Lübke, 1890 (итальянский перевод 1931 г.); Zorra, 1895; D'Ovidio, Meyer-Lübke, 1904-06, I; Wiesse, 1904; 1928; Bartoli, 1906; Grandgent, 1927; Naveli, 1945; Rohlfе, 1949-54, II (см. дополнения к этой работе Franceschi, 1965); Façon, 1964; Muljačić, 1971; Tekavčić, 1972; 1980.

³ Ср.: Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.137-369; Zauner, 1921, I, § 64; Бурсе, 1952, § 417-426; Сергиевский, 1954, § 142-146; Lausberg, 1962-67, III, § 787-948.

⁴ Для сравнения с реконструируемыми окончаниями ниже приводятся "этимологические проекции" итальянских форм в вульгарную латынь, принадлежащие Г.Лаусбергу (Lausberg, 1962-67, III).

5 О фонетической стороне эволюции см., например: Бурсье, 1952, § 50, 58, 164.

6 Необходимы материалы отобранные из текстов и следующих публикаций: Bartoli, 1906; Lausberg, 1939; Rohlf, 1949-54; Hadlich, 1965.

7 У Г.Лаусберга -ø/м/о: през.кон. cántem, импф.инд. cantásem, -áva, -ávo, ппф.кон. cantásem и т.д. (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 829).

8 Исходными для през.инд. обычно считают лат. -o; ср.: cánto, vído, véndo, dórmo, vído (ibid., § 797, 869).

9 Ср.: cantái, vendái, dormíi (ibid., § 824, 894, 937).

10 Все авторы берут за основу лат. -a; ср.: през.инд. cántas, vídes, véndes, dórmes, dórmis и т.д. (ibid., § 797, 869).

11 См. различные точки зрения о фонетической стороне явления и морфологических преобразованиях: Meyer-Lübke, 1931, § 57, 203; Rohlf, 1949-54, II, § 528; Politzer, 1951; Hall, 1962; Lausberg, 1962-67, I, § 280; II, § 541-543; III, § 869; Façon, 1964, с.107; Tekavčić, 1972, I, § 256-269.

12 Безударное -а в далматинском (вельютском) чаще сохраняется (см.: Bartoli, 1906, § 343-349; Hadlich, 1965, с.74). Парадигма през.инд. регулярных глаголов обычно совпадает с през.кон. и импф.инд. Глаголы с суффиксом -ai- относятся к I спр. В формах типа dekaí утрата -а по аналогии с формами типа ваí или под итальянским влиянием.

13 В некоторых жжноит. диалектах -е явно вторично: 2 през. инд. неаполит. truove, puote, vuole, 2 през.кон. неаполит. vuoglie, puozze, абруц. rizzæ - перегласовка в основе указывает на то, что ранее на месте -е/е было -i (см.: Rohlf, 1949-54, II, § 528).

14 Принято считать, что источником аналогического распространения -i было только II спр. (Rohlf, 1949-54, II, § 528; Бурсье, 1952, § 418). Поскольку не исключено фонетическое развитие *-ew>-i, основа морфологического переноса может быть значительно расширена.

15 Одни исследователи считают, что распространение *-i* имело место в латинском языке до утраты конечного *-a* в конце эпохи Империи (например: Бурсье, 1952, § 204; Rossetti, 1964-66, I, с.129, без определенной датировки); другие предполагают обобщение *-i* после утраты *-a* (Rohlfе, 1949-54, II, § 528). Допущение об аналогическом переносе *-i* до утраты морфемы *-a* значительно менее вероятно, чем альтернативное предположение. До исчезновения показателя лица-числа обобщение характерного гласного выглядело бы как случайное, вызванное формальными причинами явление (унификация типов спряжения). После исчезновения *-a* характерные гласные попадают в сферу действия семантико-функциональных факторов, а их обобщение получает осмысленное направление - поиск морфологически ясной флексии. Ср. случаи обобщения *-e/a*, а также активизацию аналогических (морфологических) процессов после потери морфологически ясных показателей в других областях.

16 Ср.: *cantāsti, vendīsti, dormīsti* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

17 Поскольку этот показатель встречается в зоне сохранения конечного *-a* и соответствующей общей флексии, можно, кроме фонетического развития (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 269), предположить действие аналогии по общей флексии. Кроме того, не исключена возможность диссимилиации или утраты *-t* под влиянием постпозитивного местоимения после исчезновения заударного гласного (ср. 2 пф.инд. во французском, ретороманском, румынском). В любом случае наблюдается выравнивание перфектной и общей флексий и независимое параллельное развитие с французским.

18 Исходной обычно считают латинскую форму без окончания; ср.: *canta, vide, vende, dormi* (Lausberg, 1962-67, III, § 805, 872, 886, 932).

19 Ср.: *cāntat, videt, vendet, dormet* (ibid., § 797, 869).
У других авторов лат. *-t*.

20 Ср.: *cantāut, vendēit, dormīt* (ibid., § 824, 894, 937).

21 Ср.: през.инд. *cant-iāmus, vid-eāmus, vend-iāmus, dorm-iāmus*, през.кон. *cantēmus, videāmus, vendāmus, dormiāmus*, импф, инд. *cantavāmus, videbāmus, dormiebāmus* и т.д. (ibid., § 797, 802, 807, 869, 871, 873, 884, 934).

22 Г.Рольфс считает -в этимологическим, не давая никаких обоснований. Рассматриваемые формы, скорее всего, объясняются ретороманским влиянием, на что указывает также начальное g- формы gōma's, ср. *gayane*, *geyan* и др. (Descurtins, 1958, с.3 и др.). Если учесть, что конечный -в сохраняется в отдельных областях Италии, а в 4 форме не удерживается нигде, то придется признать, что утрата -в в 4 форме имеет отчасти нефонетическую природу, как в галлороманском и ретороманском ареалах (ср. общероманскую 4 форму). Может быть, следует говорить о взаимодействии фонетического и морфологического процессов.

23 Ср.: *cantāimus*, *vendēimus*, *dormīmus* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

24 Различные предположения о происхождении геминат: Meyer-Lübke, 1888, § 38; D'ovidio, Meyer-Lübke, 1888, § 89; Wiese, 1904, § 245-246; Lüdtke, 1956, с.148; Façon, 1964, с.130; Tekavčić, 1972, II, § 893; Rohlf, 1949-54, II, § 566, 568. В.Мейер-Любке относит удлинение (удвоение)-п- к вульгарнолатинскому периоду (без определенной датировки), предполагая латинские формы на *-āppus, *-īppus. Г.Лаусберг допускает прототипы с геминатой не только для итальянского и французского, но также и для испанского, португальского и окситанского. См. 4 форму в общероманском.

25 Ср.: през.инд. *cantāte*, *vidēte*, *vendēte*, *dormīte*, през.кон. *cantētis*, импф.инд. *cantavāte*, ппф.кон. *cantassētis* и т.д. (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 802, 807, 829 и др.).

26 Не исключено развитие -ti/di из *-tes через этап *-teɪ в результате утраты *-в. Ср. 2 форму в италороманском, 2 и 5 формы в балканороманском. В сицилийских и некоторых других южных диалектах возможно фонетическое изменение -в в -i (ср. Бурсье, 1952, § 403).

27 Ср.: *cantāste*, *vendīstis*, *dormīstis* (Lausberg 1962-67, III, § 824, 894, 937).

28 Ср.: *cantāte*, *vidēte*, *véndite*, *dormīte* (ibid., § 805, 872, 887, 932).

29 Ср.: през.инд. *cántan*, *vidun*, *véndun*, *dórmun*, *dórmint* и т.п. (ibid., § 797, 869).

30 Не исключено, что словоформы на -n, образовавшиеся в силу утраты *-t, получили гласное наращение, а позднее на севере утратили его вновь в связи с исчезновением конечных гласных. Сохранившиеся словоформы могут быть как результатом утраты дентального, так и следствием поздней потери гласного.

31 Ср.: *cantárun, vendéferunt, dormírun* (Lauberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

32 Не может быть исключено развитие -gon из -gono, также встречающегося в старорит. текстах.

33 Однозначного соответствия между сильными формами и флексией -go в старорит. текстах нет.

34 Основное возражение против этого предположения - в Тоскане и других соответствующих диалектах группа -gn- сохраняется: *carne, indarno* "тщета", *Arno, inferno, inverno, corno, forno, turno* и т.п. (Tekavčić, 1972, II, с.396-397).

Глава пятая

БАЛКАНОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Истории глагольной морфологии балканороманских диалектов посвящено несколько специальных исследований¹, но основной круг вопросов ставится и решается в исторических грамматиках румынского и молдавского языков² и в сравнительных грамматиках романских языков³. В отличие от других областей, специалистами по румынскому языку еще в начале XX в. была поставлена задача реконструкции "прарумынского", или "общерумынского", состояния⁴. Тем не менее в соответствии со сложившейся в романском языкознании традицией для объяснения особенностей глагольной системы исследователи, как и всюду, берут за основу классическое латинское состояние, дополняя его вульгарнолатинскими свидетельствами, а реконструкция "общерумынского" сводится к констатации общих дакорумынских и арумынских инноваций, причем основное внимание сосредоточено на фонетических чертах, а морфология занимает незначительное место⁵. В результате составить полное представление о том, как выглядела

балканороманская глагольная система на различных этапах эволюции до начала письменной традиции исходя из существующих исследований, невозможно. Отдельные реконструкции в сочетании с латинскими фактами дают противоречивую, хронологически неопределенную картину ⁶.

Сопоставительное изучение балканороманских данных с учетом италороманских и латинских свидетельств позволяет реконструировать систему балканороманских глагольных окончаний в двух состояниях (см. табл. 6): раннем (II-III вв.), смыкающимся с италороманским и восходящим к общероманским временам, и позднем (IV-V вв.), обусловленным развитием конечных *-a, *-t и заударных гласных ⁷. Позднейшие состояния, отчасти соответствующие "общерумынскому" Пушкарю-Росетта (с VII в.) ⁸, имеют для общероманской реконструкции глагольной морфологии второстепенное значение, поскольку отражают, главным образом, собственно балканские нововведения.

В I форме общая флексия первоначально была *-ø ⁹. Такое состояние сохранилось в старом и современном румынском в большинстве парадигм ¹⁰. Презенс индикатива имел особую флексию *-u ¹¹, которая засвидетельствована в старорум. *schetu, gădăcu, rogu, suposu*. Она образовалась из общером. *-o в первые века новой эры в связи со свойственной Галлиям фонетической эволюцией *o* в *u* (ср. *corriga, cil, ill, 3507*; Бурсье, 1952, § 164). Сосуществование двух флексий вызвало их соперничество и взаимозамены. Показатель -u распространился на другие парадигмы: през.кон. *fiu "eiu", xiu "id."* (арум.), *adău, fa vău*, кид. *intraru* (вместо *intrare*), *acu/aci* (вспомогательный глагол аналитического кид.). Позднее с утратой -u (XV-XVII вв.) нулевой показатель распространился на през.инд.

В I форме встречается аналогическое окончание -tu > -m. Оно было перенесено сюда из 4 формы в долитературный период вначале на глагол *a avea* (старорум. *atu*, позднее *am*) ¹², а в XVII в. ¹³ на импф. *cântam(u)*, кид. *cântarim(u)*, ппф. *cântăuam(u)*, возможно, под влиянием *am(u)*. В мегленорумынском глаголы с опорным -u получают окончание -m (*aflm, veglm, antrm*, ср. арум. *aflu, aveglu, intru*, дакорум. *aflu, vezhez, intru*) под влиянием болгарского (Saragiu Marioteanu et al., 1977, с.207).

Перфектная флексия первоначально была *-i/i ¹⁴. В литературное время она получила наращение -u по типу общего окончания, так что старорумынские тексты сохраняют только аналогические показатели -iu/iu *mediu "dădui", feciu, cântăiu, tăciui*.

Таблица 6
Балканороманские флексии по итогам реконструкции

Формы	Балканороманские прототипы		Балканороманские свидетельства	
	ранние (II-III вв.)	поздние (IV-V вв.)	исходные	производные
Общие флексии				
1	*ø, (*o)	*ø, (*u)	ø, (u)	m(u), u, (ø)
2	*a	*i, *i	i, i	('i), u, e, ð
3	*(t)	*ø	ø, (te)	
4	*mu	*mu	mu	m, n
5	*tes, *tis	*ti	tsi	ts
6	*(nt)	*ø	ø, (nt(u))	u
Перфектные флексии				
1	*i	*i, *i	iu, iu	u, i
2	*sti	*s(t)i, *ði	ði	ðu, ð'
3	*(t)	*ø	ø	rə
4	*mu	*mu	mu	m, rəm(u)
5	*stes, *stis	*(s)tu	tu	t, rəts(i)
6	*ru(nt)	*ru, *ra, *re	ru, r(ə), re	
Императивные флексии				
2	*ø	*ø	ø	i, u
4	*mu	*mu	mu	m, n
5	*tes, *tis	*ti	tsi	ts

В сильных словоформах *-i* полностью вытесняет этимологический *-i*, который исчезает после палатализации *-a-* в *-ă-*: *dușei* "душ", *înțeleși*, *scriși*. Позднее вследствие фонетической утраты конечного *-i* румынский перфект восстановил первоначальную флексию: старорум. *aflai/aflăi*, *luai/luăi*, оовр.рум. *cîntai*, *dormii*, *văzuî*, ср. совр.млд. кынтай, дормий, везуй и т.д.

Общая флексия 2 формы первоначально была **-i/i* (из **-a*) 15. Она засвидетельствована в старых румынских и молдавских текстах во всех парадигмах. Раннее состояние в балканороманском материале не отражено, поэтому однозначно восстановить путь развития от общероманского **-a* к балканороманскому показателю трудно. Ясно только, что *-i* не может быть этимологическим во всех словоформах. Он возник фонетическим путем в части словоформ и был распространен позднее на все соответствующие формы. Обычно считают, что балканороманская (и италороманская) морфема *-i* продолжает характерный гласный II спр., который после утраты **-a* стал восприниматься как флексия 2 формы и был перенесен по аналогии на другие спряжения: *dormii-в dorm-i*, а затем *vend-i*, *kant-i*. Начало преобразования датируют концом эпохи Империи и локализуют в Италии 16.

Сопоставление итало- и балканороманских данных позволяет предположить следующий путь развития общероманских окончаний (ср. с.61-64): **-av > *-aî > *-e/a*, **-is > *-iî > -i*, **-ev > *-ei > -i/*e*. Показатель **-i/i* как наиболее употребительный и морфологически отчетливый был обобщен на все словоформы. При этом нельзя исключить влияние системных факторов: тождество 3-х и 1-х форм, которое влекло выравнивание 2-х форм, необходимость различения 2-х и 3-х форм в I спр., влияние 2 импер. *-i*, 2 пф.инд. *-si* и воздействие показателя 5 *-îi*.

В старорумынских текстах встречается колебание в графическом обозначении показателя *-i/i*, которое связано с его фонетической утратой: *-î/e* вместо *-i* (то же в перфекте и императиве; см. Mougin, 1962, с.28, 166). В мегленорумынском употребляется особое окончание *-ș*, заимствованное из славянских языков: *aflîș*, *vegîș*, *antrîș* (Saragiu Marioțeanu et al., 1977, с.207).

Перфектная флексия была **-îi* 17. Она засвидетельствована в таком виде в старых текстах: *vestîși*, *prêvestîși*, *vădzuși* 18; соответствует центральноит. *-îi* (ср. фр., рет., ит.) и восходит к общером. **-ati* через этапы *-ăti > -ăîi > -îi* или *-ssi > -ăîi > -îi*, или *-ssi > -si > -îi*, которые восстанавливаются главным образом из италороманского материала (с.64-65).

Чисто фонетическое объяснение в пределах балканороманских данных наталкивается на ряд трудностей. Наиболее существенная из них — сохранение группы *-āt- < -at-* в некоторых словоформах: *triṣti*, *oṣti* (сущ. мн.ч.), *guṣti* (2 през.инд.); см., например, фонетическое толкование и возражения против него (Tiktin, 1905, § 130). Поэтому выдвигаются дополнительные предположения: а) *-ṣi* образовалось из *-ṣti* в результате диссимилиации в инвертированной последовательности **cīntaṣti-tu > cīntaṣi-ṭu* (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 267; см. также Rosetti, 1964-66, I, с.131). Сходное объяснение предлагается для фр., рет. и ит. *-e*, где инвертированная последовательность может употребляться в повествовательных структурах; б) *-ṣi* продолжает окончание старого ппф.кон., т.е. *cīnta-ṣi* из *cantassēs* (Proscopovici, 1928; Densusianu, 1961, § 72; Rosetti, 1978, с.154) в связи с объединением перфектных парадигм (об этом ниже); в) *-ṣi* могло образоваться из *-ati* перед гласным следующего слова, а затем было обобщено на все позиции; ср. **āstīu >* рум. *iaṣi*, ит. *uscio*, рет. *esch*; **fāskīa >* рум. *faṣi*, ит. *fascia* (Lauhsberg, 1962-67, II, § 455).

Императивная флексия отличается от общей. Вначале она была представлена нулем¹⁹. В старорумынских текстах словоформы оканчивались характерным гласным: *botezā*, *dormi*, *surgește* и т.п. Характерный *-i* во II спр. в виду его совпадения с общей флексией и гласным исходом перфектной флексии стал восприниматься как показатель 2 формы и переносился отчасти на другие спряжения. В старых текстах встречается графический вариант *-u* вместо *-i*: *eṣu/eṣi* (Mougin, 1962, с.28).

Общая флексия 3 формы представлена на Балканах нулем во всех парадигмах, поэтому первоначально в исходе словоформ стояли показатели времени-наклонения, характерные гласные *-a/e* или, из-за их утраты у отдельных глаголов, элементы основы. Балканороманский **-a*²⁰ — результат ранней фонетической утраты конечного общером. **-(t)*. На Балканах он сохранился только в полной форме 3 през.инд. глагола "быть": (i)*este* (дакорум.), *iaste* (арум.), *este/(h)esti* (млд.). Согласный *-t* сохранился в проклитике перед гласным следующего слова и был обобщен с парagogическим наращением *-e* (Lauhsberg, 1962-67, II, § 557; млд.диал. *-и* вторично). Сходные формы встречаются в Италии (*este*, *uṣte*) и в Далмации (*este*). В дальнейшем форма *este* удержалась потому, что сблизилась с суффиксальными образованиями II спряжения типа *primește*, как на это указывает 2 през.инд. *eṣti*, переоформленная по 2 през.инд. *primeṣti*²¹.

Перфектная флексия не отличалась от общей: балканором. *-*ŋ* из общером. *-(t) ²²: старорум. *cântă, dormi, tăcu, înce, fu*. С ХУП в. известны формы на -*ră*, образованные по аналогии с 6 -*ră* и совпадающие с этими последними.

В 4 форме общая и императивная флексии реконструируются в виде *-*mi* ²³. Они засвидетельствованы в старых текстах во всех соответствующих парадигмах, например: през.инд. *grăimă, priimimă, întoarce-mi* и т.д. Флексия *-*mi* образовалась из общером. *-*mis* в результате характерного для Италии и Балкан раннего исчезновения конечного *-*a* (Бурсье, 1952, § 58). Значительно позднее в ХУ-ХУП вв. произошла утрата гласного компонента, которая привела к образованию -*m*.

В истороруминском распространено окончание -*n* из -*m*: през.инд. *rugă, țien, merzen, avzin*, импф.инд. *rugăian, cadeian, trazeian, avzian* (Caragiu Marioțeanu et al., 1977, с.224).

Первоначальная перфектная флексия не отличалась от общей: -*mi* -*m* (из общером. *-*mis*) ²⁴; ср. старорум. *aflăm, intrăm, dzisem, fum*. С ХУП в. в текстах появляются словоформы на -*ram* (одно- временно с 3 -*ră*, 5 -*răți*). Они образовались в результате выравнивания 3 и 6 форм, а также распространения -*ră*- из 6 формы на всю парадигму перфекта: *cântarăm, dormirăm*. То же явление в рет., окс., кат., ит. Арумынский и мегленорумынский сохранили этимологические формы без -*ră*:- *cîntăm, cîntatu, cîntări* (арум.); ср. дакорум. *cîntarăm, cîntarăți, cîntară*, млд. кынтарэм, кынтарэць, кынтарэ.

В 5 форме общая и императивная флексии засвидетельствованы с древнейших времен в виде -*ți*: през.инд. *cîntați, ascultați, seți* "cînteți" и т.п. Принято считать, что рум. -*ți* непосредственно продолжает лат. -*tis* (Zauner, 1921, I, § 64; Сергиевский, 1954, § 233; Бурсье, 1952, § 474; Lausberg, 1962-67, III, § 797) ²⁵. Если исходить из романских фактов и того, что общероманский показатель был представлен двумя вариантами (*-*tes/tis*), а утрата конечного *-*a* могла происходить двумя путями: бесследная утрата или утрата с выделением *i* (ср. с.62, 69, 81, а также Lausberg, 1962-67, II, § 542), то мы получим следующие теоретические пути развития флексий на балканской почве: 1) исходный *-*tis* и бесследная утрата *-*a*, *-*tis* > *-*ti* > *-*te* (заударные *i/e/ε* дают *e*, т.е. общером. **uénit* > рум. *vine*); формы на *-*te* в румынском и молдавском не встречаются; 2) исходный *-*tis* и утрата *-*a* с выделением *-*i*,

*-tis > *-tii > *-ti > *-tsi или *-tis > *-tes > *-tei > *-ti > *-tsi; такое развитие отмечается только в 5-х формах глаголов; 3) исходный *-tes и бесследная утрата *-s, *-tes > *-te; в румынском и молдавском не встречается; 4) исходный *-tes и утрата *-s с выделением *-i, *-tes > *-tei > *-ti > *-tsi; ср. *montes, dentes, postes* > рум. *munți, dinți, porți* и т.п. Все примеры такого типа — оуществительные во множественном числе, окончание которых могло подвергнуться аналогическому преобразованию.

Если взять за основу развитие типа I и 3, то можно признать нефонетический характер -i. Если же признать достоверными пункты 2 и 4, то -i получит фонетический характер. В любом случае исходная флексия для Галкан остается неопределенной, а проблема в целом требует дополнительного изучения.

В старорумынском употреблялась особая перфектная флексия -tu -ti; пф.инд. *cântatu*, ппф.инд. *cântaветu*, кнд. *cântaretu/-ritu* (арум.), позднее *cântat* и т.д. Ее происхождение неясно, так как регулярное развитие из общером. *-atis/-stea дало бы в румынском *-eti. Происхождение гласного элемента убедительно объяснил В.Мейер-Любке, предположив, что -и в 5 форме появилось по аналогии с 4 и 6 формами (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 267). Добавим, что это преобразование произошло сравнительно рано, до палатализации -at- в -ât-, и до замены 6 *-gu(n) на *-ga(n), но, вероятно, после утраты конечных согласных. Не исключено, что определенную роль в аналогическом преобразовании перфектной флексии 5 формы в отличие от общей сыграло стремление избежать совпадения 2 и 5 форм (*-ati), тогда как общим и императивным показателям неатриализация не грозила (2 *-i, 5 *-ti/tai) ²⁶.

По поводу согласного элемента В.Мейер-Любке предположил, что -t- развивается из -at- вследствие диссимиляции -s-, которая могла иметь место в сигматических перфектах (*-neatu > *-netu); затем *-tu вместо *-atu была перенесена на другие перфекты по аналогии с исходами 4 и 6 форм, где между характерным и конечным гласными стоял только один согласный: 4 *-etu, 6 *-aru, откуда 5 *-atu вместо *-astu (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 267). Другие романисты принимают это объяснение с небольшими дополнениями и изменениями: *dixistis* > *ziseate (регулярное фонетическое развитие ²⁷) *ziate > *ziste (синкопа -e-, слияние -se-) > zisetu (интеркаляция -e- и замена конечного -s на -u по аналогии с 4 *zisetu*) ²⁸. Недостаток этого объяснения в его излишней усложненности: фонетическое раз-

витие ограничено целым рядом допущений *ad hoc*, которые снижают вероятность такого развития.

Существуют и другие предположения. Окончание *-at(u)* в пф.инд. образовалось по аналогии со сложным перфектом *ați laudat(u)*; замена была поддержана пф.инд., который получил общую флексию вместо перфектной: **cântați < *cantatis* вместо **canta(vi)atis* (Proscopovici, 1928, с.36, 45, 46; см. также Denysvianu, 1961, II, § 72; Rosetti, 1964-66, I, с.131). Если предположение о переносе исхода пассивного причастия на 5 форму маловероятно, поскольку причастие имеет одинаковый исход во всех лицах и его ассоциация именно с 5 формой ничем не оправдана, то допущение о существовании пф.инд. с общим окончанием вполне реально. Именно в нем и нужно искать объяснение особому румынскому показателю.

На Балканах, как и в Реторомании, наблюдается тенденция к выравниванию показателей в группах парадигм и унификация этих последних. Здесь сравнительно рано образовалась группа перфектных времен в составе пф.инд. (**kântăți*), ппф.инд. (**kântărea*), ппф.кон. (**kântăreae*), пф.кон. (**kântăre*), фут.П (**kântăro/-re*), импф.кон. (**kântăre*). Все они, кроме перфекта, получали общие флексии, так что пф.инд. сразу оказался в оппозиции ко всем остальным временам в 1-2, 5-6 формах. Ппф.инд., утратив значение предшествования (как в старофранцузском), функционально совпал с пф.инд., а его место занял ппф.кон., потерявший модальный компонент значения (см. ниже о переносе *-ă/-e* и о 6 форме). Пф.кон., фут.П и импф.кон. унифицировались формально, а затем функционально. Показатель *-re* этих времен объединял их с ппф.инд. (в старорумынском наблюдается чередование *-ă/e*), а значит с пф.инд. и ппф.кон. Все это дает достаточно оснований для предположения о взаимном переносе показателей в этих парадигмах. Не исключено, что существовали 5-е формы как с перфектной, так и с общей флексией, т.е. пф.инд. (из пф.инд. и ппф.инд.) **kântăți/-ăți/-răți/-răști*, ппф.инд. (из ппф.кон.) **kântăreăți/-ăți*, кнд. (из пф.кон., фут.П, импф.кон.) **kântăreăți/-răști* ²⁹.

В целом анализ материала показывает, что балканором. *-tu* образовался или из перфектного показателя **-ăți* в результате диссимилиации *-ă-* (в сигматических перфектах или в формах типа **kântăreăți* и аналогии по *-ătu*, *-ăci* или из общей флексии в результате действия аналогии. Элемент *-t-* мог быть перенесен из 5 през.инд. до его палатализации перед следующим гласным ³⁰.

Наряду с *-tu* в старом и современном румынском употребляется показатель *-răți* (ср. млд. *-rēņi*). Поскольку он появляется не ранее ХУП в. (Бурсье, 1952, § 479), т.е. позднее форм без этого элемента, его принято считать аналогическим по *6 -ră* (Tiktin, 1888, § 26; Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 267; Zauner, 1921, I, с.147; Сергиевский, 1954, § 236; Densușianu, 1961, II, § 72).

Общая флексия 6 формы первоначально была **-ǝ*³¹ и совпадала с показателями 1 и 3 форм, например: през.инд. *sîntă*, *potu* (старорум.), *țiru*, *megu*, *zicu*, *dormu* (совр.исторум.), *dorm*, *unes*, *văd* (совр.рум.), *кынтэ*, *дорм*, *вэд*, *рыд* (совр.млд.). Нулевой показатель продолжает общером.**-nt*, который сохранился только в полных вариантах 6 формы глагола "быть": *eunt(u)*, *sînt(u)* наряду с *э(u)* (старорум.), *euntu* (арум.), *sînt* (совр.рум.), *синт* (совр.млд.). Полные варианты возникли, вероятно, в предвокальной позиции, а затем были обобщены, поскольку воспринимались как морфологически неразложимая основа. Морфологическая неразложимость повлекла аналогическое присоединение *-u* в 6 форме (*euntu/sîntu*), перенос *sînt* в 1 форму (наряду с другими факторами), образование новых 4 и 5 форм от основы *sînt* (*sîntem*, *sînteți*).

Реконструкция перфектных флексий сложна. В румынском засвидетельствованы варианты *-ră* (ст. и совр.), реже *-re*, иногда *-ru*, *-r* (только в старорум.), например: *adurără*, *argopiară*, *jurare*, *tăcure*, *dormire*, *încredințare-se*, *lăudare-se*, *vineră*, *vădzură*, *sugetar*, *lerădar*. Для наиболее распространенного варианта *-ră* предполагают следующие объяснения: а) *-ră* заменило *-r(u)* вначале в I спр. в результате ассимиляции конечного по характерному гласному, а затем было перенесено на другие спряжения (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 267); б) *-ră* заменило *-r(u)* под влиянием 3 пф. инд. *-ă* (Densușianu, 1961, II, § 72); в) *-ră* воспроизводит окончание старого пф.инд. **-rant* (Proscopovici, 1922, с.II, 29; Rossetti, 1964-66, I, с.131). В любом случае румынскому *-ră* предшествовал более ранний показатель **-ru* (из **-ru(nt)*). Такая морфема изредка встречается в старорумынских текстах, но она считается графическим вариантом *-ră*, поскольку случаи написания *-ă* вместо *-ă* и наоборот за пределами рассматриваемой флексии нередки. Несмотря на возможность графической замены, реальность существования *-ru* как архаического вытесняемого варианта, наряду с **-ra/-ră*, не исключена. Показатель *-r* возник в результате утраты гласного, скорее *-u*, чем *-ă*.

Старорум. -re объясняется несколькими способами: а) скрещение лат. -ēre X -ērunt (Tiktin, 1905, § 246-250); предполагается существование прототипов *-(e)re, *-(e)ren, *-(e)rent; б) ассимиляция конечного гласного к гласному частицы -ae, т.е. lāudatā-ae > lāudare-ae (Dobrovicianu, 1961, II, § 72); в) влияние других парадигм, а именно: кнд. на -re, ппф. на -ae и т.п.; г) графическое влияние, поскольку в старых текстах встречается колебание написаний ā/ē.

Сопоставление балканороманских фактов не позволяет прийти к однозначным выводам относительно исходных флексий 6 формы. Можно предполагать, что в долитературное время на Балканах были в ходу три варианта *-ru/re/ra, восходящих соответственно к *-ru(nt)/re(nt)/ra(nt)³². Две первые модификации оказались в положении архаизмов и были вытеснены третьей из-за особенностей местного развития (выравнивание форм 3 л.ед. и мн.ч.). Проблема требует дополнительного изучения.

Таким образом, опираясь на сравнительный анализ достаточно полного материала, можно реконструировать ареальную историю системы глагольных окончаний в виде последовательности синхронных срезов (см. табл. 6), выявить своеобразие ее эволюции в общероманской перспективе, уточнить предположения о происхождении и развитии некоторых глагольных окончаний. Результаты реконструкции показывают, что в балканороманской системе глагольных флексий с давних времен преобладали новообразования и, как в Ретии, прослеживалась тенденция к выравниванию парадигм и рядов окончаний. Восходя к первоначальной системе италороманского типа и сохраняя один существенный архаизм (заударные *-u, *-i), она в основном продолжает италороманские инновации: устранение дентальных и сигматических показателей с образованием *-i/ɨ в 2 л. ед. и мн. ч., утрата лабиальных в перфекте, устранение 4-5 сигматических форм, унификация императивного и общего окончаний 2 л.мн.ч. К этим изменениям позднее прибавляется снижение своеобразия перфектных форм из-за выравнивания их показателей по общим окончаниям и другие аналогические перестройки.

П р и м е ч а н и я

I Наиболее значительные специальные исследования: Morariu, 1924-28; Procopovici, 1928; Lombard, 1954-55.

² См., например: Manliu, 1894; Densusianu, 1901-38; 1961; Tiktin, 1905; Rothe, 1957; Rosetti, 1964-66; Stan, 1977; Du Nay, 1977; Ivănescu, 1980; Coteanu, 1981. О молдавской морфологии: Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1964; Мелник, 1977.

³ Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.137-369; Zauner, 1921, I, § 64; Бурсье, 1952, § 473-481; Саргиевский, 1954, § 232-242; Lausberg, 1962-67, III, § 787-948.

⁴ Задача реконструкции впервые сформулирована С.Пушкарю (Pușcariu, 1910; французский перевод Pușcariu, 1937, с.64-120). Обзор литературы, основные проблемы и отдельные реконструкции см.: Rosetti, 1964-66, IV (первое издание вышло в 1941 г.). Реконструируемое прасостояние называют: Urrumänisch, roumain primitif (Pușcariu, 1910; 1937), străromân, român primitiv/comun, româna comună (Rosetti, 1964-66, IV, с.27).

⁵ Например, у А.Росетти (Rosetti, 1964-66, IV): фонетика (с.37-66), морфология (с.67-71), синтаксис (с.71-72).

⁶ См. далее "этимологические проекции" Г.Лаусберга (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и след.) и отдельные реконструкции других авторов.

⁷ О фонетической стороне эволюции см., например: Бурсье, 1952, § 50, 58, 164.

⁸ Определение, датировка и характеристика "общерумынского" даются у Rosetti (1964-67, IV, с.27-36).

⁹ Ср. у Г.Лаусберга -ø/м: през.кон. cântem, импф.инд. cantăva, пф.кон. и фт.п cantărim (-ăro), ппф.кон. cantăsse (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 827, 829).

¹⁰ Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: Lombard, 1954-55; Mourin, 1962; КГИИМ, 1964; Репина, 1968; Лухт, 1970; Мелник, 1977; Caragiu Marioțeanu et al., 1977.

¹¹ Ср.: cânto, vîdio, vîdo, vîndio, vîndo, dormo (Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869).

¹² Некоторые исследователи постулируют влияние албанского как "я имею" (см. об этом: Бурсье, 1952, § 478). Предполагать албанское воздействие необязательно. Обобщение I формы по 4-й встреча-

ется в романских языках как изоморфное явление, например во французском просторечии (j'avons), в сардинском имперфекте и в североитальянских диалектах. О происхождении I импф.инд. см.: Tiktin, 1905, § 245; Densusianu, 1961, II, § 71; Rosetti, 1964-66, I, с.130.

13 Датировка опирается на свидетельства старых текстов. Ср. также Densusianu, 1901-38, II, с.213; Бурсье, 1952, § 476.

14 Ср.: *cantái, vendéi, dormíi* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

15 Исходным окончанием обычно считают лат. -*es*; ср. *cántas, vides, vénde, dórmes* и т.д. (ibid., § 797, 869).

16 См., например: Бурсье, 1952, § 204; Rosetti, 1964-66, I, с.129. Обычно указывают, что выравнивание III спр. по II спр. произошло из-за тождества исходов 3-х форм, а перенос -*i* в I спр. обусловлен совпадением окончания I формы всех спряжений.

17 Ср.: *cantásti + Vokal, vendísti, dormísti + Vokal* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937).

18 Старорум. -*eu* (ивигу "iviş1") - графический вариант (Moulin, 1962, с.164).

19 Исходными обычно считают латинские формы императива без окончания; ср. *cánta, vide, vénde, dórmí* (Lausberg, 1962-67, III, § 805, 872, 886, 932).

20 Ср.: през.инд. *cántat, videt, véndet, dórmes* и т.д. (ibid., § 797, 869).

21 Регулярна в фонетическом отношении известная со старорумынского времени форма *e* из **ei* < **es* < **est*; ср. млд.лит. *e/ий/-й*, млд.диал. *ий/-й/ис/-о* (закарпатские варианты, Мелник, 1977, с.99). Ср. в этой связи исп., кат., окс., ит. формы. См. также: Бурсье, 1952, § 478; Lausberg, 1962-67, II, § 557.

22 Ср.: *cantát, vendéit, dormíit* (ibid., § 824, 894, 937).

23 Ср.: *cantámus, vidémus, véndimus, dormímus* и т.д. (ibid., § 797, 869).

24 Ср.: *cantáramus, vendéimus, dormíramus* (ibid., § 824, 894, 937).

25 Например, у Г.Лаусберга: през.инд. *cantátis, vidétis, vén-*

ditis, dormitis, импер. cantátis и т.д. как в индикативе (ibid., § 797, 805, 869 и др.).

26 Дифференциация перфектных показателей шла в двух направлениях одновременно, т.е. во 2 и 5 формах. Ср. нерегулярное развитие 2 пф.инд. общером. *-sti > рум. -ei.

27 Окончание *-stis может дать на Балканах *-ste (бесследная утрата *-s) или *-sti (из *-stei/stii, утрата *-s с выделением *-i); см. с.83.

28 См.: Densusianu, 1961, II, § 72. Иногда ziset(u) объясняют исходя из аналогической латинской формы *dixitus (гипотеза А.Граура, о которой см. Rosetti, 1964-66, I, с.131).

29 Если предположение о функциональном и формальном совмещении парадигм верно, то повышается вероятность гипотезы А.Прокоповича о происхождении 2 пф.инд. -ei из 2 пф.кон. -esse (см. с.82).

30 Ср.: cantáratís, vendístis, dormirátis (Lausberg, 1962-67, § 824, 894, 937).

31 Ср.: през.инд. cántan, vídun, véndun, dórmun, през.кон. cántent, импф.кон. cantávun, пф.кон. и фут.П cantárint, ппф.кон. cantássent и т.д. (ibid., § 797, 802, 807, 827, 829, 869 и др.).

32 Ср.: cantáran, vendégerunt, dormírant (ibid., § 824, 894, 937).

Глава шестая

САРДОРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Глагольная морфология сардинских диалектов изучена слабо. Немногочисленные исследования ¹ и сравнительные грамматики романских языков ² не охватывают всего круга генетических проблем, а некоторые монографии, содержащие описания глагольных систем, не дают исторического материала ³. Задача реконструкции протосардинской глагольной системы, как и систем других ареалов, не ставилась. Для диахронических объяснений используется классическая латинская система, дополняемая вульгарнолатинскими свидетельствами и отдельными гипотезами, которые в совокупности создают системно противо-

речивую и хронологически неоднородную картину ⁴. Существующие исследования не дают ответа на вопрос о том, как выглядела протосардинская система глагольных окончаний и чем она отличалась от других ареальных систем.

Сравнительный анализ сардинских диалектов с привлечением италороманских и латинских данных позволяет реконструировать сардороманскую систему глагольных окончаний, условно датируемую IV-V вв. (см. табл. 7). Реконструкция других синхронных срезов для Сардинии не имеет смысла, поскольку ряды флексий не претерпели в дальнейшем заметных преобразований. Перестройки, происходившие позднее, связаны с территориальной дифференциацией и относятся к истории отдельных диалектов.

Изучение сардороманских данных ⁵ показывает, что общая флексия I формы первоначально была *-Ø ⁶. Она засвидетельствована со старосардинских времен: през.кон. *kante*, *venda*, импф.инд. *kantava* (старолог.), *kanta(b)a* (старокамп.), импф.кон. *kantare*, *dormire*, *vendere* (старолог.), *kantessi*, *dormessi*, *vendessi* (камп.). В през.инд. первоначально было *-o ⁷. Оно сохранилось в центральной Сардинии и перешло в -u на юге: *kanto*, *dormo*, *bendo* (лог.), *kantu* и т.п. (камп.). Прочие показатели вторичны: -o проникает в през.кон. (лог.: Сеннори) и в импф. (Битти, Нуоро), окончание -mu в импф. формируется из 4 *-mus (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 261; Wagner, 1938-39, § 107), как в румынском (с.79).

Перфектная флексия сначала была *-(v)i ⁸. Она засвидетельствована в старолог. в I спр. обычно в виде -i, иногда -vi (*andavi e llevaindela*, *Condaghe di S. Pietro di Silki* 43), во II спр. всегда в виде -vi. Старокамп. тексты дают -i или -Ø как результат слияния -i с предыдущим гласным, т.е. *-ái > *-éi > -é, *-fi > -í (Wagner, 1938-39, § 129, прим. I). В совр.камп., где сохранились старые перфекты, всюду -i. Об общероманской проблеме согласного -v/у- (то же для 3-4 форм) см. гл. VII.

Во 2 форме общая флексия была *-s ⁹. Она засвидетельствована во всех соответствующих парадигмах в старосардинском и новых диалектах: *kantas*, *kantes*, *kantabas* и т.д. В некоторых современных говорах -s получает паратогическое наращение (-sa/si/se) и подвергается озвончению (-za/zi/ze). В камп. и северолог. импф. встречаются перфектные морфемы -sta/sti, потеснившие общую флексию из-за сближения и формального обобщения показателей прошедшего времени в отличие от настоящего. Они могут быть результатом

Таблица 7
Сардороманские флексии по итогам реконструкции

Формы	Сардороманские прототипы (IY-У вв.)	Сардороманские свидетельства	
		исходные	производные
О б щ и е ф л е к с и и			
1	*ø, (*o)	ø, (o)	o, mu, (u)
2	*a	a	aa, si, ae, za, zi, ze, sta, sti
3	*t	t	ta, ti, te, da, di, de, ða, ði, ðe
4	*mus	mus	us, (m)uzu, moe, mas, mis, stus
5	*tes, *tis	tes	des, ðes, dzes, dżes, dzeze, es, eze ðis, dzis, is, zi, das, dzas, stis
6	*n(t)	n(t)	nta, ntu, na, ni, ne, no, nis, ntis
П е р ф е к т н ы е ф л е к с и и			
1	*(v)i	(v)i	i
2	*sti	sti	tti, s, is, za, zi
3	*(v)it, *t	(v)it, t	ði, ði, zit
4	*(v)imus, *mus	(v)imus, mus	mis, rus
5	*(i)stis	(i)stis	(i)dzis, dżis, dzizi, dzes
6	*run(t)	run(t)	in(t), (i)ni, na, sint, zint, zini
И м п е р а т и в н ы е ф л е к с и и			
2	*ø	ø	
4	*mus	mus	us, (m)uzu, moe, mas, mis
5	*te, *ti	te, i	de, ðe, e

первичной или вторичной аналогии, т.е. следствием прямого переноса показателей перфекта на 2 форму имперфекта или распространенного в сардинских диалектах переоформления 2 формы имперфекта по 5-й, предварительно получившей перфектную морфему (см. 5 форму и обсуждение: Wagner, 1938-39, § 114).

Перфектная флексия первоначально была *-sti¹⁰: *kantasti*, *podesti* (ст. и совр.лог.). Другие варианты позднего происхождения. Северолог. -tti (*kantetti*, *vendetti*, *bidetti*, *futti*, *detti* и т.п. AIS, п.923, к.1700) могут быть фонетическими из *-sti или аналогическими (сходное явление в ит., окс., рет.). Показатели -s/is/za/zi – результат распространения общих флексий на перфект в связи с унификацией окончаний импф. и пф. или из-за выравнивания 2 формы по 1 и 3: 1 пф.инд. -ai, 3 -ait, откуда 2 -a + is (*kantais*).

Императивная флексия в протосардинском была *-ø¹¹. Это следует из ст. и совр.срд. *kanta*, *dormi*, *vende* и т.д.

Общая флексия 3 формы была *-t¹². Она встречается в старосардинском и в современных говорах: през.инд. *kantat*, *dormit*, *vendet* (старосрд.), *domat*, *finit*, *faket* (нуор.), импф.инд. *kantavat* (старолог.), *kantnat* (старокамп.) и т.д. Многие современные говоры отражают дальнейшее ее развитие, связанное с парагогическим повторением характерного гласного (*kantata*, *finiti*, *fakete*), озвончением согласного (*kantada* и т.д.) и его спирантизацией (*kantada* и т.д.).

Перфектная флексия первоначально была представлена вариантами *-vit/it/t¹³. Она нашла отражение в старосардинских текстах; ср. слабые формы: *kantait/-at*, *finivit*, *fakivit* (старолог.), *preatait*, *narrait/-edi*, *kantait/-et/-edi*, *finiit/-it/-idi*, *fak-iit/-it/-idi* (старокамп.); сильные формы: *vidit*, *tennit*, *bennit*, *stettit*, *bolvit*. Первичный характер -v- подтверждается фактами других романских языков (см. общероманский). Центральносардинский вариант -zit (*kantezit*) создан в новое время по сильным сигматическим перфектам на *-sit.

В 4 форме общая и императивная флексия была *-mus¹⁴. Она сохранилась в старолог., старокамп., совр.битти-нуор. и лог. диалектах наряду с другими флексиями: през.инд. *kantamus*, *finimus*, *fakemus/-imus*, импф.инд. *kantamus/-iamus*, през.кон. *kantemus*, *finamus*, *fakamus*, импф.кон. *kantaremus*, *finiremus*, *fakaremus* и т.д.

Прочие новосардинские варианты возникли в результате преобразования или замены исходной морфемы: *-mos* (совр.лог. во всех спр. наряду с *-mus*, *-us*) – аналогическое образование по I през.инд. *-o* (Wagner, 1938–39, § 58) или результат испанского влияния; *-mas* (битти-нуор. во всех спр.; ср. ит., с.67), где гласный *-a* вместо *-u*, скорее всего по 6 *-(a)na* (Wagner, 1938–39, § 65; ср. распространение *-a* во мн.ч. 6 *-na*, 5 *-das*, 4 *-mas* и параллелизм 6 *-ne*, 5 *-des*), хотя и не исключена замена *-u* на *-a* в результате повторения характерного гласного по типу парагоги; *-mis* (северолог. през.инд., през.кон., импф.инд. главным образом во II–III спр.), где гласный *-i* вместо *-u* по 5 *-is/dzis* (Wagner, 1938–39, § 58, 59, 107) или вследствие повторения характерного гласного; *-us* (совр. камп. и отдельные лог. говоры), утрата *-m* по аналогии с 5 формой без согласного компонента *-(a)is* *-(a)dis*; *-stus* (камп. просторечие только в импф.инд.) в результате переноса группы *-st-* из 5 формы, которая сама заимствована из перфекта с сохранением противопоставления 4 *-stus* 5 *-stis*. В отдельных областях употребляются флексии с парагогой *-mizu* из *-mus* (лог.), *-uzu* из *-us* (камп.).

Перфектная флексия вначале употреблялась в трех вариантах **-vimus/imus/mus*¹⁵. Эти показатели засвидетельствованы в старых и новых сардинских диалектах: *ponevimus*, *transmutaimus*, *pastinamus*, *arripimus*, *fumus* (старолог.). Первичный характер *-v-* подтверждается италороманскими данными (см. общероманский).

Флексия *-mis* аналогическая по 5 *-is/dzis*. Старые и современные кампианские формы на *-rus* (*cambiarus*, *adcordarus*, *girarus*, *kerterus*, *partirus*) образовались в результате переноса *-r-* из 6 формы. Распространение *-r-* наблюдается в араг. (исп.), кат., окс., рет., ит., рум. и требует дополнительного изучения в романской перспективе.

Сардинские данные позволяют предположить для общей флексии 5 формы прототипы **-tes/tis*¹⁶. Первый засвидетельствован в старолог., в совр.битти-нуор. говорах (*kantates*, *dormites*, *fakites*) и нашел продолжение в нескольких рефлексках: *-des/des/dzes/dzes/dzeze/es/eze*. Прототип **-tis* прямо не засвидетельствован, но восстанавливается с достаточной степенью достоверности на основании следующих сардинских рефлексков: *-dis* (камп.), *-dis* (Урцулей), *-dzis* (северолог., нуор.), *-is* (камп.), *-zi* (Доргали), где *-i* может указывать на утраченный гласный компонент того же качества,

т.е. *dormitis > *-i(ti)si > -izi. Реконструкция *-i- подтверждается италороманскими данными (см. общероманский).

Прочие окончания вторичны: -das/dzas и другие с гласным -a- в парадигмах конъюнктива - аналогия по 6 -na или результат обобщения показателя конъюнктива -a; -stis - перфектная флексия в имперфекте.

Перфектная флексия вначале была *-(i)stis ¹⁷. Оба варианта засвидетельствованы в старолог. kantaistis, fistis, istis. Статус форм типа kantaistis (с -ai-) не ясен. Не имея соответствий в других языках, они могут быть первичными (сохранение общероманского типа) или вторичными (аналогия по I -ai, 3 -ait, 4 -aimus; ср. 2 форму). Исходные варианты дали рефлексy с аффрикатой, а кое-где с озвончением конечного согласного из-за присоединения парагоги, откуда -dzis/dzis/dzizi.

Императивная флексия первоначально была *-te/ti ¹⁸. Морфема *-te засвидетельствована в старолог. kantate, dormite, fakite и нашла продолжение в регулярных рефлексax -de/de/ei: kantade/-ade/-ae (совр.лог.). Морфема *-ti в первоначальном виде не сохранилась, но в современных кампиданских говорах употребляется ее рефлекс -i (kantai, finei, fakei), фонетически не связанный с *-te. Для его объяснения предполагают позднюю аналогию по 5 през.инд. -is, прежде всего потому, что во II-III спр. характерный гласный в индикативе и императиве -é-, а не -i-, как в старологудорском (Wagner, 1938-39, § 71) (старокампиданские формы не обнаружены). Иначе говоря, предполагают, что существовало, например, соотношение 5 през.инд. vendéiz : 5 импер. vendie, в котором окончание императива перестроилось по индикативу, откуда 5 vendéi. Если учесть, что совмещение форм индикатива и императива наблюдается практически всюду, становится ясно, что гипотеза о поздней аналогической перестройке не обязательна. Более вероятно обобщение форм и флексий в общероманскую эпоху, приводившее в Сардинии к сближению и выравниванию общих и императивных показателей.

В 6 форме общая флексия была *-n(t) ¹⁹. Конечный согласный засвидетельствован в старых и новых сардинских диалектах: старокамп. kantant, kantaant, kantarint, совр.северолог. kantant и т.п. Вариант *-n встречается в разное время в центре: старолог. kantant наряду с kantant, kantavan. Ясно, что *-n образовался из более древнего *-n(t), но начало процесса относится к ранним общероманским временам. Оба варианта могли получать парагогическое

наращение, а потому со старосардинских времен встречаются варианты *-nta/nti/ntu* (камп.), *-na/ni/ne/no* (центр. диал.). В современных логудорских говорах засвидетельствованы поздние аналогические разновидности *-nis/ntis* (*sunis, funtis*), получившие -в по аналогии с 4-5 формами для усиления идеи множественного числа (Wagner, 1938-39, § 86).

Перфектная флексия была **-run(t)* ²⁰. Она нашла отражение в старосрд. *bennerunt, steterunt, kerferunt, lessirunt, voluerun, apperun, remaserun, viderun, acordarun, narrun*. Прочие показатели возникли по аналогии или в результате фонетических преобразований: *-int/in/ini* - аналогия по 3 -ait с прибавлением общей флексии и парагоги, т.е. *kantaint* (старолг. с XVI в.), *kanteini* (совр. лог., AIS, п.923, к.1700), *kantaini* (Барония, Планардха); *-ni* - упрощение *-ini*, на что указывает парагога -i в словоформах *(f)uni/(f)ini* из *fuini* (лог.); ложное удвоение *-ni* встречается в форме *unini* из *fuini* "furono" (Wagner, 1938-39, § 148); *-na* - присоединение общей флексии по аналогии с 3 -ata в формах *kantana* (AIS, п.938, к.1700, ср. 3 *kantata*); *-sint/zint/zini* - распространение группы **-si-* и ее рефлексов из сигматических перфектов на всю парадигму и на 6 форму в том числе, откуда *anesint/-zint, besisini*.

Итак, анализ материала позволяет реконструировать ареальную историю сардороманской системы глагольных флексий (см. табл. 7), установить специфику ее эволюции в общероманской перспективе, уточнить представления о путях развития некоторых окончаний. Исходя из итогов реконструкции можно заключить, что протосардинские окончания в сравнении с другими областями Романии образовывали самую архаическую систему. Практически все общероманские флексии сохранились здесь без изменений до начала письменной традиции. Немногочисленные отличия сардинской системы от прароманской, проявившиеся с древнейших времен, связаны не с инновациями, не с изменением прототипов, а с выбором вариантов, причем для Сардинии реконструируются такие флексии, которые восходят к древнейшим романским образцам. Судя по результатам исследования, сардороманская система флексий характеризуется при отсутствии заметных нововведений набором архаических черт, среди которых употребление дентальных согласных в 3 и 6 формах (особенно устойчивое в 3 форме), сигматических показателей, заударных компонентов **-u-*, **-i-*, **-e-*, лабиальных элементов в перфекте. Кроме того, здесь

отмечается сохранение сигматических 4-5 форм, особого показателя императива во 2 л.мн.ч. и своеобразия перфектных окончаний по сравнению с общими.

П р и м е ч а н и я

- 1 См.: Hofmann, 1885; Meyer-Lübke, 1902; Wagner, 1938-39.
- 2 Сардинский материал систематически представлен только у Meyer-Lübke (1890-1902, II, с.137-369), Lausberg (1962-67, III, § 787-948), Hall (1983, с.47-100).
- 3 Например: Pittau, 1956; 1972; Гурычева, 1966.
- 4 Ср. далее "этимологические проекции" Г.Лаусберга (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и след.) в сопоставлении с реконструируемыми прасардинскими флексиями.
- 5 Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: Hofmann, 1885; Wagner, 1938-39; Pittau, 1956.
- 6 У Г.Лаусберга -м/о: през.кон. *cántam*, импф.инд. *cantávo*, импф.кон. *cantárem* (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 809 и др.).
- 7 Исходным принято считать лат. -о, например: *cánte*, *víde*, *vénde*, *dórmo* (ibid., § 797, 869).
- 8 Ср.: *cantái*, *vendéi*; в спряжении на -i- сардинские формы и "проекции" пропущены (ibid., § 824, 894, 937).
- 9 Исходным окончанием обычно считают лат. -а, например: *cántas*, *vídas*, *véndas*, *dórmis* (ibid., § 797, 869).
- 10 Ср.: *cantásti*, *vendísti* (ibid., § 824, 894, 937).
- 11 Исходными принято считать латинские формы императива без окончания; ср. *cánte*, *víde*, *vénde*, *dórmi* (ibid., § 805, 872 и др.).
- 12 Ср.: през.инд. *cántat*, *videt*, *véndet*, *dórmit* и т.д. (ibid., § 797, 869).
- 13 Ср.: *cantáit*, *vendéit* (ibid., § 824, 894, 937).
- 14 Ср.: през.инд. *cantámus*, *vidémus*, *-ímus*, *vendémus*, *-ímus*, *dormímus* и т.д. (ibid., § 797, 869).
- 15 Ср.: *cantáimus*, *vendéimus* (ibid., § 824, 894, 937).
- 16 Ср.: през.инд. *cantátes*, *vidíte*, *vendíte*, *dormíte*, през.кон. *cantétis*, импф.инд. *cantavátes* (ibid., § 797, 802, 807, 809).

- 17 Ср.: *cantáitis, vendístis* (*ibid.*, § 824, 894, 937).
- 18 Ср.: *cantáte, vidéte, véndite, dormíte* (*ibid.*, § 805, 871, 886, 932).
- 19 Ср.: през.инд. *cántant, cántan, vident, viden, véndent, vénden, dormint* и т.д. (*ibid.*, § 797, 869).
- 20 Ср.: *cantáin, vendéerunt* (*ibid.*, § 824, 894, 937).

Глава седьмая

ОБЩЕРОМАНСКИЕ ПАРАДИГМЫ

В романском языкознании нет, как ни странно, специальных исторических исследований общероманской глагольной морфологии в целом ¹, хотя соответствующий круг проблем отчасти рассматривается в оравнительно-исторических грамматиках романских языков ², в некоторых введениях в романское языкознание ³ и в монографиях, посвященных описанию особенностей неклассической (вульгарной/народной) латыни ⁴. В абсолютном большинстве таких публикаций в соответствии с установившейся в романистике традицией за основу берется классическая латинская система спряжения, которая дополняется неклассическими свидетельствами и отдельными реконструкциями. Попытки систематического восстановления общероманских прототипов предпринимаются редко. Из существующих исследований для реконструкции глагольных окончаний наиболее важны работы Р.де Дарделя, Т.Маурера, Г.Лаусберга и Р.А.Холла (*Dardel, 1958; Maurer, 1959; Lausberg, 1962-67, III; Hall, 1983*). Однако в силу их неспециального характера эти монографии затрагивают лишь часть проблем, связанных с реконструкцией истории общероманской глагольной морфологии.

Так, у Р.де Дарделя можно найти только окончания сильных перфектов, но и они рассматриваются не специально, а в связи с реконструкцией словоформ (*Dardel, 1958*). Т.Маурер восстанавливает довольно полные парадигмы, но делает это, по его собственному выражению, приблизительно, получая в результате позднюю систему западнороманского типа (*Maurer, 1959, § 70-74; см. ниже с.108-109*).

Р.А.Холл, реконструируя в своей "Протороманской морфологии" фрагменты протороманского спряжения, постулирует, в сущности, ранние общероманские прототипы без учета вариантов, изменений во времени и территориальных разновидностей (Hall, 1983, с.47-100; см. ниже с.108-109). Только Г.Лаусберг пытается воссоздать ареальные прасостояния глагольных систем, но в его исследовании реальные прототипы подменяются "этимологическими проекциями" романских словоформ в вульгарную латынь (Lausberg, 1962-67, III, § 797 и др.), а флексиям не придается особого значения, так что для одного и того же ареала постулируются системно противоречивые и хронологически неоднородные варианты (см. примечания к ареальным реконструкциям в гл. I-VI). Кроме того, авторы перечисленных работ используют данные наиболее известных романских языков и при том только в их литературных разновидностях, не принимая в расчет свидетельства "малых" языков и диалектные факты, а это, естественно, не может не сказаться на результатах реконструкций. В целом существующие исследования дают представление о том, как выглядела общероманская система глагольных окончаний, но это представление нуждается в детализации и уточнениях, возможных в первую очередь на основе последовательного применения компаративного метода.

Сравнительное изучение романских языков и диалектов с учетом результатов ареальных реконструкций и соответствующих латинских свидетельств позволяет, во-первых, реконструировать не просто набор исходных глагольных флексий, а общероманскую историю окончаний с учетом реального варьирования и в виде хронологически определенных состояний (см. табл. 8): раннего (II-I вв. до н.э.) и позднего (I-III вв. н.э.)⁵; во-вторых, установить особенности пратороманской системы в сравнении с дороманской, классической латинской и реконструируемыми ареальными разновидностями; в-третьих, конкретизировать бытующие представления о развитии отдельных глагольных окончаний.

Исходя из совпадающих данных всех романских языков можно предположить, что в I форме в общероманском праязыке использовался следующий ряд показателей: общий *-ø⁶, презентный *-o⁷, перфектный *-(u)i⁸ (см. табл. 8). В презенсе индикатива *-o рано перешло в *-u на Балканах и не засвидетельствовано в Ретии из-за позднего появления письменной традиции (с.45 и след.).

Таблица 8
Общероманские флексии по итогам реконструкции

Формы	Латинские флексии	Общероманские прототипы	
		ранние (II-I вв. до н.э.)	поздние (I-III вв. н.э.)
Общие флексии			
1	m, (ō)	*ø, (*o)	*ø, (*o)
2	a	*a	*a
3	t	*(t)	*(t)
4	mūs	*mus	*mu(s)
5	tīs	*tes, *tis	*te(s), *ti(s)
6	nt	*n(t)	*n(t)
Перфектные флексии			
1	ī	*(u)i	*(u)i
2	stī	*(i)sti	*(i)sti, *(i)ste
3	t	*ui(t), *(t)	*ui(t), *u(t), *i(t), *(t)
4	mūs	*(u)mus	*(u)imu(s), *(u)mu(s)
5	stīs	*(i)stis	*(i)stis, *(i)stes
6	rūnt, rē	*run(t)	*run(t), *ran(t), *ren(t).?
Императивные флексии			
2	ø	*ø	*ø
4	mūs	*mus	*mu(s)
5	tē	*te, *ti	*te(s), *ti(s)

Перфектная форма обозначалась показателями *-*ui* (у глаголов П, а возможно, и I спр.), *-*i* (у всех прочих глаголов, а также наряду с первым вариантом). Реконструкция перфектной флексии связана с общероманской проблемой элемента *-*u*-⁹ (то же для 3-4 форм), суть которой состоит в определении первоначальных романских окончаний перфекта. Одни ученые, опираясь главным образом на латинские свидетельства, приходят к выводу о первичности прототипов *-*(á)u*, *-*(i)u* (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 269; Zauner, 1921, I, § 12; Rohlfes, 1949-54, II, § 568; Бурсье, 1952, § 91; Сергиевский, 1954, § 70; Maurer, 1959, § 68; Lausberg, 1962-67, III, § 824; Väinänen, 1967, § 330-335); другие, обращаясь к романским рефлексам, не исключают возможности существования исходных показателей *-*(á)ui*, *-*(i)ui* (Wagner, 1938-39, § 127; Tekavčić, 1972, II, § 898; Hall, 1983, с.83-85).

Пересмотр романских и латинских данных вынуждает согласиться скорее со второй точкой зрения, чем с первой. На употребление элемента *-*u*- в общероманском непосредственно указывает старосардинский (старолог, *andavi*, *partivi*, см. гл. VI), староитальянский (*partivi*, гл. IV) и итальянские диалекты (Абруцци, Молизе, Лукания, Калабрия, Сицилия, гл. IV). Некоторые из засвидетельствованных рефлексов могли бы быть признаны вторичными (релатинизация, аналогическое или фонетическое развитие), но то, что соответствующие образования засвидетельствованы на юге Италии, в Сицилии и Сардинии, т.е. в самих архаических романских ареалах, достаточно для предположения об этимологическом характере лабиального согласного по крайней мере у части отмеченных словоформ. Данные других языков не подтверждают предположения о сохранении *-*u*-, но и не противоречат такой гипотезе. Утрата -*v*- некоторыми глаголами в письменной латыни не исключает сохранения его эквивалента у этих глаголов в общероманском. Как в классическом, так и в народном языке могли быть в ходу маркированные или свободные варианты словоформ на *-*ii*/*ivi*/*ici*.

Вариант *-*ui* находит подтверждение в кл.лат. -*vi*. Показатель *-*i* встречается в литературном языке главным образом в IV спр.: *dormii*, *audii* (Тронский, 1960, § 657-660). В I спр. формы на -*ai* вместо -*avi* появляются значительно позже, к IV в.н.э.: *probavi* non *probai* (Probus Gram., Keil, 1857-80, IV, 160, 14).

Во 2 форме общая флексия была *-*a*¹⁰, перфектная *-*(i)sti*¹¹, императивная *-*o*¹². Общий показатель *-*i*/*i* (Италия, Балканы,

отдельные говоры окситанской области) – региональная инновация вследствие утраты *-э (гл. IV, V).

На перфектную морфему *-ati указывают иберороманские, италороманские, балканороманские и сардинские данные. Рядом с ней, по крайней мере в позднем общероманском, употреблялась морфема *-ste (из *-ati фонетическим путем или по аналогии с 5 *-stes или *-tes), к которой восходят иберороманские, галлороманские, ретороманские и, может быть, отдельные италороманские рефлексy. Вариант *-э происходит от перфектной флексии или отражает генерализацию общей морфемы. Происхождение балканского *-ši не поддается однозначному истолкованию (гл. V).

Перфектные формы типа *cantaſti* известны с III в. до н.э.: *paravati* (Plautus, Bacch. 727), *amasti* (Varro, Väänänen, 1967, § 333). Наряду с ними, вероятно, употреблялись формы на *-isti/iste типа *cantaisti/-iste* (ср. *probasti non probaisti*, Probus Gram., Keil, 1857–80, IV, 160, 14). Хотя они и не прослеживаются в романских языках¹³, их функционирование отчасти подтверждается употреблением в старосардинском 5 пф.инд. на *-aistis* (гл. VI).

На основе иберором., галлором., италором. и сардинских данных для 3 формы восстанавливается общий показатель *-t¹⁴. Все области, кроме Сардинии, в то же время указывают на раннюю утрату дентального, т.е. на существование варианта *-ø. Первые примеры утраты *-t встречаются со II в. до н.э. (*dede* "dedit", CIL, I, 377: Писавр, 180 г. до н.э.; см. Тронский, 1960, с.131). Значительное число примеров отмечается в помпейских надписях и в более позднее время: *quisquis ama, valia, peria qui nesci amare* (CIL, IV, 1173: Помпеи), *vissi "vixit"* (CIL, III, 2564: Спалато), *perdedi "perdidit"* (CIL, III, 8447), *posui "posuit"* (CIL, IV, 9814: Далмация). Ср.: Rohlf, 1982, с.547; Rosetti, 1964–66, I, с.110. Очагом инновации, судя по латинским данным и характеру распространения явления в романских языках, была центральная Италия (Politzer, 1958).

Перфектные флексии представлены несколькими вариантами, связанными с варьированием лабиального и гласного компонентов, а также с сохранением или утратой *-t. Романские языки указывают на исходные общероманские показатели *-ui(t)/-(t), которые преобразовались позднее в *-ui(t) (старолат. *finivit*, старопит. *cantavi*, латин. *mittiviti*, *apartibēde*); *-u(t) (сицил. *cantau*, *partiu*, старопит. *leon. partiu*, ретором., старонг. *cumandó*, *clamó*);

*-i(t) (старосрд. *kəntait*, *finiit*, лукан. *truvaiti*, тарант. *can-tai*); *- (t) (рум. *cîntă*, *dormi*, старофр. *chantat*, *dormit*, старо-срд. *kantát*)¹⁵.

Практически все реконструируемые варианты засвидетельствованы латинскими формами: *fecuit* (CIL, III, 6010), *cantavit* (кл.лат.), *ex-mussaut* (CIL, IV, 1391: Помпей), *donaut* (CIL, VI, 6870), *educat* (CIL, XI, 1074), *dedicait* (CIL, VIII, 5667), *laborait* (CIL, X, 216), *feit* (CIL, III, 2627), *inritat* (Lucr. I, 70), *disturbat* (ibid., 6, 587), *fumat pro fumavit* (Prisc., Keil, 1857-80, II, 587, 2).

Общая и императивная флексия 4 формы *-mus сохранилась в сардинском (старолог. *kantamus*). Ее существование однозначно подтверждается прочими языками, которые дают рефлексы общероманского показателя.

Перфектная флексия восстанавливается в виде набора вариантов *-uimus/imus/umus/mus¹⁶. Реконструкция первого и второго из них опирается только на старосардинские факты (*ponevimus*, *mutavimus*), третий нашел отражение в южной Лукании в формах типа *apartewmē*. Вариант *-mus с гласным *-u- сохранился в Сардинии (старолог. *fu-mus*, *kantamus*) и однозначно подтверждается рефлексам прочих языков.

Вариант *-uimus образовался в словоформах слабых перфектов вследствие объединения латинского суффикса -v/u-, переходного гласного и флексии. Прочие разновидности возникли из него в результате утраты группы *-ui- или одного из ее компонентов аналогично флексии 3 формы. Кроме того, *-mus употреблялся первоначально в словоформах сильных перфектов, присоединяясь к основе непосредственно или при помощи переходного гласного. Вариант *-imus (**kantáimus*) может также быть аналогическим по I -ai, 3 -ait (ср. 2 -aisti, 5 -aistis; см. также Fouché, 1967, с.247).

Все реконструируемые варианты, кроме *-umus, нашли отражение в латинских свидетельствах: *-uimus (*cantavimus*, *dormivimus*, кл.лат. формы), *-imus (*probavimus* non *probaimus*, Probus Gram., Keil, 1857-80, IV, 160, 14); *-mus (*nomus*, Ennius, Sc. 160, *flemus*, *narramus*, *mutamus*, Propertius II, 7.2, 15.3, *venimus*, Lucretius I, 301 и др.).

Некоторые романисты включают в число исходных романских флексий *-imus (например: Meyer-Lübke, 1888, с.367; Zauner, 1921, I, с.39, 147; Сергиевский, 1954, с.120-121; Maurer, 1959, с.154; Lausberg, 1962-67, III, § 824; Fouché, 1967, § 125-126; Корлякову,

1974, с.198). Такое предположение не имеет достаточных оснований, так как гемината *-mm-* встречается только в итальянском и может быть постулирована исходя из особенностей развития французского окончания. Романские данные показывают, что вариант **-mmus* допустим как поздняя региональная итало- и галлороманская инновация, возникшая в результате ассимиляции в группах **-dmus/dmus/kmus/imus* (с.37-38, 68).

В некоторых областях 4 форма всех парадигм утрачивает **-s*. Асигматические варианты встречаются как в зоне фонетического исчезновения **-s* (Италия и Балканы), так и в зоне его сохранения (Каталония, юж. Галлия, частично сев. Галлия, сев. Италия, Ка-лабрия и Лукания). Географическое распределение рефлексов показывает, что утрата **-s* в 4 форме проходила в позднее общероманское время двумя волнами. Вначале имело место фонетическое отмирание **-s*, которое охватило Италию (за исключением севера и калабро-луканского островка) и Балканы (до III в.н.э.). Затем из центральной Италии асигматические варианты распространились на области сохранения **-s* в южной и северной Италии, а оттуда на Ретию, Галлию и Каталонию. В северной Галлии они продвинулись далеко на северо-запад, что подтверждается многочисленными примерами *-m/n* в англонормандском диалекте, но встретили сопротивление и были оттеснены назад до границ окситанской области, вероятно, усилиями местной школы. Произошло это при поддержке морфологического фактора: **-s* воспринималось как показатель 2 л.ед. и мн.ч. в отличие от 1 л.ед. и мн.ч. по схеме 1 **kanto* - 4 **kanta-mo* : 2 **kantas* - 5 **kantates*.

Независимая параллельная утрата **-s* теоретически допустима, но из-за распространения на столь большой территории со сходными результатами она практически исключена. Речь идет об одном процессе, хотя и не имеющем общероманского значения, но охватившем ряд областей. Точное время нефонетического исчезновения **-s* установить трудно, но поскольку оно не захватило Сардинию и не проникло в испано-португальскую область, можно предполагать, что оно проходило в период между IV и VII вв., т.е. во время разрыва активных контактов с Сардинией и Иберией, но до начала письменной традиции в Галлии.

В 5 форме общее окончание было представлено первоначально вариантами **-tes/tis*. Все языки могут иметь в основе **-tes*, но происхождение этой морфемы неопределенно (продолжение арх.лат.

*-tes, фонетическое развитие *-tis для всех языков, кроме сардинского, где заударный *i* не дает *e*; аналогическое преобразование *-tis). В то же время ит., срд. и, может быть, рум. сохраняют формы, в которых можно обнаружить следы флексии *-tis (см. гл. IV, У, VI) ¹⁷. Кроме того, во всех областях, за исключением Сардинии, встречается совмещение общих (на -s) и императивных (без -s) показателей. Оно может быть региональным параллельным явлением (нефонетическим в Иберии, Галлии и Ретии, фонетическим в Италии и на Балканах), но более вероятно, что оно имело место в позднем общероманском состоянии, так как эта особенность находит подтверждение в надписях, указывающих на возможное обобщение флексий индикатива и императива в 5 форме: *Itis, paratis arma quam primum viri* (Trag. inc. frag. 34, Don. Gram. IV, 394, 5); *Itis, foras rixatis* (CIL, IV, 3494); *valetis "valete"* (4123 O); *Pacitis vobis suaviter, ego canto* (3442 a) и др. (Stolz, Schmalz, 1928, § 158; Väinänen, 1967, § 308). Отсюда следует, что, по крайней мере, в позднем общероманском были в ходу вместе с исходными *-tes/tis асимметрические варианты *-te/ti (Томашпольский, 1985).

Перфектные показатели были *(i)stis/(i)stes. Вторым произведен от первого. Изменение гласного могло произойти фонетическим путем везде, кроме Сардинии, или под влиянием общих морфем. Формы без *-s встречаются только в Италии и на Балканах вследствие его ранней утраты в этих зонах (со П в.н.э.). Начальный *-i- предположительно восстанавливается исходя из срд. *-istis (старолг. *kantaistis* и т.п.). Этот прототип может быть поздней ареальной инновацией, но если учесть существование 2 *-isti/iste и возможность раннего аналогического обобщения *-ai- (I *-ai, 3 *-ait, 4 *-aimus, откуда 2 *-aisti/aiste, 5 *-aistis/aistet), то предположение об общероманской флексии с начальным *-i- становится вполне вероятным ¹⁹. Среди латинских свидетельств -(a)istis пока обнаружить не удалось; ср. *probavistis et probastis* (Probus Gram., Keil, 1857-80, IV, 160, 14), *devastastis* (Greg. Tur., Bonnet, 1890. с. 440).

Императивный показатель первоначально отличался от общего и был *-te/ti ²⁰. Следы особого окончания сохранились во многих романских областях. Ясное отличие наблюдается в срд., рет., прт. и исп., а также на юге Италии в калабро-луканской зоне. Исходная флексия *-te сохранилась в срд. На западе произошло озвончение интервокального (со П по VI в.), в Галлии, Ретии, в центре и на

востоке Иберии – утрата заударных гласных (с УШ по ХШ в.). В то же время во всех областях, кроме Сардинии, встречаются следы общероманской унификации императивного и общего показателей (см. выше), в результате которой наряду с *-te возник вариант *-ti, позднее *-tes/tis²¹. Следы *-ti сохранились в Сардинии (камп.), *-ti/tis в ит. диалектах (Сицилия, Калабрия; см. с.70–71, 95). Рум. -ti может следовать из *-ti/tis/tes (с.83–84). Западнороманские данные указывают на употребление или неупотребление конечного *-e, но неопределенны в отношении качества гласного, так как здесь заударные i и e сливаются в одном рефлексе (с I в.н.э.).

Романские языки указывают на два общих показателя 6 формы *-nt/n²². Первый засвидетельствован в Иберии (староисп., мосараб.), Галлии (старофр.) и Сардинии, а также в словоформах глагола "быть" в Италоромании (длм., апул., ижнот.) и на Балканах, второй во всех областях (см. 6 форму в гл. I–VI). Морфема *-n образовалась из *-nt вследствие фонетической утраты конечного *-t. Параллельная утрата согласного в нескольких языках не исключена, но отсутствие *-t в одной и той же позиции в абсолютном большинстве языков указывает, скорее всего, на развитие из общего источника. Более того, раннее исчезновение *-t в 6 форме аналогично 3 форме отразилось в латинских свидетельствах: quiescun (CIL, X, 6785), fecerun (CIL, VI, 7498: Рим).

Перфектный показатель был также представлен вариантами с дентальным и без него: *-runt/run²³. Первый нашел отражение в Сардинии, Галлии и Иберии, второй – во всех областях (см. 6 форму в гл. I–VI).

В некоторых зонах флексия перфекта получает гласный, фонетически не связанный с исходным, и выступает в виде -ra(n)/re(n)/ri(n): cantaram (новопрт.), canteran/-aran (совр.око.диал.), valera (совр.апул.), cântară, eavără (старорум.); cantaren (староисп., старокат., староокс., совр.окс.диал., новогаск.), cântare (старорум.); cantarin (совр.западнотисп.), ciantarin (совр.фриул.), partirini (совр.апул.). Если последний вариант – явное позднее независимое региональное преобразование *-ron фонетическим или аналогическим путем, то две другие морфемы значительно сложнее для анализа.

Окончание -ra(n), встречающееся в нескольких отдаленных одна от другой областях, может быть древним, связанным, например, с семантическим и формальным проникновением форм ппф. в парадигму

пф.инд., но поскольку романские рефлексы встречаются преимущественно в новое время, высока вероятность, что эти варианты – следствие регионального аналогического развития с совпадающими результатами (перенос общего показателя в пф.инд., аналогия по 3 форме, ассимиляция гласного флексии к ударному гласному и т.п.).

Морфема *-re(n)* также может быть древней, восходящей к прототипу **-ren(t)* из смещения латинских вариантов *-runt* X *-re* (с.87) или из импф.кон. В пользу такого предположения говорит древность романских рефлексов, зафиксированных в старых состояниях соответствующих языков. Однако их распространение на территории Романии ограничено, особенно если учесть, что румынские формы на *-re* могут быть графическим вариантом *-ră*, а старокат. *-ren* может восходить к *-ran* (Lauzeberg, 1962-67, III, § 824). Поэтому независимое параллельное развитие в отдельных областях не только не исключено, но даже весьма вероятно. Отсюда следует, что **-ran(t)/ren(t)* нужно отнести, в лучшем случае, к поздним общероманским прототипам или даже к региональным, хотя и частично повторяющимся явлениям. Проблема требует специального изучения.

Сопоставительный анализ достаточно полного романского материала позволяет реконструировать общероманскую систему глагольных флексий в виде двух синхронных срезов (см. табл. 8), определить ее своеобразие в сравнении с латинской, уточнить представления о происхождении и развитии некоторых глагольных окончаний. Итоги реконструкции показывают, что общероманская система с ранних времен была подвержена варьированию. Она включала три отчетливо различавшихся ряда окончаний: общий, перфектный и императивный. Для общих и императивных флексий на раннем этапе была характерна неустойчивость **-t* в 3 л.ед. и мн.ч. и колебания гласного компонента **-e/i* во 2 л.мн.ч. В позднем общероманском из-за изменений в системе и распространения праязыка на большой территории вариатность возросла: добавилась неустойчивость сигматических элементов флексии, а различия между общими и императивными окончаниями, существовавшие на раннем этапе во 2 л.ед. и мн.ч., были фактически утрачены в 5 формах. В перфектных парадигмах варьирование показателей было более заметно, чем в общих и императивных. Кроме элементов **-t*, **-s*, **-e/i*, неустойчивость проявляли **-ç-* и **-i-*. Тем не менее эти окончания сохранили своеобразие, отчетливо обозначая принадлежность словоформ к парадигме перфекта.

Реконструируемые нами ряды окончаний отличаются от вульгарно-латинских флексий в парадигмах Т.Маурера (maurer, 1959, § 70-74) и от протороманской системы Р.А.Холла (Hall, 1983, с.47-100) ²⁴. Т.Маурер глагольные флексии специально не рассматривает, но если использовать принципы морфологического членения и группировки окончаний, принятые в нашей работе (с.18-19), то из парадигм португальского романиста можно выделить следующие окончания:

	Общие	Перфектные	Императивные
1	--, -o	-i/(i)	
2	-s	-sti	
3	-(t)	-ut/it/t/(t)	
4	-nos	-m(m)os	
5	-tes	-stes	-te/tes
6	-n(t)	-ron(t)	

Такая система хронологически неоднородна. С одной стороны, ранние общероманские черты (устойчивое *-s в 4-5 формах, *-i в 2 пф. инд. и др.) сочетаются в ней с поздними (3 пф.инд. *-ut, 5 пф.инд. *-stes, 5 импер. *-tes и др.) и региональными (4 *-nos, 4 пф.инд. *-m(m)os, 6 пф.инд. *-ron(t)). С другой - в ней отсутствуют такие ранние и поздние варианты, которые нашли продолжение в романских языках (см. табл. 8). В целом окончания Т.Маурера соответствуют не столько общероманским, сколько относительно поздним показателям западнороманского типа (см. табл. 2-4).

Р.А.Холл реконструирует не только парадигмы, но и личные окончания, хотя и без специального обсуждения (Hall, 1983, с.51). Чтобы представить флексии в сравнимом виде, их также пришлось разделить на три ряда:

	Общие	Перфектные	Императивные
1	zero, /-Δo/	/-i~/	
2	/-s/	/-i~/	zer ^o
3	/-t/	/-t/	
4	/-mus/	/-mus/	
5	/-tis/ ²⁵	/-tis/	/-te/
6	/-nt/	/-nt/	

Общие и императивные окончания совпадают в основном с нашими реконструкциями. Расхождения обусловлены в основном тем, что гипотезы Р.А.Холла ориентированы на идеализированные исходные прототипы и не учитывают свойственного любому реальному языку варь-

ирования. Восстанавливая прстороманское (в наших терминах – раннее общероманское) состояние ²⁶, американский романист не принимает во внимание неустойчивость конечного *-t, возникшую еще в дороманский период, колебание гласного элемента *-e/i во 2 л.мн. ч., а также неустойчивость конечного *-a, свойственную позднему общероманскому. Перфектные окончания, напротив, почти не совпадают. Различия объясняются частично теми же причинами, что и в случае общих-императивных флексий, но основные расхождения вызваны несовпадающим морфологическим членением словоформ. Исходя, как кажется, из этимологических соображений или традиций латинской исторической грамматики ²⁷, Р.А.Холл выделяет в составе словоформ перфекта основу, личные окончания, почти совпадающие с общими, кроме 1 и 2 форм, а между ними – различные "корневые форманты" (stem-formants: /-ci-/ , /-(ci)i-/ , /-ci-e-/ , /-ci-/ , /-i-/ , /-e-/ , с.72) и "показатели времени" (tense-signs: /-a-/ в 5 форме, /-sti-/ ²⁸ во 2 форме, /-(^)ru/ в 6 форме, ноль в остальных формах, с.76). Анализ романского материала позволяет заключить, что такое морфологическое членение общероманских перфектных словоформ не оправдано. Все перечисленные элементы относятся к флексиям, поскольку они не проходят через всю парадигму, закреплены за отдельными лицами и указывают не только на принадлежность форм к перфекту, но и в первую очередь на лицо-число. Так, лабиальный элемент *-ci- реконструируется лишь в 1, 3, 4 формах, *-i- может присутствовать только во 2-5 формах, а *-st- и *-a- связаны соответственно со 2 и 5 формами. Дело в том, что в общероманском, в отличие от латыни, произошло обобщение презентной основы, распространившейся на перфект, а принадлежность словоформы к парадигме перфекта обозначалась только флексией.

П р и м е ч а н и я

¹ В оуцествующих публикациях рассматриваются отдельные глаголы, парадигмы, фрагменты системы спряжения (например: Fuchs, 1890; Rydberg, 1893; Gamillscheg, 1913; Burger, 1949; Dardel, 1958; Fleischman, 1982), обсуждается структурная организация, функции или значения глагольных форм (например: Mourin, 1966-68; Лухт, 1972; 1978; Cockerill, 1976).

² Например: Diez, 1882, с.486-603; Meyer-Lübke, 1890-1902, II, с.137-369; Zauner, 1921, I, § 12, 64; Lausberg, 1962-67, III,

§ 787-948; Anderson, Rochet, 1979.

3 Например: Meyer-Lübke, 1901; 1920; Bourciez, 1910 (Бурсье, 1952); Сергиевский, 1954, § 63-82; Canfield, Davis, 1975, с.129-149; Iliescu, Livescu, 1980; Gauger et al., 1981; Алдсова и др., 1982, с.239-288.

4 Наиболее информативны в отношении глагольной морфологии: Grandgent, 1907 (переиздание 1962 г., испанский перевод 1970 г.); Strecker, 1948; Battisti, 1949; Silva Neto, 1957; Maurer, 1959; Naadama, Nuchelmans, 1963; 1966; Väinänen, 1963; 1967; 1981; Tekavčić, 1970; отечественные монографии: Гуричева, 1959; Корлянту, 1974; Дынникова, Лопатина, 1975.

По поводу датировки общероманского праязыка см.: Черняк, 1985, с.55; Томашпольский, 1985, с.15.

6 Ср.: през.кон. *cante, импф.инд. *cantava и т.д. (Maurer, 1959, § 70), през.кон. cántem, импф.инд. cantábam, ппф.кон. cantásse и т.д. (Lausberg, 1962-67, III, § 802, 807, 829), през.кон. kánte, импф.кон. kantába и т.д. (Hall, 1983, с.58, 63).

7 У всех авторов за основу берется флексия -о (например: Maurer, 1959, § 70-74; Lausberg, 1962-67, III, § 797, 869; Hall, 1983, с.51 и др.).

8 Ср.: cantai, *sédui, *preși, *partí(i) (Maurer, 1959, § 70-74); cantái, vendíi, dormíi (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937); /-i^/ (Hall, 1983, с.51).

9 С фонетической точки зрения общером. *-ц- восстанавливается как билабиальный фрикативный, поскольку он отразился в романских языках в виде рефлексов *v/b/б/ц/ф. Реконструкция подтверждается латинскими документами, в которых распространены взаимозамены b/v (Hall, 1976, с.59-60). Общером. интервокальный *-ц- в целом удержался всюду, кроме Балкан. В Италии и Сардинии рефлекс *-ц- в формах перфекта сохранились в областях его фонетического удержания (см.: Lausberg, 1962-67, II, § 373).

10 Окончание -в считается исходным у всех авторов.

11 Ср.: cantasti, *seduēsti, *presēsti, *partisti (Maurer, 1959, § 70-74), cantásti, vendísti, dormísti (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937), /-i^/ (Hall, 1983, с.51).

12 Все авторы считают исходными латинские или им подобные формы без окончаний.

13 Новосрд. 2 пф.инд. *kantais* (Siniscoalas) явно аналогического происхождения (гл. VI).

14 Исходной обычно считают латинскую флексию *-t*, редко указывают варианты *-t/-ø* (например: Maurer, 1959, с.154 и след.).

15 Ср. предположения по поводу исходных окончаний: *-aut*, *-iut*, *-ut* (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 266), *-aut*, *-at*, *-iut*, *-it* (Zauner, 1921, I, с.39, 149-153), *-aut*, *-ait*, **-āt*, *-īit*, **-īut* (Бурсье, 1952, § 91; Сергиевский, 1954, § 70); *-aut* (*-ait*, *-at*), *-i(t)*, *-e(t)*, *-ī(t)*, *-iu(t)* (Maurer, 1959, § 70-73), *-āt*, *-āit*, *-āt*, *-ēit*, *-ēt*, *-ētuit* (Lausberg, 1962-67, III, § 824), *-ait*, *-aut*, *-at*, *-īit* (*-īt*) (Väänänen, 1967, § 334), *-ait*, *-aut*, *-at* (Tagliavini, 1977, § 51, с.206), */-t/* (Hall, 1983, с.51).

16 Ср.: **-ūimus* (Väänänen, 1967, с.152), **-imus* (Lausberg, 1962-67, III, § 824; Väänänen, 1967, с.152), **-ūmus* (Rohlf, 1949-54, II, § 568; Fouché, 1967, с.247), */-mus/* (Hall, 1983, с.51).

17 Все исследователи берут за основу лат. *-tis*. Существование исходной флексии **-tes* допускали Г.Лаусберг, Т.Маурер (Lausberg, 1962-67, III, § 805: всюду возможно *santates* вместо *santatis* под влиянием императива на индикатив; Maurer, 1959, с.154-157). В парадигме през.инд. ее реконструировал Р.А.Холл (Hall, 1976, с.43), но позднее он принял за исходный прототип */-tis/* (Hall, 1983, с.51 и др.). Ср. ниже прим.25.

18 Ср.: *santastes*, **veduastes*, **presastes*, **partistes* (Maurer, 1959, § 70-74), *santāstis*, *vendīstis*, *dormīstis* (Lausberg, 1962-67, III, § 824, 894, 937), */-tis/* (Hall, 1983, с.51).

19 Г.Лаусберг предполагает для оардиногого прототип **-āitis*, для староокс. (прв.) **-eīstis* > *-ēstis* (Lausberg, 1962-67, III, § 824). Отдельные формы такого рода встречаются в других языках (староисп. *toruāistes*, Еврейя *Zagrada* XXIII, 406, 1244-50 гг.), но их обычно считают описками (Gassner, 1897, с.155). Ср. предположение о распространении 3 *-i(t)* на 2, 4 и 5 формы в вульгарной латыни Галлии (Fouché, 1967, с.247).

20 Исходным обычно считают лат. *-te* (Meyer-Lübke, 1890-1902, II, § 149; Zauner, 1921, I, с.144-145; Бурсье, 1952, § 88; Сергие-

авский, 1954, § 68; Hall, 1983, с.69); изредка встречаются варианты: *-te/*-tes* (Maurer, 1959, § 70 и след.), *-te/tis* (Lausberg, 1962-67, III, § 805, 806). Указывая, что для Италии первоначальное окончание неопределенно (*-te/tis*), Г.Рольфо постулирует для некоторых северных и южных говоров **-ti/ti* (Rohlf, 1949-54, II, § 607).

21 Ср.: "В этой перспективе появление в общероманском формы индикатива взамен исконного латинского императива *-te* выглядит поразительным и соответственно должно рассматриваться как аномалия, возникшая в Италии на рубеже новой эры под влиянием греческого языка, т.е. в среде как самих греков, так и эллинизированных иммигрантов восточного происхождения, ... и отсюда распространившаяся почти по всей Империи (Испания, Сардиния, юг Италии, а также отдельные изолированные ареалы в Реции и Галлии сохранили исконную латинскую дифференциацию)" (Черняк, 1984, с.232).

22 Исходной обычно считают флексию **-nt*, изредка указывают варианты типа **-n(t)* (Maurer, 1959, с.154 и след.).

23 Формы с утратой *-ve-* отмечаются с плавтовских времен: *ponunt "noverunt"* (Plautus, Тронский, 1960, с.270), *probaverunt et probarunt et probavere* (Probus Gram., Keil, 1857-80. IV, 160, 14). Исходной обычно считают лат. флексию *-runt*. Иногда указывают **-run* (Maurer, 1959, с.154 и след.); **-ran*, **-ren* можно встретить только среди региональных прототипов (Lausberg, 1962-67, III, § 824).

24 Работа Г.Лаусберга интересна для нас ареальными "проекциями" (ср. с.22), а в общероманском плане он исходит в основном из кл.лат. форм (Lausberg, 1962-67, III, § 787-948). У Р.де Дарделя можно найти окончания только сильных перфектов (Dardel, 1958). Другие романисты берут за основу латинскую систему, дополняя ее отдельными свидетельствами и гипотезами.

25 Сначала Р.А.Холл постулировал */-tes/* (Hall, 1976, с.43), потом */-tis/* (Hall, 1983, с.51), но исправления внес не везде (с.53, 54, 58). В косые скобки он ставит фонемную транскрипцию, а циркумфлексом обозначает закрытое качество гласного. Ср. прим.17.

26 Протороманский Р.А.Холла датируется I в. до н.э. (Hall, 1974, с.12, 16), ранний общероманский в нашей работе - II-I вв. до н.э. (см. с.99-100).

27 См., например: Тронский, 1960, § 643-648.

28 Вероятно, имеется в виду */-st-/*, поскольку в качестве флексии 2 формы предполагается */-i^/* (ср. с.108).

З а к л ю ч е н и е

Чтобы показать своеобразие реконструируемой общероманской системы глагольных окончаний, ее удобнее всего сопоставить с латинской системой. Прежде всего важно иметь в виду, что в латинском языке были употребительны два ряда общих и императивных показателей – активные и медиопассивные, а в общероманском только один, формально соответствующий латинскому активному. Если отбросить медиопассивные флексии, то сходства между сопоставляемыми системами будут преобладать над различиями.

При сравнении общих и императивных окончаний основное различие определяется тем, что общероманская система с ранних времен была подвержена варьированию, иногда свободному, незначительному, чаще обусловленному территориально, а в некоторых случаях функционально и социально. Латинские ряды окончаний, напротив, были устойчивы, единообразны, малоизменчивы, поскольку они принадлежали литературному, нормированному, официальному языку. К ранним формальным различиям относятся *-*ŕ* в I л.ед.ч. (в результате фонетической утраты лат. -*m* в дороманское время), неустойчивость *-*t* в 3 л.ед. и мн.ч. (более заметная во множественном числе, так как утрата дентального согласного началась с 6 формы), колебания гласного компонента *-*e/i* флексии 2 л.мн.ч. общего и императивного рядов. В позднем общероманском в связи с изменением системы во времени и распространением праязыка на большой территории вариативность нарастала: добавилась неустойчивость сигматических элементов флексии. При этом утрата -*m* и неустойчивость *-*t* были связаны с действием фонетических факторов, а колебание *-*e/i* и эволюция *-*v*, кроме фонетических, обусловлены морфологическими (системными или аналогическими) воздействиями. Свообразие парадигм определялось еще и тем, что в общероманском с ранних времен происходило сближение и выравнивание общего и императивного показателей 2 л.мн.ч.¹ Этот процесс приводил к их полному

¹ Ср. гипотезу А.Б.Черняка о происхождении флексии 2 л.мн.ч. императива в общероманском (Черняк, 1984, с.232). См. также с.112, прим.21.

совпадению в ряде областей начиная с позднего общероманского периода.

Перфектные флексии как в латыни, так и в общероманском были представлены одним рядом. Расхождения между латинской и ранней романской системами определялись в основном неодинаковым морфемным членением и варьированием элементов флексии. Со временем они возрастали из-за свойственной прароманскому языку тенденции к усилению своеобразия перфектных показателей в отличие от общих и императивных (см. табл. 8).

Различия в морфемном членении были связаны с неодинаковым статусом лабиального элемента *-v/ɥ- и гласного *-i-. В латинских словоформах лабиальный представлял собой грамматический суффикс (аффикс), поскольку он проходил через всю парадигму, указывая на время-наклонение и не обозначая лицо-число. Гласный -i- выступал как переходный элемент, соединяющий консонантный или полуконсонантный суффикс с консонантной частью окончания. В общероманском *-ɥ- реконструируется только в I, 3, 4 формах. Он относился к окончанию, так как присутствовал не во всех словоформах и указывал вместе с флексией на лицо-число. Элемент *-i- мог вообще отсутствовать, а появлялся он не только между согласными, но в некоторых случаях непосредственно за характерным гласным и иногда не имел после себя согласного. Он тоже относился к флексии.

В перфектных парадигмах варьирование показателей было более заметно, чем в общих. Кроме элементов *-t, *-n, *-e/i, нестабильность проявляли *-ɥ- и *-i-. У наиболее многочисленных слабых глагольных форм в общероманском функциональная нагрузка флексии была выше, чем в латинском. Связано это с тем, что в латинском языке принадлежность словоформы к перфектной парадигме обозначалась главным образом основой и отчасти окончаниями в той мере, в какой они отличались от общих и императивных. В общероманском, где произошла генерализация презентной основы, распространившейся и на перфект, принадлежность словоформы к парадигме перфекта выражалась только флексией.

Общероманская система окончаний происходит не от литературной латинской, а, как и эта последняя, от долитературной (архаической) латинской системы. Наблюдаемые сходства объясняются не отражением литературных явлений в общероманском, а общим происхождением, постоянным взаимодействием и контактом этих двух разновидностей. Первоначальные различия между литературной латынью и об

щероманским связаны с тем, что эти две разновидности выбрали различные возможности из набора вариантов. В литературной латини выбор был сделан в результате сознательного, целенаправленного нормирования, в общероманском – стихийно, исходя из потребностей повседневного общения. В отличие от литературного языка общероманский унаследовал утрату -m в 1 л.ед.ч. (*-Ø), сохранил архаическое латинское *-tes во 2 л.мн.ч. (наряду с употреблением инновации *-tis), воспринял колебание *-t в 3 л.ед. и мн.ч. с последующей его утратой, распространил выпадение элементов *-ce-, *-ci-, *-u- в перфекте на большинство областей.

С самых ранних времен общероманская система отличалась от литературной латинской территориальным варьированием. Это варьирование стало более заметным в позднее общероманское время, когда сформировались основные прароманские диалекты Сардинии, Италии, Балкан, Ретии, Галлии и Иберии. Диалектное членение отразилось и на системе окончаний: в каждом из перечисленных ареалов она имела своеобразные черты.

Сардороманская система окончаний полностью подтверждает представление о Сардинии, как о самом архаическом языковом ареале. Практически все общероманские флексии сохранились здесь без изменений до начала письменной традиции. Немногочисленные отличия сардинской системы от прароманской связаны не с изменением прототипов, а с выбором вариантов, причем для Сардинии реконструируются такие флексии, которые восходят к древнейшим романским прототипам. Протосардинская система флексий при отсутствии значительных нововведений характеризуется набором архаических черт, среди которых сохранение дентальных согласных в 3 л.ед. и мн.ч. (устойчивость *-t в 3 л.ед.ч.), сигматических показателей, заударных компонентов *-u-, *-i-, *-e-, лабиальных элементов в перфекте. Кроме того, наблюдается сохранение сигматических 4-5 форм, особого показателя императива во 2 л.мн.ч. и своеобразия перфектных окончаний.

Италороманские флексии образуют контрастную, или переходную, систему. В этом ареале, очень рано утратившем единство и диалектно расчлененном с давних времен, наблюдаются, с одной стороны, древнейшие черты сардинского типа, засвидетельствованные в архаических, реликтовых зонах и объединяющие Италию с Сардинией, с другой, на большей части территории, – инновации западно- и восточнороманского типа, объединяющие ареал с Балканами, Ретией,

Галлией и Иберией. Архаические черты Италоромании совпадают с соответствующими чертами сардороманского ареала, исключая сохранение 4 формы на *-v. Даже в зонах сохранения конечного *-v сигматические формы I л.мн.ч. не засвидетельствованы (ср. Ретию и Галлию). Поздний италороманский этап эволюции отражает такие новшества, как полная утрата дентальных показателей, вытеснение сигматических морфем с образованием *-i/1 во 2 л. (как на Балканах), преобразование заударных *-u, *-i, *-e > *-o, *-e (как на западе), утрата лабиальных в перфекте, употребление асигматической 4 формы, унификация императивного показателя 2 л.мн.ч. по общему (как на Балканах и на западе).

В балканороманской системе окончаний преобладают новообразования и тенденция к унификации рядов флексий (см. табл. 6). Сопоставление показывает, что балканская система восходит к италороманской. Сохраняя один существенный архаизм (заударные *-u, *-i), она в основном развивает италороманские инновации: устранение дентальных и сигматических показателей с образованием *-i/1 во 2 л., утрата лабиальных в перфекте, вытеснение 4-5 асигматических форм, унификация императивного показателя 2 л.мн.ч. К ним она добавляет снижение своеобразия форм перфекта, их выравнивание по общим показателям и другие аналогические перестройки.

Из трех западных континентальных систем иберороманская выделяется сохранением архаических черт (см. табл. 2). Она отразила лишь некоторые западные нововведения, такие как преобразование заударных *-u, *-i, *-e в *-o, *-e (с сохранением 2 пф. инд. *-eti), утрата лабиальных в перфекте (с сохранением следов *-u- в 3 пф. инд.), озвончение интервокальных *-t- в *-d-. Здесь преобладают архаизмы, среди которых сохранение дентальных и сигматических показателей, удержание заударных гласных, сигматические 4-5 формы с употреблением особого показателя в императиве (следы неразличения на западе Иберии), сохранение своеобразия перфектных показателей.

Галлороманская система представляет собой западный переходный тип (см. табл. 3). В этом ареале, подобно Италоромании, рано утратившем территориальное единство, видны значительные расхождения между севером и югом. В целом ранний набор окончаний напоминает иберороманскую систему. Различия сводятся к тому, что для Галлии реконструируются 4-5 формы с неустойчивым *-v, неразличение императивного и общего показателей, хотя и с сохранением следов импе-

ратива (асигматической морфемы). В позднее время более существенные различия возникли в связи с утратой заударных гласных.

Ретороманская система явно относится к западному типу, но среди других она дальше всех отошла от первоначального образца (см. табл. 4). Здесь наблюдаются, с одной стороны, архаические черты: сохранение сигматических показателей, сигматической 5 формы и противопоставления императивной флексии общей во 2 л.мн.ч. В то же время здесь преобладают инновации: утрата дентальных окончаний, озвончение интервокальных *-t в *-d-, преобразование и утрата заударных, устранение лабиальных в перфекте (с сохранением следов *-b из *-u в 3 пф.инд.), асигматические формы I л.мн.ч., устранение своеобразия перфектных показателей и другие аналогические перестройки. Ретороманская система по своему характеру, но не по форме, сближается с балканской: так же, как и эта последняя, она развивается в направлении частичной унификации типов спряжения, парадигм и окончаний.

Подводя окончательные итоги, важно заметить, что последовательное применение метода реконструкции к глагольному материалу позволило реконструировать историю общероманских глагольных флексий от времени зарождения романской речи до появления первых текстов в виде следующих друг за другом состояний с учетом реального варьирования и территориальных изменений в отдельных ареалах. Оно дало возможность показать особенности прароманской системы в сравнении с дороманской и классической латинской, уточнить бытующие представления и гипотезы о происхождении и развитии отдельных окончаний и глагольной системы в целом. Конечно, сам по себе компаративный метод так же, как и традиционный для романистики анализ латинских свидетельств, не снимает всех трудностей и не решает всех спорных вопросов глагольной морфологии, однако ясно, что его систематическое применение (наряду с изучением латинских текстов) к глагольному материалу, к романской морфологии в целом, к синтаксису и лексике даст неоспоримые преимущества и, несомненно, будет способствовать решению основной задачи — продвинуться в изучении истории и диалектных особенностей общероманского языка, а значит и грамматического строя отдельных романских языков.

Л и т е р а т у р а

- Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. М., 1982.
- Бородина М.А. Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1965.
- Бородина М.А. Об общероманском периоде. Критический обзор работ Робера де Дардела // Вопросы языкознания. 1967. № 3.
- Бородина М.А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.
- Бородина М.А. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Ретороманская подгруппа: (Энгадинские варианты). Л., 1973.
- Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- Васильева-Шведе О.К. Каталанский и галисийский языки в культуре народов Пиренейского полуострова // Iberica: Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983.
- Вольф Е.М. Некоторые особенности структуры слова в португальском языке (в сравнении с испанским) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
- Вольф Е.М. Формирование романских литературных языков. Португальский язык. М., 1983.
- Гипотеза в современной лингвистике / Отв. ред. Ю.С. Степанов. М., 1980.
- Гуричева М.С. Народная латынь. М., 1959.
- Гуричева М.С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Итало-романская подгруппа. М., 1966.
- Дыникова А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь. М., 1975.
- Журавлев В.К., Нерознак В.П. Проблемы реконструкции праязыкового состояния // Slavica. 1981. № 18.
- Йордан Н. Романское языкознание. М., 1971.
- Климов Г.А. К типологической реконструкции // Вопросы языкознания. 1980. № 1.
- Корлятану Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974.
- Литвиненко Е.В. История испанского языка. Киев, 1973. То же. - 1983.
- Лопатина М.Г., Мамсурова Е.Н. Поздняя история латинского языка в свете сравнительно-исторической романистики // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филол. 1984. № 1.
- Лухт Л.И. Глагол // ССГЯ, 1972.
- Лухт Л.И. Глагол // ГСРЯ, 1978.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Мелик В.Ф. Элементы де морфоложии диалекталэ. Кишинэу, 1977.
- Репина Т.А. Румынский язык. М., 1968.
- Репина Т.А. О далматинском языке и его месте в группе романских языков // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
- Реферовская Е.А. Истоки аналитизма романских языков. М.; Л., 1966.
- Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков. Французский язык. М., 1980.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. 2-е изд. М., 1954.
- Скрелина Л.М. История французского языка. М., 1972.
- Скрелина Л.М. Традиции и инновации в изучении истории французского языка // Филологические науки. 1984. № 5.

- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.
- Томашпольский В. И. Реконструкция первоначальных романских императивов // Лингвистические исследования, 1983: Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983.
- Томашпольский В. И. Системные отношения в глагольной парадигме и реликтовые варианты (на материале романских языков) // Семантико-системные отношения в языке. Свердловск, 1984.
- Томашпольский В. И. Сопоставление романских языков и проблема реконструкции общероманского состояния // Сопоставительные исследования грамматических категорий. Свердловск, 1985.
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Черняк А. Б. Метод М. Бартоли и реконструкция общероманского состояния // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1975.
- Черняк А. Б. Формирование общероманского аналитического прошедшего в свете ареальной теории // Лингвистические исследования, 1975: Вопросы строя индоевропейских языков. Ч. I. М., 1975.
- Черняк А. Б. Аналитическое прошедшее с *a avea* в румынском языке. Варианты конструкции и их синтактико-стилистическая характеристика // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
- Черняк А. Б. Аналитическое прошедшее с "иметь" в староитальянском (Контактность компонентов) // Лингвистические исследования, 1981: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. М., 1981.
- Черняк А. Б. Франсуа Ренуар, Фридрих Дил и проблема возникновения романских языков к середине XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л., 1984.
- Черняк А. Б. Комментарий к реконструкции протороманского императива (О статье В. И. Томашпольского "Реконструкция первоначальных романских императивов") // Лингвистические исследования, 1984: Историко-типологическое изучение разнотипных языков. М., 1984.
- Черняк А. Б. К истории аллавитов в романоязычных странах // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Шигаревская Н. А. История французского языка. Л., 1974.
- Широкова А. В. Развитие диалектных фонологических систем народной латыни: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1978.
- Широкова А. В. Территориальная дифференциация языка. М., 1979.
- Широкова А. В. Структурно-диахроническая реконструкция древних диалектов романских языков // Структурно-сопоставительная и системно-типологическая лингвистика. М., 1981.
- Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков. Ареалы Галлии и Балкан (Принципы диахронической типологии). М., 1981.
- Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982.
- Шигмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М.; Л., 1941.
- Шигмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952.
- Шигмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972.

- Agno F. Il verbo nell'italiano antico. Napoli, 1964.
 Allcover A.M., Moll F.de B. La flexió verbal en els dialectes catalans. Barcelona, 1928-34.
 Allières J. Le subjonctif en -i- du gascon occidental et du catalan oriental // Annales de la Faculté des Lettres de Toulouse. 1967. Vol.3. Fasc.6.
 Alton J. Die ladinischen Idiome in Ladinien, Gröden, Fassa, Buchenstein, Ampezzo. Innsbruck, 1879.
 Anderson J.M., Rochet B. Historical romance morphology. Ann Arbor, 1979.
 Andrieux N., Baumgartner E. Système morphologique de l'ancien français. Le verbe. Bordeaux, 1983.
 Anglade J. Grammaire de l'ancien provençal ou ancien langue d'oc. P., 1921.
 Badia Margarit A. Gramática històrica catalana. Barcelona, 1951. Id. - 1981.
 Barnils P. Comentaris a la flexió alacantina // Butlletí de dialectologia catalana. 1914. Vol.2.
 Bartoli M.G. Das Dalmatische. Bd I-II. Wien, 1906.
 Bartoli M.G. Introduzione alla neolinguistica. Genova, 1925.
 Battisti C. Avviamento allo studio del latino volgare. Bari, 1949.
 Bendel H. Beiträge zur Kenntnis der Mundart von Lescun (Bass.-Pyr.). Diss. Tübingen, 1934.
 Bonnet M. Le latin de Grégoire de Tours. P., 1890.
 Bourciez E. Eléments de linguistique romane. P., 1910.
 Bourciez E., Bourciez J. Phonétique française. Étude historique. P., 1971.
 Brunel C. Les plus anciennes chartes en langue provençale. Recueil des pièces originales antérieures au XIII-e s. P., 1926.
 Burger A. Pour une théorie du roman commun // Mémorial des études latines. P., 1943.
 Burger A. Sur le passage du système des temps et des aspects de l'indicatif du latin au roman commun // Cahiers F.de Saussure. 1949. Vol.8.
 Brunot F. Grammaire historique de la langue française. P., 1899.
 Cahannes B.G. Grammatica romontscha per Surselva e Sutselva. Münster, 1924.
 Canfield D.L., Davis J.C. An introduction to Romance linguistics. London; Amsterdam, 1975.
 Caragiu Marioțeanu M., Giosu S., Ionescu-Ruxăndoiu L., Todoran R. Dialectologie română. București, 1977.
 Chabaneau C. Histoire et théorie de la conjugaison française. P., 1878.
 Chabaneau C. La deuxième personne du pluriel de l'indicatif présent dans les dialectes de l'Est // Revue des langues romanes. 1882. Vol.21.
 Corbett N.L. The French verbal flexion "ons" as a result of homonymy. A study in structure and analogy // Romance Philology. 1969. Vol.22. N 4.
 Coseriu E. Das romanische Verbalsystem. Tübingen, 1976.
 Coteanu I. Structura și evoluția limbii române. București, 1981.
 Dardel R.de. Le parfait fort en roman commun. Genève, 1958.
 Dardel R.de. Le genre des substantifs abstraits en -or dans les langues romanes et en roman commun // Cahiers F.de Saussure. 1960. Vol.17.
 Dardel R.de. Recherches sur le genre roman des substantifs de la troisième déclinaison. Genève, 1965.

- Dardel R.de. La forme de la conjonction latine "si" en roman // Zeitschrift für romanische Philologie. 1978. Bd 94.
- Dardel R.de. Esquisse structurale des subordonnants conjonctionnels en roman commun. Genève, 1983.
- Darmesteter A. Cours de grammaire historique de la langue française. P. I-IV. P., 1891-1897.
- Decurtins A. Zur Morphologie der unregelmäßigen Verben im Bündnerromanischen. Bern, 1958.
- Densuşianu O. Istoria limbii române. Vol. I-II. Bucureşti, 1901-1938. Id. - 1961.
- Diez F. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd I-III. Bonn, 1836. Id. - 1882.
- D'Ovidio F., Meyer-Lübke W. Die italienische Sprache // Gröber, 1888.
- Du Nay A. The early history of the Rumanian language. Lake Bluff, 1977.
- Façon N. Grammatica storica della lingua italiana. Bucureşti, 1964.
- Foerster W. Die toskanische Endung -a/ono der 3. Pluralis Praesentis // Zeitschrift für romanische Philologie. 1898. Bd 22.
- Foley J. Theoretical morphology of the French verb. Amsterdam, 1979.
- Fouché P. Morphologie historique du Roussillonnais: Thèse. Toulouse; P., 1924.
- Fouché P. Le verbe français. Etude morphologique. P., 1931. Id. - 1967.
- Fouché P. Phonétique historique du français. Vol. I-III. P., 1966-1969.
- Franceschi T. Postille alla Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten // Archivio glottologico italiano. 1965. Vol. 50.
- Fuchs A. Über die sogenannten unregelmäßigen Zeitwörter in den romanischen Sprachen. B., 1840.
- Gamillscheg E. Versuch einer Vorgeschichte der romanischen Tempuslehre. Wien, 1913.
- García de Diego V. Elementos de gramática histórica gallega. Burgos, 1906. Id. - 1920.
- Gartner Th. Rätoromanische Grammatik. Heilbronn, 1883.
- Gassner Th. Das altspanische Verbum. Halle, 1897.
- Gauger H.-W., Österreich W., Windisch R. Einführung in die romanische Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1981.
- Gorra E. Morfologia italiana. Milano, 1895.
- Gossen Ch.-Th. Grammaire de l'ancien picard. P., 1970.
- Grafström A. Etude sur la morphologie des plus anciennes chartes languedociennes. Stockholm, 1968.
- Grandgent Ch.H. An outline of the phonology and morphology of old Provençal. Boston, 1905.
- Grandgent Ch.H. An introduction to Vulgar Latin. Boston, 1907. Id. - 1962.
- Grandgent Ch.H. From Latin to Italian. Cambridge etc., 1927.
- Gregor D.B. Friulian. Language and literature. N.Y., 1975.
- Gregory S. La première personne du pluriel dans la langue d'oïl: données nouvelles // Revue de linguistique romane. 1981. Vol. 85. N 1-2.
- Griera A. Gramática histórica catalana. Abadía de S. Cugat del Valles, 1965.
- Gröber G. Grundriß der romanischen Philologie. Bd I. Strassburg, 1888.

- Gulsoy J. El desenvolupament de les formes del subjuntiu present en català // Actes del tercer Col·loqui intern. de llengua i lit. cat. Oxford, 1976.
- Haadema R.A., Muchelmans J. Précis de latin vulgaire. Gröningen, 1963. Id. - 1966.
- Hadlich R. The phonological history of Vegliote. Chapel Hill, 1965.
- Hall R.A.jr. The reconstruction of Proto-Romance // Language. 1950. Vol. 26.
- Hall R.A.jr. On realism in reconstruction // Language. 1960. Vol. 36.
- Hall R.A.jr. Latin -s (-ēs, -ās, -ōs) in Italian // Romance Philology. 1962. Vol. 15, N 3.
- Hall R.A.jr. Coerenza e realismo nella ricostruzione del protoromando // Lingua e stile. 1969. Vol. 4.
- Hall R.A.jr. External history of the Romance languages. N.Y. etc., 1974.
- Hall R.A.jr. Proto-Romance phonology. N.Y. etc., 1976.
- Hall R.A.jr. Proto-Romance morphology. Amsterdam etc., 1983.
- Hentschke G. Die Verbalflexion in der Oxfordter Handschrift des Girart de Rosillons: Inaugural-Diss. Halle, 1883.
- Hoepfner E., Alfarié P. La chanson de S.Foy. P., 1926.
- Hofmann G. Die logudoresische und campidanesische Mundart: Inaugural-Diss. Marburg, 1885.
- Huber J. Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933.
- Iliescu M. Le friulan à partir des dialectes parlés en Roumanie. The Hague; P., 1972.
- Iliescu M., Livescu M. Introducere în studiul limbilor romanice. Craiova, 1980.
- Ivănescu G. Istoria limbii române. Iași, 1980.
- Keller O. La flexion du verbe dans le patois genevois. Genève, 1928.
- Kok A.C., Spa J.J. Un problème de morphologie française: les terminaisons verbales '-ions, '-iez // Revue romane. 1980. Vol. 15. Fasc. 2.
- Lanly A. Morphologie historique des verbes français. P., 1977.
- Lausberg H. Die Mundarten Südlukaniens. Halle, 1939.
- Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Bd I-III. B., 1962-1967.
- Leite de Vasconcellos J. Esquisse d'une dialectologie portugaise: Thèse. Lisboa, 1970.
- Leonard C.S.jr. Proto-Rhaeto-Romance and French // Language. Vol. 40.
- Leonard C.S.jr. Areconstruction of Proto-Lucanian // Orbis. 1969. Vol. 18.
- Leonard C.S.jr. Comparative grammar // Trends in Romance linguistics and philology. Vol. I. Romance comparative and historical linguistics. The Hague; P.; N.Y., 1980.
- Lombard A. Le verbe roumain. Etude morphologique. Vol. I-II. Lund, 1954-1955.
- Lüdtke H. Die strukturelle Entwicklung des romanischen Vokalismus. Bonn, 1956.
- Mańczak W. Le latin classique langue romane commune. Wrocław etc., 1977.
- Manliu J. Gramatica istorică și comparativă a limbii române. București, 1894.
- Marchetti G. Lineamenti di grammatica friulana. Udine, 1952.
- Martin O. Das Patois in der Umgebung von Beaume-les-Dames: Diss. Halle, 1888.

- Maurer Th.H. Gramática do Latín Vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
- Maurer Th.H. O problema do Latín Vulgar. Rio de Janeiro, 1962.
- Mayerthaler W. Zur Diachronie von französisch "-ons". Eine generativ-transformationelle Analyse // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1972. Bd 82.
- Menéndez Pidal R. Orígenes del Español. Madrid, 1926. Id. -1968.
- Meyer-Lübke W. Beiträge zur romanischen Laut- und Formenlehre // Zeitschrift für romanische Philologie. 1884. Bd 8.
- Meyer-Lübke W. Die lateinische Sprache in den romanischen Ländern // Gröber, 1888.
- Meyer-Lübke W. Italienische Grammatik. Leipzig, 1890.
- Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd I-IV. Leipzig, 1890-1902.
- Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901. Id. - 1920.
- Meyer-Lübke W. Zur Kenntnis des Altlogudoresischen. Wien, 1902.
- Meyer-Lübke W. Zur Konjugation im Galloromanischen: Die 2. Pluralis auf -ez im Französischen // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1916. Bd 44.
- Meyer-Lübke W. Grammatica storica della lingua italiana e dei dialetti toscani. Torino, 1927. Id. - 1931.
- Mohl G. La 1-ère personne du pluriel en gallo-roman. Prague, 1900.
- Moignet G. Grammaire de l'ancien français. Morphologie-Syntaxe. P., 1973.
- Monsonégro S., Tomassone R. Le système morphologique du verbe en ancien français. P., 1979.
- Montoliu M. Morfologia del verb segons els documents catalans del Rosselló publicats per N'Alart // Estudis Romanics. 1916. Vol. 1.
- Morariu L. Morphologia verbului predicativ român. Cernăuți, 1924-1928.
- Morel-Fatio A. Das Katalanische // Gröber, 1888.
- Mourin L. Ancien roumain. Bruges, 1962.
- Mourin L. Sursilvain et engadinois anciens, et ladin dolomitique. Bruges, 1964.
- Mourin L. Contribution à la description comparée de la morphologie verbale des langues romanes. Bruxelles, 1966-1968.
- Muljačić Z. Introduzione allo studio della lingua italiana. Torino, 1971.
- Muller H.F. The chronology of Vulgar Latin. Halle, 1929.
- Müller B. Die Herkunft der Endung -i in der 1. Pers. Sing. Präs. Ind. des provenzalischen Vollverbs. Erlangen, 1955.
- Nannucci V. Analisi critica dei verbi italiani investigati nella loro primitiva origine. Firenze, 1843.
- Naselli C. Introduzione allo studio storico della lingua italiana. Catania, 1945.
- Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. Vol. I-VI. Copenhagen etc., 1899-1930.
- Orr J. Ancien fr. meschies ou Meyer-Lübke contre Gilliéron // Travaux de linguistique et de littérature. 1966. Vol. 4. N 1.
- Pallioppi Z. La conjugazione del verb nel idiom romauntsch d'Engadin'Ota. Samaden, 1868.
- Pei M.A. // Symposium. 1947. Vol. 1.
- Pellegrini G.B. Appunti di grammatica storica del provenzale. Pisa, 1962.
- Pittau M. Il dialetto di Nuoro il più schietto dei parlari neolatini. Grammatica. Bologna, 1956.
- Pittau M. Grammatica del sardo-nuorese. Bologna, 1972.

- Poerck G.de. Les plus anciens textes de la langue française comme témoins de l'époque // *Revue de linguistique romane*. 1963. Vol. 27. n 105-106.
- Poerck G.de, Mourin L. Ancien portugais et ancien castillan. Bruges, 1961.
- Politzer R.L. Vulgar Latin -es, Italian -i // *Italica*. 1951. Vol. 28.
- Politzer R.L. On the history of the third person ending in Italian // *Italica*. 1958. Vol. 35.
- Pope M.K. From Latin to modern French. Manchester. 1934.
- Procopovici A. Din morfologia și sintaxa verbului românesc // *Revista filologică*. 1928. Vol. 2.
- Pulgram E. Proto-Indo-European reality and reconstruction // *Language*. 1959. Vol. 35.
- Pușcariu S. Zur Rekonstruktion des Urrumänischen. Halle, 1910.
- Pușcariu S. Etudes de linguistique roumaine. Cluj; București, 1937.
- Renat G. La conjugació dels verbs en valencià. Castellón, 1933.
- Rheinfelder H. Altfranzösische Grammatik. Bd I-II. München, 1963-1967.
- Ronjat J. Grammaire historique des parlers provençaux modernes. Vol. I-IV. Montpellier, 1930-1941.
- Rohlf G. Le gascon. Etudes de philologie pyrénéenne. Tübingen, 1935. Id. - 1970.
- Rohlf G. Historische Grammatik der italienischen Sprache. Bd I-III. Bern, 1949-1954.
- Rohlf G. Ein archaischer phonetischer Latinismus im nördlichen ("lateinischen") Kalabrien // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1982. Bd 98.
- Rothe W. Einführung in die historische Laut- und Formenlehre des Rumänischen. Halle, 1957.
- Rosetti A. Istoria limbii române. Vol. I-VI. București, 1964-1966. Id. - 1978.
- Rydberg G. Le développement de facere dans les langues romanes. P., 1893.
- Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861-62. Id. - 1876.
- Schmidt O. Über die Endungen des Praesens im Altprovenzalischen. Darmstadt, 1887.
- Schultz-Gora O. Altprovenzalisches Elementarbuch. Heidelberg, 1906.
- Silva Neto S. Historia do Latim Vulgar. Rio de Janeiro, 1957.
- Söderhjelm W. Über Akzentverschiebung in der 3. Pers. Pl. im Altfranzösischen. München, 1895.
- Stan I. Gramatica istorică a limbii române. Timișoara, 1977.
- Steinmüller G. Über Bildung und Gebrauch der Tempora und Modi bei dem Troubadour Bertran de Born. Würzburg, 1887.
- Stimm H. Zur Entstehung der Verbalendung -el (1. Pers. Sing.) im Surselvischen // *Stimmen der Romania*. Wiesbaden, 1980.
- Stolz F., Schmalz J.H. Lateinische Grammatik. München, 1928.
- Strecker K. Introduction à l'étude du latin médiéval. Genève, 1948.
- Stürzinger J. Über die Conjugation im Rätoromanischen. Winterthur, 1879.
- Tagliavini C. Origine limbilor neolatine. București, 1977.
- Tekavčić P. Uvod u vulgarni latinitet. Zagreb, 1970.
- Tekavčić P. Grammatica storica dell'italiano. Vol. I-III. Bologna, 1972. Id. - 1980.
- Thomas A. L'origine du parfait provençal en -et // *Essais de philologie française*. P., 1897.

- Tiktin H. Die rumänische Sprache // Gröber, 1888.
 Tiktin H. Rumänisches Elementarbuch. Heidelberg, 1905.
 Trager G.L. Changes of emphasis in linguistics: a comment // Studies in Philology. 1946. Vol. 43.
 Ulrich J. Die S-loose Form der 1. Pluralis // Zeitschrift für romanische Philologie. 1898. Bd 19.
 Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. P., 1963. Id.- 1967. Id.- 1981.
 Varvaro A. Considerazioni sul problema del proto-romanzo // Problemi della ricostruzione in linguistica (Atti del convegno internazionale di studi, Pavia, 1-2 ottobre 1975). Roma, 1977.
 Velleman A. Grammatica teoretica, pratica ed istorica della lingua d'Engadin'Ota. Zürich, 1915-1924.
 Vidos B.E. Manuale di linguistica romanza. Firenze, 1959.
 Vittur F., Plangg G. L Ladin dla Val Badia. Brixen, 1968.
 Wagner M.L. Flessione nominale e verbale del sardo antico e moderno // L'Italia dialettale. 1938. Vol. 14. 1939. vol. 15.
 Walsh Th.J. Hazards in the reconstruction of Proto-Romance // Romance philology. 1980. Vol. 34.
 Wiese B. Altitalienisches Elementarbuch. Heidelberg, 1904.
 Zamora Vicente A. Dialectología española. Madrid, 1960.
 Zauner A. Die Konjugation im Bearnischen // Zeitschrift für romanische Philologie. 1896. Bd 20.
 Zauner A. Altspanisches Elementarbuch. Heidelberg, 1921.
 Zauner A. Romanische Sprachwissenschaft. Bd I-II. B.; Leipzig, 1921.

И С Т О Ч Н И К И

- Alexandro - Libro de Alexandro // BAE, 1864.
 Alexis - Sankt Alexius / Hsg. G.Rohlf. Halle, 1950.
 Alfonso Onceno - Poema de Alfonso Onceno // BAE, 1864.
 Alig - Alig B. Enzacontas canzuns spiritualas. Cuera, 1674. Id. Epistolas ad Evangelis, Cuera, 1674. Id. La passion de nies Segner Jesu Christi. Prag, 1672.
 Aucassin - Aucassin et Nicolette / Ed. M.Roques. P., 1968.
 Barandun - Barandun J. La giuvantegna diglg J.B. Cuera, 1864.
 Berceo, S.Millan - Berceo G.de. Estoria de S.Millan // BAE, 1864.
 Berceo, Milagros - Berceo G.de. Milagros de nuestra Sennora // BAE, 1864.
 Bifrun - Bifrun J. Das Neue Testament (1560) / Hsg. Th.Gartner. Dresden, 1913.
 Boetius - Boëcis. Poème sur Boèce / Ed. R.Lavaud, G.Machicot. Toulouse, 1950.
 Bonifaci - Bonifaci D. Catechismus. Lindau, 1601.
 Caduff - Caduff G.C. Testamen dell'Olma. Panaduz, 1705.
 Calvenzano - Calvenzano G.A. Bref apologetica. Milaun, 1612. Id. In cuort Moussament. Bressa, 1654.
 Catechismi 1707-1788 - Altsurmeirische Katechismen [Verschiedene Ausgaben].
 Cervantes, Quijote - Cervantes M.de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. La Habana, 1972.
 Chiampel - Chiampel D. Vn Cudesch da Psalms. Basel, 1562.
 Cid - Cantar de mio Cid / Ed. Menéndez Pidal R. Madrid, 1911.
 Cielo d'Alcalmo // Monaci, 1955; Żaboklicki, 1968.

- Dante - Dante A. De vulgari eloquentia / Ed. P.Raina. Firenze, 1896. Id. Divina comedia. Id. La vita nuova. Firenze, 1962.
- Da Sale - Da Sale F. Fundamenti della lingua Retica. Disentia, 1729.
- Don. Gram. - Donatus Aelius Grammaticus. Ars Grammatica // Keil, 1857-80, IV.
- Ennius, Sc. - Ennius. Scenica // Jocelin D.H. The tragedies of Ennius. The fragments. Cambridge, 1967.
- Erec - Chrétien de Troyes. Erec et Enide / Ed. M.Roques. P., 1952.
- España Sagrada - Begonnen von Florez. Bd I-LI. Madrid, 1747-1879.
- Eulalie - La séquence de S.Eulalie // Foerster W., Koschwitz E. Altfranzösisches Übungsbuch. Leipzig, 1921.
- Froissart, Méliador / Ed. A.Longnon. P., 1895-1899.
- Fueros de Avilés, de Brañosera, de Juzgo, de Medinaceli, de Oviedo // Collección de fueros municipales / Ed. D.Tomás Muñoz y Romero. Madrid, 1847.
- Gabriel - Gabriel L. Ilg nief Testament. Basel, 1648.
- Glossas - Altspanische Glossen / Hsg. Priebach // Zeitschrift für romanische Philologie. 1898. Bd 19.
- Goldoni - Goldoni C. La moglie saggia. La locadiera // CR, 1962-1970, II.
- Greg. Tur. - Gregor von Tur. Zehn Bücher Geschichten. Bd I-II. B., 1967.
- Hiob - Hiob. Ein oberengadinisches Drama aus dem XVII. Jh. / Hsg. E.O.Kofmel. Solothurn, 1889.
- Job - L'Hystoire Job par Pierre de Blois / Ed. Bates. P., 1892.
- Juego de tres Reyes - Das altspanische Dreikönigspiel // Keller O. Altspanische Lesebuch. Leipzig, 1890.
- Keil H. Grammatici latini. Bd I-VIII. Leipzig, 1857-1880.
- Léger - La vie de S.Léger / Ed. D'A.S.Avalle. Pavie, 1967.
- Lucretius - Oeuvres complètes de Lucrèce / Ed. M.Blanchet. P., s.a.
- Maria Egipciana - Vida de S.Maria Egipciana // BAE, 1864.
- Monaci E. Crestomazia italiana dei primi secoli. Roma etc., 1955.
- Nauli - Nauli A. Anatomia dil sulaz. Dil Steaffan Gabriel. Lyon, 1618.
- Papa - Papa L. La sabgienscha da Jesu filg da Sirach. Puschlaeff, 1613.
- Passion - D'A.S.Avalle. Cultura e lingua francese delle origini nella "Passion" di Clermont-Ferrand. Milano; Napoli, 1962.
- Pitschen - Pitschen N.C. Euthanasia. Scuol, 1662.
- Plautus, Bacch. - Plautus Titus Maccius. Bacchides // Lindsay W.M. T.M.Plauti comediae. Oxford, 1968.
- Prisc. - Priscianus. Institutiones grammaticae // Keil, 1857-80, II-III.
- Probus Gram. - Probus Grammaticus // Keil, 1857-80, IV.
- Propertius - Properz. Gedichte / Hsg. R.Helm. B., 1978.
- Quatrième Evangile - Traduction provençale de l'Evangile de S.Jean / Ed. P.Wunderly, P., 1969.
- Rimado de Palacio // BAE, 1864.
- Roland - La Chanson de Roland / Ed. G.Moignet. P., 1969.
- Sponsus - Sponsus // Ed. D'A.S.Avalle. Milano; Napoli, 1965.
- Travers // Flugl A.v. Zwei historische Gedichte in ladinischer Sprache aus dem XVI. und XVII. Jh. Chur, 1865.
- Uguçon - Das Buch des Uguçon da Laodho. B., 1884.
- Varro - Varro M.T. De grammatica et al. // Funaioli H. Grammaticae romanae fragmenta. Leipzig, 1907. Id. - Stuttgart, 1969.
- Vida de S.Ildefonso // BAE, 1864.

Wendenzen - Wendenzen A. La vita de nies Segner. Cuera, 1675.
 Zaboklicki K. Antologia della letteratura italiana. Vol. I. Delle
 origini a Ludovico Ariosto. Warszawa, 1968.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

ГСРЯ - Грамматика и семантика романских языков (К проблеме уни-
 версалий) / Отв. ред. Г.В.Степанов. М., 1978.
 КГИЛМ - Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Киши-
 нэу, 1964.
 МССИЯ - Морфологическая структура слова в индоевропейских языках
 / Отв. ред. В.М.Жирмунский, Н.Д.Арутюнова. М., 1970.
 СИИЯРС - Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.
 Современное состояние и проблемы / Отв. ред. Н.З.Гаджиева.
 М., 1981; Сравнительно-историческое изучение языков разных
 семей. Задачи и перспективы / Отв. ред. Н.З.Гаджиева. М.,
 1982.
 ССТРЯ - Сравнительно-сопоставительная грамматика романских язы-
 ков. Проблема структурной общности / Отв. ред. М.С.Гурычева.
 М., 1972.
 ТОКЯМ - Теоретические основы классификации языков мира / Отв.
 ред. В.Н.Ярцева. М., 1980.

AIS - Atlante linguistico Italiano-Svizzero / Ed. K.Jaberg, J.Jud.
 Zofingen, 1928-1940. Index. Bern, 1960.
 BAS - Biblioteca de autores espanyoles desde la formacion del len-
 guaje hasta nuestros dias. Poetas castellanos anteriores al
 siglo XV / Ed. Sanchez et al. Madrid, 1864.
 CIL - Corpus inscriptionum latinarum / Ed. Th.Mommsen. B., 1862-
 1956. Vol. I-XVI.
 CR - Crestomație romanică / Ed. I.Iordan. București, 1962-1970.
 Vol. I-III.

абруц. - абруцский (ит.)
 англонорм. - англонорманд-
 ский (фр.)
 апул. - апулийский (ит.)
 араг. - арагонский (исп.)
 арет. - аретинский (ит.)
 арум. - арумынский
 арх. - архаический
 балаар. - балаарский (кат.)
 балканором. - балканороманский
 болон. - болонский (ит.)
 валенс. - валенсийский (кат.)
 вал. - валлонский (фр.)
 вельот. - вельотский (длм.)
 венет. - венетский (ит.)
 венец. - венецианский (ит.)
 верон. - веронский (ит.)
 верхнезнг. - верхнеэнгадин-
 ский (рет.)
 воост. - восточный

галис. - галисийский
 галлором. - галлороманский
 гаск. - гасконский
 генуэз. - генуэзский (ит.)
 дакорум. - дакорумынский (рум.)
 диал. - диалект/диалектный
 длм. - далматинский
 зап. - западный
 иберором. - иберороманский
 импер. - императив
 импф. - имперфект
 инд. - индикатив
 исп. - испанский
 истрорум. - истрорумынский
 ит. - итальянский
 италором. - италороманский
 иудеоисп. - иудеоиспан-
 ский (исп.)
 к. - карта
 калабр. - калабрийский (ит.)

камп. - кампиданский (срд.)
 кампан. - кампанский (ит.)
 каст. - кастильский (исп.)
 кат. - каталанский
 кл. - классический
 кнд. - кондиционал
 кон. - конъюнктив
 корс. - корсиканский (ит.)
 лангед. - лангедокский (окс.)
 лат. - латинский
 леон. - леонский (исп.)
 ливорн. - ливорнский (ит.)
 лигур. - лигурский (ит.)
 лион. - лионский (франкопрв.)
 лит. - литературный
 лог. - логудорский (срд.)
 ломб. - ломбардский (ит.)
 лотар. - лотарингский (фр.)
 лукан. - луканский (ит.)
 лукск. - лукский (ит.)
 македорум. - македорумын-
 ский = арум.
 марк. - маркский (ит.)
 мегленорум. - мегленорумын-
 ский
 милан. - миланский (ит.)
 млд. - молдавский
 мосараб. - мосарабский
 мюнст. - мюнстерский (рет.)
 неапол. - неаполитанский (ит.)
 нижнеэнг. - нижнеэнгадин-
 ский (рет.)
 нов. - новый
 нуор. - нуорский (срд.)
 общером. - общероманский
 окс. - окситанский = прв.
 п. - пункт
 пизан. - пизанский (ит.)
 пикард. - пикардский (фр.)
 ппф. - плюсквамперфект
 през. - презено

пров. - провинция
 прв. - провансальский = окс.
 прт. - португальский
 пф. - перфект
 пьемонт. - пьемонтский (ит.)
 рагуз. - рагузский (длм.)
 рет. - ретороманский (язык)
 ретором. - ретороманский (пра-
 диалект общером.)
 рим. - римский (ит.)
 рум. румынский
 салент. - салентинский (ит.)
 сардором. - сардороманский
 сассар. - сассарийский (ит.)
 сев. - северный
 сельв. - сельвский (рет.)
 сиен. - сиенский (ит.)
 сицил. - сицилийский (ит.)
 совр. - современный
 спр. - спряжение
 срд. - сардинский
 ст. - старый
 сурм. - сурмиранский (рет.)
 сурсельв. - сурсельвский (рет.)
 сутсельв. - сутсельвский (рет.)
 тарант. - тарантский (ит.)
 тирол. - тирольский (рет.)
 тоскан. - тосканский (ит.)
 трентин. - трентинский (ит.)
 умбр. - умбровский (ит.)
 флорент. - флорентийский (ит.)
 фр. - французский
 франкопрв. - франкопрован-
 сальский
 франс. - франсийский (фр.)
 фриул. - фриульский
 фут. - футурум
 центр. - центральный
 эмил. - эмилианский (ит.)
 энг. - энгадинский (рет.)
 юж. - южный

О г л а в л е н и е

Предисловие	3
Введение. Принципы реконструкции общероманской глагольной морфологии	5
Глава I. Иберороманские парадигмы	22
Глава II. Галлороманские парадигмы	31
Глава III. Ретороманские парадигмы	45
Глава IV. Италороманские парадигмы	58
Глава V. Балканороманские парадигмы	78
Глава VI. Сардороманские парадигмы	90
Глава VII. Общероманские парадигмы	98
Заключение	113
Литература	118
Источники	125
Принятые сокращения	127

В 1987 г. в издательстве Уральского университета
выйдет из печати монография

В.Д.Маргулис

ИЗУЧЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).

Монография посвящена проблеме речевого функционирования
образных словосочетаний современного английского языка и
семантической организации высказывания.

Представлен анализ упрощения фразеологизмов, модели
значения устойчивого словосочетания, схемы организации тек-
стов в естественном языке.

Для специалистов в области языкознания, учителей сло-
весников, студентов-филологов.

Объем 10,0 уч.- изд. л.

Тираж 1100 экз.

Цена I р. 50 к.

Заявки направлять по адресу: 620083, г.Свердловск,
ул. Ленина, 51, университет, издательство.

В 1987 г. в издательстве Уральского университета
выйдет из печати монография

В.М.Паверман

АМЕРИКАНСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ 60-х ГОДОВ XX ВЕКА.

В монографии исследуются особенности развития прогрессивной драматургии 60-х годов XX столетия. Автор изучает творчество Б.Стейнбека, Э.Олби, Л.Хенсбарри, Дж.Болдуина и других драматургов, борющихся против буржуазной морали, расизма и милитаризма. обстоятельно анализируются идейно-эстетические позиции драматургов, проблематика и поэтика их произведений. Творчество названных драматургов столь углубленно анализируется в нашем литературоведении впервые.

Объем 12,0 уч.-изд.л.

Тираж 1000 экз.

Цена I р. 80 к.

Заявки направлять по адресу: 620083, г. Свердловск,
ул. Ленина, 51, университет, издательство.

Валентин Иосифович Томашпольский
ОБЩЕРОМАНСКИЙ ГЛАГОЛ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ОКОНЧАНИЙ

Редактор

Е.Ф.Васюта

Технический редактор

Э.И.Савиновских

Корректор

Е.Г.Понизовкина

ИБ № 33

Подписано к печати 11.12.86. НС 11207.

Формат 60х84 1/16. Уч.-изд.л. 7,0 Усл.печ.л. 8,0.

Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Тираж 500.

Заказ 221 Цена 40 к.

Издательство Уральского университета

620033. Свердловск, просп. Ленина, 51

ЦЕХ № 4 ОБЪЕДИНЕНИЯ "ПОЛИГРАФИСТ", СВЕРДЛОВСК, ТУРГЕНЕВА, 20

